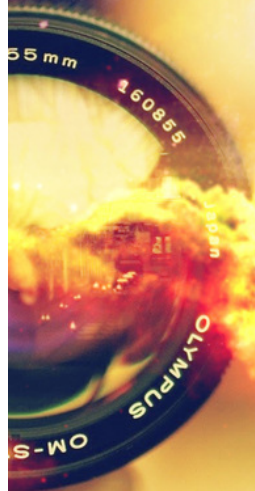

СБОРНИК РЕДАКТОРСКИХ АНОНСОВ ЛИТЕРАТУРНОГО ПОРТАЛА

ИЗБА-ЧИТАЛЬНАЯ

ТОМ ВТОРОЙ
ПРОЗА

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ
2016 ГОД

**Галина Уварова
Полина Орынянская
Сергей Черсков**

**Сборник редакторских анонсов
литературного портала Изба-
читальня. Том второй. Проза
Серия «Имба-читальня», книга 2**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21570053

*Сборник редакторских анонсов литературного портала Изба-
читальня. Том второй. Проза: Издать Книгу; 2016*

Аннотация

В сборник редакторских анонсов литературно-художественного портала Изба-читальня (второй том) вошли лучшие прозаические произведения наших авторов за период с мая 2015 года. Представленные творческие работы современников – своеобразный сгусток духовной жизни. Их авторы относятся к разным поколениям, имеют разные жизненные взгляды, жизненный опыт, но их внутренний мир требует выражения в слове, хотя глубина и сила этого слова у каждого из них своя и определяется глубиной и силой таланта.

В представленных творческих работах разных жанров читатель найдёт размышления о вечных ценностях, тонкий и светлый лиризм человеческих отношений и поиски опоры в корневых устоях национальной жизни.

Содержание

Валерий Белов	7
Упрямая Жаба. (Катя Иванова) – Сказка 22.11.2015	7
Нюрка (Борис Бочаров) – Сказка 13.11.2015	11
Новый год в разгаре лета (Галина Агапова) – Рассказ. 02.11.2015	18
Мечта о черевичках (Владим Филипп) – Публицистика. 13.08.2015	53
Память наша... (Серёга Наумов) – Очерк. 18.05.2015	58
Странички войны. (Владим Филипп) – Интервью. 18.05.2015	64
Тысячелетняя война (Владим Филипп) – Публицистика. 23.05.2015	69
Анатолий Болгов	88
На цыпочках по радуге (Ольга Луценко) – Сказка 19.01	88
Одно лето в аду, Виолетта Баша, «Литературная Россия», 2003. Рассказ. 06.12.2015	108
О жизни и творчестве Льва Куртена – Казанцева. Пётр Трапезников. Часть 3 – Очерк. 24.06.2015	124

Ди. Ваню	129
Красота (Александр Александров) – Рассказ. 09.05.2015	129
О жизни и творчестве Льва Куртена – Казанцева. Пётр Трапезников. Часть 1 – Очерк. 20.06.2015	136
О жизни и творчестве Льва Куртена – Казанцева. Часть 2. Пётр Трапезников. Очерк 22.06.2015	140
О жизни и творчестве Льва Куртена – Казанцева. Часть 4. Пётр Трапезников. Очерк 24.06.2015	144
Штора (Александр Александров) – Рассказ. 19.09.2015	150
Россия вернулась. Она на пороге. (Юрий Алексеев). Рассказ. 23.12.2015	154
Иланка	156
Сказка о том, как Диван-Царевич Новый год встречал С. Васильев. Юмор. 01.11.2015	156
Рябчики-пешеходы (охотничья тропа) Провинциал. Рассказ. 07.10.2015	163
Вадим Ионов Совершенство – Миниатюра. 02.10.2015	178
Алексей Брайдервик. Избыточность – Рассказ. 17.09.2015	181
Ирина Артюхина. Обычная история – Сказка.	186

07.09.2015	
Ирина Бауэр Труба Фрица – Другое.	190
31.08.2015	
Валентин Мурзов. Козёл. – Миниатюра.	209
28.08.2015	
Зинаида Соколова-Сафонова. Логика (Из цикла «Сны Разума...») – Миниатюра.	215
09.08.2015	
Алексей Александрович Федотов. Черный карликовый тигр. Фэнтези 13.07.2015.	217
Зверландия	
Конец ознакомительного фрагмента.	220

Сборник редакторских анонсов литературного портала Изба-Читальня Том второй. Проза

Валерий Белов

Упрямая Жаба. (Катя Иванова) – Сказка 22.11.2015

Поздняя осень пришла в лес.

Листья с деревьев облетели, оголили ветви деревьев, ветер пригнул их к земле.

Перелетные птицы собрались в стаи и улетели в теплые края на зимовку. Некоторые звери забрались в свои норки, приготовились к зимней спячке.

Иногда пролетал снег, но днем, когда солнце ярко светило, он таял, превращался в капли воды.

На опушке леса было старое болото, там обитало много болотных жаб. Летом их громкое кваканье раздавалось далеко в лесу, пугало птиц, животных и детей, которые прихо-

дили на опушку леса за ягодами и грибами.

– Ой, какие большие и крикливые лягушки живут в этом болоте? – удивлялись дети.

Ночные заморозки начали покрывать тонкой пленкой льда поверхность болота.

– Холодно. Ква-ква, солнца нет, темные тучи закрыли его, не хотят нам показывать теплые лучи, – квакала молодая болотная Жаба, высунув морду из холодной болотной жижи.

– Скоро зима, мороз и холода! Снег, снег идет к нам. Кар-кар, – каркала Ворона, пролетая мимо болота. Она увидела большую Жабу, высунувшуюся из болота и села на ветку дерева, недалеко от него.

– Тебе, Жаба, пора на дно болота спускаться и в ил прятаться. Спать в мягкую кроватку ложиться. Проспишь так всю зиму до весны.

– А я не хочу, – квакала Жаба. – Я хочу посмотреть зимний лес и наше болото зимой.

– Ты замерзнешь и умрешь! Все жабы и лягушки зимуют на дне болота, – каркала Ворона.

– Нет, мы, Жабы, не мерзнем – мы холоднокровные, мы от холода засыпаем, а тепло настанет – мы просыпаемся. Никто из нас не видел, какая Зима и что происходит на нашем болоте. Я хочу посмотреть, я хочу все знать.

– Какая ты упрямая! Ты молодая еще и должна слушать старших, они больше тебя знают. Что ты кушать будешь? Комаров и насекомых зимой нет.

– А я хочу зиму на верху болота прожить, буду в воде травку искать! – упрямилась Жаба.

– Так ты будешь без воды, она превратится в лед. Ты погибнешь, – спорила Ворона.

– Нет, не умру. Хочу посмотреть на зимнее болото свое.

– А что его смотреть, я тебе расскажу. Я давно живу, все знаю. Так вот: придет Зима со снегом и морозом. Деревья наденут шубы из снега и будут такие красивые белые стоять. Землю покроет белое одеяло, болото замерзнет, и вода превратится в твердый лед. В лесу только ветер будет петь свою песню. Птиц и зверей мало останется: много птиц улетели в теплые края, животные спрятались от холода в норки, а кто останется – те будут прятаться от холода и студеного ветра.

– Нет, я хочу увидеть это сама, – настаивала Жаба.

– Надо нырять на дно болота и прятаться от холода, – квакали другие Жабы. – Мы замерзнем. Пошли быстрее с нами!

– Нет, я останусь на поверхности, – упрямилась молодая Жаба.

– Ну и оставайся, а мы спускаемся на мягкое дно, – ответили ей сородичи.

На следующий день мороз еще сильнее сковал поверхность болота. Молодая жаба вылезла на тонкий лед, повернулась брюшком к солнцу и лежит, греется.

Мимо пробегала рыжая Лиса. Увидела большую толстую жабу, греющуюся на солнышке.

«Как бы мне ее достать, она на тонком льду лежит. Меня

этот лед не выдержит – провалюсь в болото. Какая она аппетитная, сейчас я ей полакомлюсь», – подумала она.

– Жаба, ты такая красивая, – хитро и ласково сказала Лиса. Подойди ко мне поближе, я что-то спрошу у тебя. А где твои родственники?

Жаба перевернулась и нехотя медленно подошла к берегу:

– Они все спят на дне болота. А я хочу посмотреть болото зимой, – отвечала глупая молодая Жаба.

– Ааааа! – только и ответила Лиса, она схватила толстую Жабу и съела ее.

Так упрямая и глупая Жаба не увидела зимнего болота.

Нюрка (Борис Бочаров) – Сказка 13.11.2015

Утро. Поздняя осень. Опавшие листья плывут по реке. Ба-
бье лето позади. Мерзопакостно и холодно. Несмотря на до-
жди, вода в реке прозрачная. В половине метра от поверх-
ности воды стоит, едва шевеля от холода и голода плавни-
ками, щука Нюрка в ожидании хотя бы какой-нибудь добы-
чи. Своё прозвище она получила от щучьего народа за свою
юркость и проницательность. Скажете, что тогда её надо бы на-
звать было Юркой. Можно и так, если бы это имя было ба-
бьим. Да, уважаемые, Нюрка, на самом деле – щука, но ещё и
женского пола. Поэтому она свою кличку вполне заслужила
и оправдывает. «Делов-то всего»: прибавили к мужицкому
имени букву «Н» и натура стала вполне соответствовать
её содержанию. Отчаянная и ловкая баба, любой мужик из
щук позавидовать может. Экстремалка, одним словом, и ещё
какая... , при этом явно в авторитете. Авторитет вполне за-
служенный, так как из любой, даже самой пиковой ситуации,
выходит красиво и с помпой, в особенности при встрече с
рыбаками, что не у каждой рыбины получается, особенно,
если она оказывается на крючке. Да что там крючки – трой-
ники, сети, неводы, верши и намётки ей нипочём.

Но вот сегодня ей что-то не везёт. И не потому, что она
не с того плавника встала. Нет, она не спала вовсе и ниско-

лечко этой ночью не вздремнула. Охота ещё с вечера оказалась дрянной. Не удалось поймать не единой рыбёшки и даже заморить где-нибудь червячка. Под ложечкой посасывало. Она, было, попыталась задремать на голодный желудок, но и тут ей помешали. Сначала за ней гонялись на лодке два каких-то лишенца и глаза слепили ярким светом, пытаюсь при этом пропороть длинными железными зубьями левый или правый бока, а то и вонзить их в хребтину. Ослеплённая яркими лучами, она еле успевала уворачиваться от ударов. Спасла глубина. Удалось лечь, как подводной лодке, на грунт, куда свет не пробивался. Думала отлежаться немного, пока эти придурки не отъедут от греха подальше, но опять не тут-то было. . . . Случилось невероятное. Почти в абсолютной безопасности её шандарахнула какая-то молния так, что закипели мозги, и глаза как пузыри стали вылезать наружу. Тело вытягивалось и покрывалось мурашками. Наступало полнейшее онемение всего организма. Она потеряла всякую плавучесть и остойчивость, так как не чувствовала своих плавников. Какая-то сила её стала поднимать вверх. Что это было, она так и не поняла. Спасло течение. Оно отнесло её от злополучного места. Спасибо ему.

Вильнув хвостом и всплыв на поверхность, она увидела, как какой-то урод (в моральном смысле) ловко орудовал в кустах и камышах электрошокером. Электроудочка, – мелькнуло в башке. Да, этот идиот был самый-самый из всех раскрученных браконьеров, оснащённый современными техно-

логиями. Своими контуженными мозгами она стала понимать, что ей очень крупно повезло. Ей просто чудом удалось уйти из лап самого крупного хищника на речке. Совсем забыв о голоде, она, вконец измученная и побитая, интуитивно поплелась на свою территорию и вскоре встала на своё привычное место охоты. Может быть (она рассуждала), с этого момента судьба её перестанет так колбасить и наступит наконец-то долгожданное везение.

Но тут появились первые спиннингисты и рьяно, как по команде, начали бросать свои блёсны, твистеры, воблеры и попперы. Нюрка, не довольная нарушенной тишиной реки, прошепелявила:

– Во! Говорят, у людей утро не бывает добрым, так оно и есть. Все какие-то чмурные с утра. Отклеившись от тёплых своих баб, не выспавшись, как следует, не опохмелившись, и сразу прям сюда... идиоты. Как же, ждали вас тут. А злости-то, злости сколько, у них она азартом зовётся, а жадности – аж в трясун бросает! Каждый так и норовит у другого жилу перехватить и своим опережающим броском омут протаранить. Проснулись, нещучьи дети! И у меня это утро из-за вас тоже не доброе. Ну, здрасьте, давно не виделись! Вчера бомбили – бомбили, покоя своими железками не давали, аж башка раскалывалась от их буханья, всего малька разогнали. Думали, дуру меня старую, словите? Два шиша, вам, и третий – в прикупе. Ну что ж так опять мне не везёт..., – матюкаясь на всю речку, причитала Нюрка.

Было чему огорчаться. Впереди холода, зима, речка скоро льдом покроется, а она до сих пор не набрала положенного веса и жира. Нет, так до весны не дотянуть. И в этот момент как по заказу около её носа завертелась маленькая рыбка, похожая на подранка. Видать, её окунь слегка помял, но она удрала от него. От меня не убежишь, штучка вертлявая! И Нюрка со всей жадностью заглотила рыбёшку. Но ей опять не повезло – рыбка та оказалась силиконовой обманкой, да с приличным крюком. Крюк, отменно замаскированный у верхнего плавника силиконовой уклейки, надёжно продырявил нюркину щёку, выйдя остриём с наружной стороны. Ну вот, всё же засекли, сволочи! Повезло наконец-то, – печально усмехнулась Нюрка и сразу почувствовала, как какая-то неведомая сила стала тащить её к берегу. В коряги! – мелькнула спасительная мысль. И Нюрка, пренебрегая болью в скуле, нырнула в глубину к корягам, натягивая леску из последних сил до звона металлической струны. И ей удалось зацепиться за одну приличную коряжину и запутать леску вокруг неё. Оставалось только ждать, чем закончится дальнейшая борьба.

Борьба длилась недолго. С берега напрасно кто-то дёргал леску то слева, то справа от коряги, пытаясь ликвидировать зацеп, и менял при этом вдоль берега своё положение, пока и вовсе не оторвал её. Нюрка, очень довольная благополучным исходом, глотнув с облегчением пол-литра мутной воды, еле прошепелявила, что ей опять крупно повезло. С обрывком

лески и с крючком в щеке, на котором, похожими на соплю, болтались остатки силикона, она из-за любопытства поднялась наверх, чтобы посмотреть на того рыбака, который чуть было её не заарканил. И... увидела сплошное пузатое ничтожество в длинных, чуть не под самое горло резиновых сапогах.

Да, по берегу бегал толстячок, растопырив руки, показывая соседним рыбакам, каких размеров щука у него только что оборвала леску. Занятно, врёт ещё, гадёныш! – посмеивалась Нюрка. Да таких размеров и щук в нашей речке днём с огнём не сыскать. Алкоголик несчастный, а не рыбак, тебе только шнурков в нашей луже ловить! Шнурками она называла молоденьких и несмышленных щурят, которые готовы были бросаться на любую железку. Но ей всё же приятно было, что её так возвеличивают и сразу её дух щучий стал подниматься. Ну, вот, всё же мне очень повезло, – снова подумала она и возвратилась на своё прежнее место.

Однако настроение мгновенно стало падать, когда она на своей территории увидела одноглазую щуку Маньку, с соседнего участка. Та имела иногда привычку покрсытничать на чужих территориях в отсутствии хозяев, а глаз свой потеряла, когда ещё молодым щурёнком еле-еле выскочила из цепких лап выдры.

– Ты чего делаешь на моей территории, крыса одноглазая? – не церемонясь с тактом, спросила Нюрка Маньку.

– Да так.... Вот зашла посмотреть и убедиться, правда ли

народ говорит, что тебя на железку поймали?

– Не дождётесь! Вали-ка отсюда, покуда я тебе, шакальей твоей душе, второй глаз не прокусила!

– Уйду, уйду, только ведь тебя на берегу видели, как ты трепыхалась, значит, опять повезло, удрала-таки?

– Мань! А кто это меня видел?

– Видели.... Да вон у тебя обрывок лески и кусок блесны за щекой торчит.... Значит правду народ щучий глаголит!

– Ну, щуки! На минуту по нужде отлучиться нельзя... на песочек или в коряги, сразу выдумывают Бог весть чего... А то, что видишь ты у меня за щекой, так это не блесна, а новый наворот, который пирсингом зовётся. Не творческая личность ты, Манька! Чаще в салон мод плавать надо, а не жрачкой заниматься на чужих территориях. Давай проваливай отсюда и всем передай, что я жива и здорова.

Боль в нюркиной скуле стала проходить. Опавшие листья от прибрежных вязов и раkit продолжали плыть по реке, но они уже так упадочно не действовали на психику щуки. Да, скоро зима, – думала Нюрка, – что ж обычная пора..., не хуже осени, – и она уже не ощущала ни голода, ни холода..., ни страха. Провожая недовольным взглядом одноглазую Маньку, неохотно покидавшую её добычливую территорию, Нюрка, глядя ей вслед, успокаивала себя аутогенными словечками:

– Ничего, ничего, не пройдёт и недели, крючок сам от ржавления отвалится и всё станет на свои места, – и, поду-

мав, добавила, – нет, ребята-щурята, всё же я везучая...

Москва, 6.10. 12

опубликовано в Международном иллюстрированном журнале

ТУРИСТ № 5-2015

Новый год в разгаре лета (Галина Агапова) – Рассказ. 02.11.2015

Я опоздала на работу. Напарница Таня встретила меня стандартными словообразованиями:

– Привет, дорогая! Ты сегодня припозднилась, чего раньше не наблюдалось.

– Да, вот, как говорится, и на старуху бывает проруха, – между прочим обмолвилась я, – в автобусе защищала свое тело от дорожно-транспортного приключения. С большим трудом пролезла в угол и прижалась к стене...

– Я хожу пешком и радуюсь: вещи не изнашиваются.

Таня заполняла журнал посещаемости и, не поднимая головы, сделала вывод: – Хорошо, что есть стены.

– Однажды Ивашка с недетской тоской в голосе попросил: «Лариса Митрофановна! Можно встать в угол? Мне все надоело!!»

– Ты случайно не заболела?

– Надоела мать с нескончаемой верой в свою идеальность, Андрей, заливающий водкой собственную безалаберность, автобус, ползущий еле-еле, волосы, падающие на глаза, ду-хота...

– Не горюй: сегодня обещают денежку дать.

– Это хорошо! С работы пойду постригусь!

– В монахини?

– Шутка! Хочу подстричься под Хакамаду, имидж изменить. Одобряешь? – Я внимательно посмотрела на Таню и придурковато задрала голову.

– Ты молодая, тебе можно экспериментировать.

Таня знала, чем можно уколоть подругу.

– Да я очень молодая, а ты старая, несмотря на то, что мы – ровесницы. Тань, что ты выделяешься?

– Я не выделяюсь, просто у меня дети, семья, о себе и не думаешь. Хочется хорошо выглядеть, да денег не хватает.

– Тань? Я решила выйти замуж, советуешь?

Таня отложила журнал и пристально посмотрела на меня.

– Как можно советовать? Зовут и любишь – иди!

– А если любишь, но не зовут?

– Позови сама, так делают. Это в шестнадцать можно ждать, пока позовут, а в нашем возрасте самой предлагать надо. Ничего страшного. Мужики сейчас умные, отношения свободные, они и не торопятся жениться. Когда свадьба?

– Я пошутила, никуда я не собираюсь. Изучаю общественное мнение.

– У тебя плохое настроение?!

У меня и правда было плохое настроение, но я сослалась на магнитную бурю:

– Чувствую, что наэлектризовалась. Принимай статический удар.

Я схватила Таню за руку, и ее ударило током.

– Ну ты даешь! Всех женихов распугаешь. Возьми анти-

статик.

– Здравствуй, Лариса Митрофановна, – Александра Филипповна вошла с полной кастрюлей рисовой каши. – Что случилось? Кто обидел мою девочку?

– Никто не обидел, – я подошла вплотную к няне, обняла и детским голосом заныла, – можно, я не буду обедать?

– Щи да каша – пища наша! Давай банки, отличница народного образования. Милостыню подаю редко, может, зачтется на том свете.

– Спасибо, Александра Филиппова, – протараторила я специально, чтобы не выслушивать нравоучения, – я дома поела. Няня не поверила и стала наполнять принесенные мною банки, приговаривая:

– Не знаю, зачем ты это делаешь? Вот мой старик без меня кусок хлеба не съест, а ты ради него сама себя куска хлеба лишаешь. Плохо это! Лариса Митрофановна! Плохо! Щей-то хватит и на твоего сосунка, а плова положу одну порцию.

– Я сама закрою крышку, она тугая, – сказала я, протягивая руку за банкой.

– Гуля, моя дорогая, кого ты кружишь? Котлет по дороге купила? На, бери гуманитарную помощь. Пора накрывать, скоро сорванцы с физкультуры прибегут. Чуть не забыла, сегодня денежку дадут, посмотрим, сколько я нынче стою. Она стала расставлять на столы тарелки и разливать щи: – Ты мне сегодня не нравишься, но спрашивать, что случилось, не буду. Я тоже иногда похандрю втихомолку, глядишь, все нала-

живается. Татьяна Петровна домой побежала – заботливая. За зарплатой придет.

– Александра Филипповна, я хочу расстаться с Андреем. Сколько можно тянуть?

– Это ты меня спрашиваешь? Это я тебя должна спросить. сколько можно тянуть? Лариса? А ты его любишь?

– Да вот в этом-то весь вопрос, только об этом и думаю, люблю я его или нет?! Привыкла!

Цветы жизни ворвались в группу маленькими хозяевами большого дома. От эмоционального взрыва содрогнулся Ванька-мокрый и повесил нижние листья на глиняные края горшка. Александра Филипповна преградила своим телом доступ к стенке с игрушками, и дети пошли мыть руки.

Я стояла возле умывальника и смотрела в окно. Почему так получается – красивая, здоровая женщина, способная родить много-много детей, не может стать матерью? Надо что-то менять немедленно и решительно, может быть, сменить работу? Об этом надо подумать.

Дети быстро смели обед и лежали в своих кроватках на правых боках, а мне хотелось поговорить с няней.

– И чего ты в нем нашла? Так-то он, конечно, видный был, а в горшке кабачковая икра! Не доделано что-то внутри, наверное. Винтиков каких-то не хватает. Любил сидеть на горшке!

– Все нормально, просто себя никак найти не может. Не понимают его.

– Да кто ж его понимать-то должен? Уж сколько лет вы с ним кузюкаетесь, а толку никакого. Ты меня прости, но он ведь нагольная пьяница!

Я и сама понимала, что Андрей – пьянствует, но смирилась, старалась не ходить к нему в дни запоя, а в остальном все было терпимо.

– Сейчас он меньше пьет, денег нет.

– Откуда они будут, если он не работает. Он так и не работает?

– Ищет! – я знала, что Андрей ничего не ищет, но почему-то не хотелось говорить Александре Филипповне. Мы оба были ее воспитанниками, правда, в разное время.

– Сейчас он мне совершенно не нравится, а с другой стороны – как посмотреть. Ты уж извини меня, конечно, я по-стариковски скажу: не попалось ему хорошей девки! Уж я знаю, что говорю, все от женщины зависит! Я всякого на своем веку повидала. Взять мою золовку: мужа схоронила. А дочка растет. Надумала она найти себе мужика, но что бы с квартирой был.

– Умно! Мне тоже частенько такая мысль приходит в голову.

– Работа у нее с командировками, в основном ездит в Москву. И как ты думаешь, куда она пошла?

– Думаю, что в столичные брачные конторы!

– А вот и не угадала! Пошла она в пивнушку, купила пива кружку, пьет да поглядывает на алкоголиков. С буфетчицей

подружилась. Та ей все подробности рассказала. Выбирать не из кого, а надо. Больше всех ее запросам соответствовал самый синий из всех фиолетовых. Бывший инженер. Родители померли, жена ушла, он и запил. Золовка к нему каким-то образом подкатила, пива купила, вместе выпили.

– Как в сказке! По усам текло, а в рот не попало. Да, Александра Филипповна? – мне стало весело.

– Попало, все попало – и в рот, и во все возможные места. Зря смеешься. Выпили они, значит, пошли к нему домой. Квартирой его квартиру назвать было нельзя, но все равно – квартира, двухкомнатная в центре Москвы!

– Он бросил пить и зажили они – ни в сказке сказать, ни пером описать!

– Не совсем, как в сказке, а еле-еле она все это выдержала, ей домой надо возвращаться, а как его оставлять? Но это потом, а в этот-то день она осталась ночевать у него. Купила поллитровку, напоила его и спать уложила.

– А сама сбросила лягушину шкуру и... девицей-красавицей обернулась?

– А сама? А сама стала грязь вывозить. Утром-то он обезумел, увидя ее, а она к нему: миленький, хорошенький, вставай завтракать. Жила она так дней пять, все перестирала, перегладила, занавесочки повесила, его отмыла, нарядила. Вот тут ей еще жальче стало оставлять его, – понравился! Делов промеж них никаких не было, уж очень он истощенный был. Думала она, думала и придумала: позвала к себе в гости. Ему

все равно где быть, лишь бы кормили да и поили. Пойду, посмотрю на детей, а то показалось – кто-то плачет.

От такого повествования на душе стало тоскливо. Почему другие находят выход из, казалось бы, неразрешимых ситуаций, а я никак не могу устроить личную жизнь? Что во мне не так? Даже на секунду я не могла представить себя в роли той самой золовки, покоровшей сердце алкоголика. Ради чего я должна вывозить грязь и отмывать неизвестно кого? Чтобы потом еще больше поверить в то, что любви нет?! Смешно и неразумно. Не получится!

– Спят, как голубочки. Показалось. Дальше-то рассказывать, или не хочешь слушать? – Александра Филипповна пристально посмотрела на меня, покачала головой. – Все равно расскажу до конца, хочешь – не хочешь. Так вот, привезла она его сюда – все так и ахнули! Дочка в панике, а золовка за своего алкаша заступается, говорит: «Не ваше дело».

– Бросил?! – удивилась я, – больно просто.

– Не бросил, а каждый день пил. Сама покупала, только давала понемножку. Сначала-то ему стыдно было напиваться, а потом сорвался. Уж пил! Я такого пьяницы, прямо скажу, отродясь не видала. Мы ее всеми силами уговаривали бросить его, а она ни в какую! Вскоре у нее опять командировка. Тут уж они в Москву вместе поехали, как к себе домой. Потом она быстренько рассчиталась с работы, оставила дочке квартиру, ей уже восемнадцать стукнуло, и уехала в

Москву. Зарегистрировались, живут припеваючи.

– Сказка какая-то, даже не верится. А если это правда, то вашей золовке крупно повезло.

– Лариса, не все так просто, это только присказка, а теперь самое главное слушай: полюбила она его! Да еще как полюбила. Вырву, говорит, его из лап змия проклятущего. А он отъелся, красивенький стал! Каждое утро бегали в парке, потом вместе обливались холодной водой. Сопротивлялся! А она все «миленький» да «хорошенький»! Уйдет на работу, а он сам себе предоставлен – делай чего хочешь, он и делал! Беда, что творил! Потом потихонечку настроила его на работу. Так вот: на работу провожала, с работы встречала, ни одной минутки не оставляла для встреч с бывшими друзьями. Я все смеялась: «Откуда у тебя такая прыть?», а она одно: «люблю я его!» Все театры прошли, все выставки, все концерты. Сама-то она в них раньше сроду не бывала. Стал мужик налаживаться, двенадцать лет вместе живут – все завидуют. Ты давеча сказала, что повезло, а теперь – думай: повезло или не повезло? Сколько слез пролила, но его никогда и ни в чем не обвинила.

– Я так не смогу, а ситуация, прямо скажем, про меня: любовник-алкоголик – есть, двухкомнатная квартира – есть, выходит – нет любви!

– Это только ты можешь знать. Лариса, особенно не убивайся, молодая еще, все образуется: и замуж выйдешь, и детей нарожаешь, только я вряд ли уж понянькаюсь с твоими

ребятишками. Уйду на пенсию.

После долгого молчания я сказала, что тетки замуж не выходят и детей не рожают. На прошлой неделе Ванечка сказал мне, что я – тетка! Так зовёт меня его папа, а мама – женщина!

Няня долго смеялась. – А какая разница между женщиной и теткой, он сказал?

– Сказал! Большая! Если Ванин папа приходит пьяный, то разваливается на диване, а мама ему в нос сует какую-то вонючку и лоб мажет, а когда ему совсем плохо, всю ночь возле него сидит. А потом он ей как скажет: «Ты, мать, настоящая женщина, а не тетка, как Лариса Митрофановна!»

Я еле дождалась конца смены, зарплату нам не дали. Длинноногой Бенеттой я стартовала из детского сада к любимому, чтобы сказать ему «миленький» да «хорошенький»

Вторая глава

После трехкратного нажатия звонка стало ясно, что «миленький» и «хорошенький» дверь не откроет. Никакой радости от того, что мне был вручен старый кривой ключ на вечное пользование, я не испытывала, но дверь отперла. Спасать, так спасать, я смело вошла в двухкомнатную квартиру любимого.

Андрей лежал на старой металлической кровати, укутавшись купленным на «толпе» Андреевским флагом. Возле

кровати стояли пустые бутылки и пепельница с горой окурков. Патриот спал безмятежным сном, время от времени произнося один из основных слогов на пути к грамотности: «му».

Я поставила банки с едой на стол, села на единственный не поломанный стул и стала думать о любви.

– Му... му... – Андрей изогнулся земляным червяком и открыл совершенно стеклянные глаза. – Му...му...

– Му-Му утопил Герасим, – мне стало противно, я отвернулась. С носка, привязанного к крану, стекала вода, было слышно даже в комнате. Не удивлюсь, если скоро нижние этажи поплывут на персидских коврах в долгий строительный круиз.

– Му...зы...ку! – наконец-то выдавил из себя любитель музыкальных моментов. – Музыку включи!

– Только музыки и не хватает, открывай глаза.

– Вихри враждебные веют над нами, – запел Андрей, потом искренне удивился:

– Откуда ты взялась? На что сердимся? Я – великий психотерапевт! Ложись, волью дозу успокоительного, – он дернул за рукав свитера, но я вырвалась. – Что это за хламида-ненада? Почему нарушаешь форму одежды? Придется понизить в звании.

Я старалась смотреть на него золовкиными глазами, но ничего не получалось.

– Вся жизнь – игра! Ура! Ура! Лариска, кто тебя сделал

женщиной?

– Ты!

– Нет, не просто женщиной, а настоящей? А? Я! Кто поведал тайны любви, приподнимая завесу таинственности, впустил в мир гармонии? Тоже я! Обними меня, Лариска. Я смотрел в кроваво-красные глаза смерти, побывал в кипящем котле, доведившем до кипения святых и грешных...

– Опять приезжали сослуживцы? – Я знала все эти рассказы наизусть.

– Не перебивай! А жена ушла твердой поступью декабристки за молодым офицером и уехала в Тмутаракань. – Светка! Какая женщина! Упорхнула обслуживать коммерсантов, а я, а мне пришлось податься в сферу обслуживания неудовлетворенной части населения. Так выходит?

– Правильно я тебя поняла – сегодня день воспоминаний?! Андрюшенька! Я так соскучилась по тебе!

– Еще бы! Я твой Андрей Первозванный! Помнишь, как ты меня зазывала? А как тебе мое новое покрывало?

– Клёво! – сказала и села на кровать. Андрей тут же схватил меня за плечи и стал целовать. От него пахло перегаром, я всячески изворачивалась. Ему это понравилось.

– Помню, помню, как ворвался в пучину вашего девичества, госпожа воспитательница маленьких хулиганов большого озорства. Знаешь, что мне у тебя понравилось? Руки! По коэффициенту полезного действия они сравнимы с электромешалкой минипекарни. Одним словом – кудесница!

– Иди, поешь, я тебе кое-что принесла, – мне надоели его воспоминания, сегодня был магнитный день, да еще золовка... все перемешалось в голове, и я никак не могла сосредоточиться на любви.

– Вот это щи! Сама что ли варила? – Андрей стал есть прямо из банки. Я старалась смотреть на него с любовью: – Нравится?

– Да за такие щи тебе надо ложкой по лбу настучать, где мясо? Ты что, меня за козла держишь? Козлиха!

Все, что было внутри меня, начинало закипать, но я сдерживала свои эмоции и улыбалась: – Признаю свою ошибку, понимаю, что дело имею не с рогами и копытами, а с изысканным гурманом. Исправлюсь! – я открыла вторую банку с пловом и котлетами, но мой хорошенький не на шутку рассердился:

– Девочка, да за такую еду пусть тебя верблюд имеет быстро и редко. Что это за китайский деликатес? Ты что о себе возомнила, кулинарка гребанная? Хочешь мои глаза в щечки превратить? Так они и без твоего рисового чуда не хотят смотреть. На тебя. Поняла?

Горло перепоясала обида, хотелось заплакать, но, твердо поверив золовке, я решила бороться за Андрея и сдержала слезы:

– Ты серьезно или шутишь? Нам зарплату не дали!

– Ладно, Лариска, миру-мир! Иди ко мне на колени, кормилица ты моя, так хочется положить голову на твое плечо.

Я такой домашний, такой добрый, посади меня на цепь – буду собачкой.

Я прижалась к нему искренне и нежно: – Андрей, хочешь, обрадую? Я тебе работу нашла. В эту же секунду любимый столкнул меня с колен.

– Какую работу, кто просил? – твякнул Цербер, – тоже мне, бюро занятости! Не твоё дело, работаю я или не работаю. Свое получаешь? Кстати, «девочек» снимают по двести долларов за час, а я на тебе за тарелку шей горбачусь. Надо наказывать и штрафовать. Беги за бутылкой!

– Ты забыл, что обещал не только не пить, а закодироваться, – робко напомнила я и пожалела.

– Цыц! Видишь указующий перст? Уходи от меня на стул, постылая. Принеси бутылку пива, будем обсуждать, как лучше закодироваться. Что за работа? Я меньше, чем на управляющего бензоколонкой не пойду.

– Охранником в наш сад.

– Долго думала? Как язык повернулся? Идешь за бутылкой?

– Иди сам, я не пойду, вот последние двадцать рублей. Я знала, что Андрей возьмет деньги, знала, что пойдет за бутылкой, но ему обязательно надо было опохмелиться, иначе агрессивное поведение заведет нас обоих в тупик. Из запоя выходить не так просто.

Третья глава

После очередного выверта тряпкой я посмотрела на часы и ахнула: стрелки приближались к полуночи, а Андрея все еще не было. Такое случалось и раньше, но сегодня было особенно горько. Успокойся, уговаривала я себя, он придет, он обязательно придет и все будет по-прежнему. Стоп! Что я сказала? По-прежнему я не хотела, а как жить дальше, не знала. Я легла на Андриюшкину кровать и укрылась Андреевским флагом. Силы стали возвращаться, и волнение улеглось. Сон свалил в яму, сверху донизу застеленную коврами. Они были такими красочными и мягкими, что во мне зашевелилась «черная» зависть.

В дверь стучали, это я услышала еще в яме, а просыпаться не хотелось. Стук настойчиво продолжался, а я никого не ждала, у Андрея свой ключ. Кто бы это – подумала я и тихонько подошла к двери. Нестерпимо заломило под вилочкой, сегодня я ела только один раз – завтракала, а стук не прекращался. Наверное, Андрей потерял ключи, кроме него никто так настырно стучать не будет.

– Сейчас, иду, что ты так долго не приходил? – бормотала я, открывая дверь.

– Вам кого? – удивилась я, увидев незнакомого мужчину.

– Дай сначала войти, – сально улыбаясь и вальяжно переваливаясь с ноги на ногу, сказал нежданный гость. – Так го-

стей не встречают.

– А вы – гость?! – опешила я, – Андрей мне ничего не говорил. Вы к Андрею? Его нет дома. Я закрыла дверь, но не заперла, – проходите, пожалуйста.

Мне стало холодно, зубы застучали, я набросила на плечи флаг.

– Он мне не нужен. Я к тебе!

Мои зубы застучали еще сильнее: – Ко мне? – я вместе с руками завернулась в полотнище.

– Что, не нравлюсь? – он приблизился, и я почувствовала дыхание, пахнущее гормонами. Надпочечники дернулись, и кровь бросилась в лицо.

– Ко мне? Ничего не понимаю, где Андрей?

Стало жарко, я сняла флаг и бросила на кровать: – Где Андрей? – спросила почти что грозно.

– Не суетись! Сейчас всё расскажу, – он прошел в комнату, по дороге заглянул в кухню и сел на стул, положив ногу на ногу. Я тебе не нравлюсь?

– Время – ночь, я Вас совсем не знаю, говорите, что пришли ко мне... Что все это значит? В конце концов, где Андрей?

Ночной гость уловил неподдельную тревогу в голосе и сменил тактику на стратегию.

– Мы сидели в... не важно, где мы сидели, подошел Андрей с двумя десятками. Надеюсь, ты понимаешь, за такие деньги курочке зернышка не купить, а ему опохмелиться на-

до. Можно закурить?

– Курите.

Он поднес к моим рукам пачку сигарет, я не отказалась.

– Мы ему не дали, – он сделал паузу и внимательно посмотрел на меня, – не дали! Надоело! Он стал шакалить, нам его нитье по барабану, и вот тогда-то он и сказал, что дома у него сейчас «тетка», кстати, очень хвалил тебя, с которой можно договориться. Я клюнул, добавил ему на бутылку, а он мне адрес. Вот и все! Достаточно прозаично, несколько не типично, да? Мадам?

Мне опять стало холодно, руки тряслись, я не могла попасть в пепельницу, и пепел падал прямо на клеенку. Товар стеснялся покупателя, двадцать рублей – подходящая стоимость для идиотки.

Докурив сигарету, я снова закуталась в Андреевский флаг и перешла в наступление.

– Я, конечно, не знаю, как Вас зовут, и рассказываете Вы очень забавно, но этот стервец получит. Я – его сестра! Хотя, может, до меня здесь и была какая-то «тетка», но я никого не застала. Вот, посмотрите, у меня свои ключи. Проходимец! Всё маме расскажу... Вы садитесь, садитесь, так где этот работороговец? Где его носит?

– Боже мой, так неудобно, ты извини, я с первой минуты не поверил, что такая девушка ходит в подружках у Андрюхи.

– Да я и не обиделась. А как Вы, такой видный мужчина,

поверили этому проходимцу, этому негодяю?!

– Я не жалею, хоть и стыдно перед тобой, может, познакомимся?

Он подошел ко мне так близко, что мускус потревожил нос и забрался в серое вещество.

– Юрий! – он протянул руку, а я не могла даже пошевелиться, ноги тяжелели, тяжесть поднималась выше и выше. – Для близких просто – Юр, – он дотронулся до меня. Сработало статическое электричество. Я отпрыгнула в сторону, вспомнила про Андрея и казенно произнесла: – Ляля! Только ни к чему всё это. Когда явится Андрей?

Юр моментально сориентировался, снова сел на стул и закурил.

– Маленькая неувязочка вышла, он не явится... Милиция забрала.

– Как забрала? Он же... его же, у него же милиция в друзьях?! Надо выручать!

Я мокрой курицей бегала по квартире, размахивала руками и все повторяла:

– Так всегда и бывает, если хорошо, то и друзья есть, а если плохо, то и родственников нет.

– Не обижайся, в милицию я не пойду, со мной милиция не в друзьях, и тебе не стоит идти, утром выпустят, ничего страшного.

– Даже со мной не пойдете? Я же его сестра, выручать надо. Вы что, родственникам не помогаете? Я смотрела на

Юра, но к моему величайшему удивлению его вид не вызывал раздражения, более того, он вызывал какую-то симпатию, похожую на уважение. – Можете здесь побыть, я схожу сама, одна, вдруг Андрей потерял ключ?

Юр согласился.

Я выбежала на улицу и по моим щекам потекли слезы. До сих пор я не могу точно сказать, из-за кого были эти слезы: из-за себя или из-за Андрея, но они не давали мне возможности сосредоточиться на любви.

Четвёртая глава

– Лялька, – мать брякала на кухне посудой, – иди завтракать.

Я с трудом открыла глаза и воткнула палец в дырку на стене, проковыренную еще в детские годы для успокоения нервной системы. Завтракать нужно завтра, а я хотела сегоднякать, потому что не вчерашниковала.

– Мне кофе, – ответила я и удивилась собственному непостоянству.

– Звонила Ирина Алексеевна, спрашивала о тебе!

Я любила Ирину Алексеевну, она была дальней родственницей, но мы не пользовались родством, мы были большими друзьями.

– Что ты ей сказала?

Можно было и не спрашивать, на сегодняшний день ни-

чего хорошего в моей жизни не происходило, и похвалиться матери было нечем.

– Как есть, так и сказала: ты одна, замуж не собираешься, работаешь. Что я могу еще сказать?

– Ты ей всё таким же некрологическим голосом рассказывала? Мам? Ну, вот видишь, как хорошо! Работаю, замуж не собираюсь. Плохо? Плохо нам с тобой? Да? – на самом деле я вредничала, вчерашние события подорвали мою самооценку, и я искала «мышку».

– Ох, Лялька!

– Что, Лялька? Двадцать восемь лет Лялька.

– Какая ты неблагодарная, я замуж из-за тебя не вышла, а ты бросаешь меня и даже не звонишь, я уже без таблеток спать не могу. Женитесь тогда, что ли! Только на какие шиши жить будете, ты не думай, он работать никогда не будет.

– Будет, я ему верю, – меня так и подмывало досадить матери.

– У говорливой овцы все слова – близнецы! Твои ровесницы детей уже в школу водят, а от твоей пипетки не родятся детки.

– Ты так противно говоришь, но я соглашаюсь с тобой. А мне нечего ждать, выбора нет. Где они, хорошие да непьющие? Папа был хороший и непьющий, а ты с ним разошлась. Почему?

– Не задавай идиотских вопросов, не с той ноги встала? Между прочим, наш роман с твоим папой был бурным и кра-

сивым. «Держите свои сбережения в банках!» – советовал он друзьям, показывая на меня. Кстати, даже не подозревая, что делает бесплатную рекламу государственному учреждению. Его вклад оказался удачным, его «сбережения» увеличивались не по дням, а по часам, и весь банк радовался твоему рождению.

– Почему я работаю не в банке?

– Здрасьте! Сама захотела в педагогический. Я не учила педагогику, а тебя вырастила, Ты была удивительным ребенком!

– Папа тоже был удивительным мужем, но это не удержало тебя от развода.

Я допила кофе и пододвинула к себе тарелку с кашей. По рисовому чуду растекалось масло, это было достаточно аппетитно, и у меня заурчало в животе.

– Ты меня совсем не любишь, Лариса? – Мать села напротив, у нее были грустные глаза, а губы слегка дрожали. Мне стало жаль её, я, наверное, и правда не умею любить, если всем вокруг плохо, но я совсем не понимала, что нужно сделать, чтобы всем было хорошо.

– Очень люблю, только мне начинает казаться, что ты не научила меня жизни. Подожди, не поднимай брови, я тебя не обвиняю, но жалею. Ты сама не умеешь жить, это очень грустно.

– Ты что говоришь, я не умею жить?! Да мне все завидуют! В твои годы мой ребенок ходил в третий класс! Ты ходила

в третий класс...

– На первом курсе я хотела выйти замуж... Кто мне не разрешил? А? Мои дети тоже были бы в третьем классе.

– Тебе меня не понять, я всегда была одна...

– Что значит одна, а я?

– А я? А я? С тобой! Это еще обиднее! Страх потерять твоего отца сделал мою жизнь невыносимой – его никогда не было дома!

– Папа работал и учился на «вечернем», если бы ты настояла, он бы перешел на «заочное».

Даже сейчас мама не могла говорить об отце спокойно, значит, чувства сохранились. Мне было жаль ее.

– Это одно и то же, я все время ожидала!! Это ожидание несоизмеримо не только с жизнью, но и со смертью. Я не могла спать! Снилось женщина, она обнимала Митю, а он целовал ее губы, шею, груди. Их тела переплетались, сливались воедино под стоны, слетающие с губ.

Я поймала себя на мысли, что это очень противно – видеть ревность.

– У папы была женщина?

– Думаю, нет, но я задыхалась от ревности. Шекспировский сюжет..., я нашла в его кармане женский носовой платок. Митя быстро объяснил причину его появления: нашел в аудитории, протер туфли и машинально сунул в карман.

– Прекрасно, такое вполне может быть, если бы папа тебя обманывал, то никаких улик ты бы не обнаружила.

– Твой папа сказал то же самое... Хорошо! Протер туфли, без задней мысли положил в карман... но скажи, пожалуйста, перед кем он хотел порисоваться? Домой не стеснялся приходить в грязной обуви.

– Сказать честно? Убила! Никогда бы не поверила, что можно так раздуть муху, скажи, ты пошутила? И из-за этого грязного платка ты лишила себя мужа, а меня отца? Какое ты имела право отнимать у меня того, кто принадлежал мне? В первую очередь – мне?! Он мой отец! Человек должен расти в семье, понимаешь, в семье! Вы должны были показать мне взаимоотношения между мужчиной и женщиной, мужем и женой, пусть не совсем хорошие, но это пример, а у меня никаких примеров не было. Ни плохих, ни хороших. Поэтому я и не замужем. Я не умею любить!

– Мы разошлись, как тысячи людей. Не сошлись характерами.

Я разволновалась не на шутку, волнение переполняло меня и выплескивалось на самого близкого человека – мать.

– Ответ принимается, следующий вопрос: что такое характер?

– Ты с Андреем поругалась, на мне отыгрываешься? Да? Я не обязана перед тобой оправдываться, выходи замуж и живи без развода, а меня не тронь, – она уткнулась в кухонное полотенце и заплакала.

– Мам, не обижайся, я просто так, мне плохо! Мы с Андреем расстались.

– Надолго? Или как всегда? Доедай кашу, немного осталось, на еду грех обижаться.

Я поддела ложкой холодную кашу, резко бросила ее в тарелку: – Навсегда!

– Сама-то веришь, что говоришь?

– Верю! Он меня продал. За бутылку! – я снова зачерпнула кашу и снова бросила, – чудненько, да?

– Это дорого. И кому же?

– Какому-то забулдыге, – соврала я, – с узеньким лобиком и золотым зубиком. Юр был очень симпатичным, но сейчас это не имело никакого значения.

– Дожила. Зато знаешь, сколько стоишь, – она подошла и обняла меня за плечи, на душе стало спокойнее.

– Андрея забрали в милицию, как думаешь, навестить его или не надо?

Мать отстранилась.

– Делай, что хочешь! Ты – ненормальная! Передачку собрать?

– Мам, а если я пойду, то это будет называться сошлись характерами или не сошлись?

– Конечно, сошлись! Найди его, приведи сюда, корми, пои, одевай, обувай, шнурочки завязывай, – только еще раз говорю: не будет от него толку! Он сколько лет не работает? Не считала? Знаешь, мне не хочешь говорить.

Пятая глава

Я шла на работу отличницей народного образования: мои шаги отличались от топающих рядом размером и плоскостью. Я шла по наклонной. Мне не хотелось рассказывать няне о событиях вчерашнего дня, но мысли о них не покидали ни на минуту. Я думала об Андрее, о милиции и о любви, которая была во мне. Все было ясно и просто: мой мужчина – алкоголик. Мне сочувствовали, меня жалели, предлагали другого мужчину и вдруг – золовка! Она не только не бросила, а нашла, стала бороться, полюбила!

Испугавшись ночного гостя, я сказала первое, что пришло на ум: я – сестра. Сразу стало ясно, что делать – выручать! Чужая шкура ловко сидела на моих плечах, а в своей я отправилась домой, легла спать, а утром пила горячий кофе и ела кашу с маслом.

Таня никогда не опаздывала на работу, она приходила намного раньше положенного. И, как только она вошла в группу, я с бешеной скоростью вылетела из детского сада.

Дверь «миленького и хорошенького» была заперта, а из-под рваного дерматина выглядывала записка. «Ляля, позвони, Юр».

Каменной бабой с острова Пасхи я стояла возле таксофона и накручивала на указательный палец ассоциативную спираль из нитки, непонятным образом оказавшейся на моих

джинсах: Андрей, бутылка, водка, г., деньги, е и ё, жалость, золотка, ..., х – Цербер, че, ша, ща, э, ю и... Последняя буква алфавита дерзко дрожала размочаленным хвостиком. «Не дождешься!» – я оторвала остаток нитки, закрыла глаза, закружилась под «Чур, не я!» и бросила личностное местоимение на произвол судьбы.

Обратив внимание на мои завихрения, водитель автобуса открыл дверь. Недолго думая, я вскочила на подножку и растворилась в горячих телах пассажиров.

Шестая глава

Всеми цветами радуги в прихожей встретил меня китайский зонтик, висевший вниз головой на крючке.

– Не может быть, – удивилась я, – мама, кто у нас? Ириша?

– Да, Ириша! Я уже не в том возрасте, чтобы быть Ириной Алексеевной, мне скоро пятьдесят!.. – слышалось из ванны, – я быстренько.

Мать надевала пододеяльник на гостевое одеяло, по выражению ее лица было нетрудно догадаться, что она в хорошем расположении духа.

– Нам Ирина Алексеевна звонила вчера. Почему ты мне не сказала, что она приедет?

– Хотела сделать сюрприз, а что такое?..

– Сюрприз? Я почти пять часов слонялась по городу, места нигде не находила..., мама, у меня нет слов. Почему ты

так поступаешь со мной?

– Как, Ляля, что случилось? Она у нас! Сейчас увидите. В чем проблема? Пожалуйста, не позорь меня.

– Я рождена для сюрпризов.... А ты знаешь, что синоним сюрприза – шок?!

– Хватит демагогию разводить! В моей жизни тоже есть черные полосы, но я стараюсь держать себя в руках. Есть будущее?

– Легко.

– А вот и дева чистой красоты, – Ириша сжала в объятиях Ларису, – хороша! Слушай, ты чертовски хороша! Знаешь об этом? Нет? Я тебе расскажу. Ну, что, по чайку?! Иди сполоснись, а я пошуршу на кухне. У меня для тебя сюрприз!

По моему телу пробежала радостная змейка, я обняла Иришу, ткнулась носом в накрученное на голову полотенце и спросила: – Ты надолго?

– Потом, потом, все потом, иди, дорогая, иди!

Месяц назад мы обновили сантехнику, и новый душ называли «Шарко». «Шарко» выдавливал глаза, вдавливал нос, растягивал губы, и в какой-то момент мне показалось, что все личные черты размылись, а безликость стала прилипать к затылку.

– Ты там не утонула? Сейчас дверь разнесу! Хватит балдеть! Всю красоту смоешь. Выходи!

Коротенький махровый халатик прилип к мокрому телу, а с волос бежали капельки воды, как с носка, привязанного

к крану в Андреевской квартире. Не смытая тоска подбира-
лась к голове.

– Возьми полотенце и высуши волосы, их нельзя долго
держат мокрыми, теряется блеск.

– Я хочу подстричься.

– В монахини? Думаешь, ты одна? Все хотят. Женя, ска-
терть есть? Доставай белую скатерть, мы будем заливать ее
вином.

Она расстегнула молнию на пузатой сумке и достала бу-
тылочку хорошего вина, лимон, апельсины и «Рафаэлло».

– Ирочка, салатик будем? – крикнула мать из кухни.

– Никаких салатиков и никаких Ирочек, только Ириша!
Мой мужчина зовет меня – Ириша. Нисколько не удивлюсь,
если так зовут его жену.

– Девочки, это вам, быстренько прилепите к своим ши-
карным лбам по звезде, а мишурой украсьте волосы и грудь.
В общем, что хотите, то и украшайте.

– За окном разгар лета, откуда у тебя это?

– От знакомого верблюда! Все «о, кей!» – быстро наря-
жайся!

Ириша надела голубой шелковый, жутко приталенный са-
рафан, а на лоб приклеила тоненько нарезанным пластырем
серебряную звезду.

– Делайте как я, делайте лучше меня! Лялька, найди-ка
мне пустую трехлитровую банку и старую газету. Это пока
все, что мне нужно от тебя. Женя, что будем делать? Ляль-

ке плохо, ей гораздо хуже, чем ты мне рассказала по телефону. Сейчас мы накроем на стол и вместе с часик посидим, а потом ты должна уйти. Найди какой-нибудь предлог: рано вставать, болит голова, надо искупаться, короче – думай!

– О чем ты говоришь? Конечно! Я тебя для этого и попросила приехать. Вообще не знаю что делать.

– Вот банка, вот газета. Что дальше? – поинтересовалась я.

– Заталкивай газету в банку. Вот так скомкай и затолкай, – Ириша учила воспитательницу высшей категории, как правильно мять бумагу.

– И всё?

– И всё! Нет, не всё, есть какая-нибудь пустая бутылка?

– Пустая? Вряд ли, посмотрю.

Праздничный стол был накрыт! Звезды заканчивали приготовления. Ириша пересмотрела множество банок и бутылок, но ни одна из них ее не устраивала, и вдруг, в тот момент, когда я стала смеяться, Ириша ткнула пальцем в пустую бутылку из-под минеральной воды и радостно сообщила: «Вот что нам нужно!».

– Учись, Ляля, пока я жива! – она расстелила газету на кухонном столе, поставила на нее пластмассовую бутылку, сняла со стены отбивной молоточек, из безразмерной сумки достала баллончик с силиконовым герметиком и, подставив рукоятку к днищу баллончика, стала выдавливать содержимое.

Силикон обволакивал бутылку и увеличивался в размерах.

– Женя, давай вату, спички и зеленку.

– Ты настоящая волшебница! – Женя не смогла сдержать восхищение, – Настоящая елка! А сколько снега, на лапах просто комья снега, так быстро, так оригинально!

– Круто! – подтвердила я, – только пахнет.

– Пять минут и все выветрится. В жизни есть место для подвига, а в бочке меда всегда есть место для ложки дегтя.

– Минуточку, – Ириша снова открыла сумку и достала красную свечку-сосульку, – сейчас мы ее воткнем в горлышко, подождем и можно садиться за стол. Сюрприз готов!

Мы пили друг за друга, за тех, кто в море, за Новый Год, нам было весело, и только свечка плакала парафиновыми слезами на силиконовый сюрприз.

У матери от вина разболелась голова, она ушла в свою комнату.

– Мама в своем репертуаре, ей невозможно угодить. Даже при тебе показывает свои капризы. Ничего у нее не болит, просто не в центре внимания. А она это не любит.

– Я тоже не люблю. Ну, рассказывай, как ты живешь? Мне так интересно слушать молодость... сбросить бы несколько годков... я бы не отказалась.

– Даже не знаю, о чем рассказывать, эта неожиданная встреча Нового года всё, что было у меня, во мне и со мной, каким-то образом сделала таким далеким, таким прошлым,

грустным...

– Ну, ну, ну, это ты зря. Без прошлого нет настоящего, а на чужих ошибках никто не учится.

После моего рассказа Ириша долго молчала, несколько раз выходила на балкон курить, переоделась и вкрадчиво спросила:

– Ты любишь Андрея?

– Мне казалось, что люблю, но после того, как я узнала золовку, я не могу назвать свои чувства любовью.

– Лариса! Ты не можешь быть золовкой! Чтобы ею быть, нужно выйти замуж за мужчину, у которого есть сестра, а ты вообще не замужем – это первое, а второе – надо прожить с мужем много лет, потерять его, как твоя золовка. Понимаешь, о чем я говорю? Она зрелая женщина, у нее хорошая зарплата. Первоначально она посадила его за свой стол. Ты можешь посадить?

– Конечно, нет.

– А почему он не делает тебе предложение?

– Ему это не надо, он был женат. Недостатка в женщинах нет.

– Лялька, слушай, до меня только сейчас дошло: ты и правда можешь стать хорошей золовкой! Как там зовут молодого человека, от которого ты улизнула? Юр? Выходи за него замуж, роди ему дочку, или сыночка, а потом... ну можно просто развестись и... бросайся на великое исцеление. Как я придумала?

– Просто супер! За последнее время я смеюсь так легко впервые.

– Смотри, смотри, огненная капля на самой новогодней елке колеблется, приседает и снова выпрямляется. Это потому, Лялька, что огонь либо есть, либо его нет совсем, поняла?

Мы с Иришей допили вино, съели все салаты, приготовленные мамой, поджарили сосиски на газовом костре, проткнув трезубыми шампурками и после всенародной песни «Напилася я пьяна» решили объявить войну алкоголизму, уничтожив спиртное.

Утиным шагом я подошла к серванту, достала злейшего врага всех времен и народов с женским именем Изабелла, подаренного благодарной родительницей и, глядя в ясные краски этикетки, произнесла: – Приказано уничтожить!

Мы выполняли приказ и пели «В лесу родилась елочка» до тех пор, пока мама не развела нас по кроватям.

Я спала спокойно и глубоко, как рыба-плоскодонка в реке, являющейся истоком бурного моря, а проснувшись, обнаружила, что в квартире кроме меня никого нет.

Ирина Алексеевна уезжала так же внезапно, как и приезжала, потому что она приезжала в гости, а не на жительство.

Самая новогодняя елка стояла на пианино, я села на стул-вертушку, подняла крышку и бросила руки на клавиши:

Я приглашу Вас выпить чаю и скажу,

Что снежной бабой рядом с Вами я сажу.
Заледенели мысли, чувства и слова,
Я очень маленькая женщина-зима.

...После последнего аккорда из-под полочки для нот на клавиатуру выпал маленький белый листочек. Это была весточка от Ириши.

«Лялька! Звезды зажигаются, если в них нуждаются!»

Радость бросилась по щекам, я закрыла лицо руками, и пальцы соприкоснулись со звездой.

Седьмая глава

Я вышла из дома и отправила на четыре стороны света положительные флюиды.

Возле газона стоял сосед «Д». Увидев меня, он сорвался с места, припарковал свои длинные ноги возле моих и стал трясти за плечи.

– Кого я вижу! Сколько лет, сколько зим! Вот это женщина!

О том, что мы виделись буквально вчера, я скромно промолчала, мы даже не поздоровались.

– Как поживаешь? – задала я дежурный вопрос, чтобы быстрее закончилась трясучка.

– Вот это да! Все нормально? – Он вертел меня как глобус, рассматривая спереди и сзади. – Все нормально?!

– Просто за-ме-ча-тель-но! – пропела я и оказала сопротивление очередному витку.

Активность «Д» улетучилась, он стал жаловаться на почечную колику и сволочей родственников, живущих, как назло удачно и в здравии. Потом началась политинформация на тему: «Кому живется весело, привольно на Руси?» «Д» жилось плохо.

– Мне никто не может помочь в одном деле, может ты, а? – кокетливо прогундосила я.

«Д» отступил на полшага и посмотрел на часы:

– Сейчас некогда, спешу. В следующий раз. Лады?

– Лады, – со вздохом облегчения ответила я, зная, что другого раза не будет.

Начался дождь. Это не входило в мои планы: увеличенные до небывалых размеров ресницы потекли, а глаза защипало. Я спряталась под деревом, прижалась к деревянному столбу и решила, что именно так начинался всемирный потоп.

Дождь уже не лил, он хлестал землю и мои белоснежные туфли, в которые еле-еле всунула ноги, наполнились природными ресурсами и заквакали.

Совершенно неожиданно мимо моего кудрявого убежища проскакал полулысый мужчина в зеленом. Несмотря на сырые обстоятельства, мой нос уловил запах мужчины. Он показался знакомым.

Полулысый в зеленом поскользнулся и, изобразив замысловатый пируэт, растянулся во весь рост.

Я ойкнула и хихикнула. Полулысый в зеленом не подавал никаких признаков жизни.

– Эй, вы живы? – ответа не последовало.

Дождь прыгал по спине и лысине, орошая остатки сухих волос. Черный туфель пошевелился.

– Так вы живы!?! Ну, ну, молчите, только вылезайте поскорее из лужи. Идите под дерево.

– Где хочу, там и лежу! – с достоинством ответил голос из лужи.

Я переступила с ноги на ногу, и туфли предательски чвакнули.

– Хочешь сказать, что ты – Царевна-Лягушка?.. Не тянешь!

– Что я должна сделать, чтобы Вы, наконец, вылезли из лужи?

– А я и не собираюсь из неё вылезать.

– Что же вы хотите?

– Ложись со мной. Скажу!

Предательские флюиды, они не дали мне даже рассердиться. В конце концов, я имею право быть там, где мне хочется.

– Лягу. И что?

– Ничего. Будем лежать вместе.

Я вышла из-под кроны и подошла к луже. Мне ужасно захотелось лечь рядом с ним. Я приподняла подол платья и встала на колени.

– Твоё платье не стоит того, чтобы приподнимать подол, ложись!

Он был прав: платье ничего не стоило. Я легла рядом и тут же на моих плечах оказалась его рука. Желанная до головокружения.

– Юр! Ты – полулысый в зелёном, – шепнула я ему на ухо.

– Ну и что? Лето!

Мечта о черевичках (Владим Филипп) – Публицистика. 13.08.2015

Вчера задумался о своей статье «Сбой парадигмы»
– <http://www.chitalnya.ru/work/1401380/> переведа её в об-
раз.

Что есть Украина?

Между двумя цивилизациями.

Талласократической – ориентировка море – страны Евро-
пы.

И теллурократической – ориентировка земля-Россия.

Попросту... Украина – полоса прибой.

Там всегда пена, грязь, водоросли, обёртка от жвачки и
дохлая рыба.

Почему?

Потому что прибой.

Граница двух сред.

Украина находится между двумя огромными жерновами.

Надо иметь прочность алмаза, чтобы сохранить целост-
ность между этими жерновами, не говоря уже о стабильной
позиции.

Вот только украинское общество не похоже на твердый и
цельный алмаз, который способен с редкостным упорством
сохранять единство.

Но к Украине это не относится.

Это склеенная советской властью битая посуда.

И ошибка была в присоединении Галиции.

Об этом написано много.

И даже до 1917 года.

Да и есть ли вообще примеры таких государств, которые, оказавшись между двумя большими геополитическими образованиями, сохраняли независимость и единство своего общества, не рассыпаясь и не присоединяясь к той или другой стороне?

Есть и другие.

Но какие?

Латвия, Литва, Эстония, Молдавия, Болгария...

Они тоже испытывают влияние России и Европы.

Только на них приходится гораздо меньше этого влияния, потому что главным «воланчиком» выступает Украина.

Россия притягивает к себе пророссийские части украинского общества, Европа – прозападные.

И наоборот – Россия отталкивает все антироссийское, Европа отталкивает всё, что не угодно ей.

А что будет с телом, на которое с двух сторон действуют мощные противонаправленные силы притяжения и отталкивания?

Рано или поздно его просто порвет.

Именно этот процесс мы и наблюдаем на Украине.

Результатом 24 лет, проведенных в попытках независимости, стала поляризация украинского общества, которая при-

вела к обострению отношений внутри страны и вооруженному конфликту в одной из ее частей.

И если Украина продолжит свои игры в независимость, от нее останется несколько разных республик, каждая из которых определится, с кем ей быть.

И примкнет либо к России, либо к Европе.

Пусть даже разорвавшись пополам.

И названия этих новых республик при желании нетрудно и угадать.

И кто к кому примкнет – тоже небольшой секрет.

Не будет независимой Украины.

Это по своей внутренней структуре невозможная геополитическая фигура.

Обратите внимание на заявления многих сторонников майдана, что Россия скоро разрушится и исчезнет.

Знаете, почему они так говорят?

Потому, что только разрушение России могло бы дать Украине шанс на реальную независимость.

Только если с одной стороны исчезнет та сила, что тянет Украину на себя самим фактом своего существования – только тогда независимая Украина станет возможной.

И вполне естественно, что сторонники майдана предпочли бы разрушение России.

Но их мечты об исчезновении России – утопия.

И не потому, что Путин такой сильный руководитель, а просто потому, что этап сепаратизма в России уже давно

пройден, еще в 90-е.

Далее на повестке дня воссоединение.

Именно поэтому на Украине случилось обострение, его вызвали тенденции к воссоединению России.

Украину потянуло обратно.

Но не всю, а только пророссийскую часть.

И не потому, что Кремль так хотел, Кремлю это было совершенно не нужно.

Просто такова логика исторического процесса – размежевание сменяется воссоединением.

В физике это смена фаз волнового процесса, а в истории – движение исторического маятника.

А когда часть украинского общества потянуло обратно к России, другая часть общества, ориентированная на Запад, встретила это агрессивно и решила купировать процесс, ускорив евроинтеграцию.

А пророссийская часть общества со своей стороны восприняла евроинтеграцию как угрозу своим интересам.

А полосатые кукловоды стали раскачивать маятник ещё сильнее и подлили масла в огонь.

Они любят пиротехнические шоу.

И дошло до войны.

А теперь Евросоюзу Украина такая, как она есть сейчас, совершенно не нужна.

Пред. ЕС Юнкер президенту Порошенко уже совсем нелицеприятно заявил «перестаньте говорить о ЕС и НА-

ТО!»

Проблемы экономики Украины решать Евросоюз не намерен.

Давать места в Европарламенте не намерен.

Пускать в ЕС не намерен, и так мигрантов девать некуда.

На кой нужна ещё Украина?

Европа Турцию не принимает в свой состав – страну с достаточно стабильной экономикой.

А тут Украина.

А экономику Украины уже не поднять.

Объективно это уже слаборазвитая страна.

Средний доход 136\$ на человека в месяц.

Которая уже озабочена покупкой керосинок и свечей.

Для экономики нужна стабильность.

А маятник всё раскачивают...

А потому – что впереди?

Вечера на хуторе вблизи Диканьки и мечта о черевичках...)))

Память наша... (Серёга Наумов) – Очерк. 18.05.2015

*Выставка картин студии военных художников имени
М. Б. Грекова*

Моему дяде, Анатолию Тихоновичу Кривову, брату мамы, через несколько дней – ДЕВЯНОСТО...

Память моя о войне началась в пять лет, в июне 61-го года, когда мы с мамой ездили на поезде в Киев, к их, с дядей Толей тётке, Серафиме. Мирная жизнь и мирная поездка запомнились мне несколькими искорёженными и не восстановленными до той поры мостами... Но этот видеоряд я привязал к войне потом, уже в сознательном возрасте.

А вот в мае 65-го картинка была сразу о войне. В нашем поселковом шахтёрском клубе награждали первой юбилейной медалью к 20-летию ПОБЕДЫ. Награждаемых было едва ли не больше чем тех, кто пришёл посмотреть на действо и обещанный после концерт самодеятельности. В зале не хватало места, мужики толпились у входа, курили и даже выпивали потихоньку. Когда в зале называлась фамилия награждаемого, её повторяли несколько раз, как в переполненном автобусе. Через небольшую паузу раздавались возгласы: «Тут, тут он! Идёт!» Люди отодвигались, освобождая путь

к сцене... Среди тех, кто тогда этот путь от входа до сцены проделал, был и дядя Толя. Он прошёл его сам, на своих ногах, и было ему тогда сорок... Но два... или три человека просто пройти не могли – не на чем было. Их занесли в зал такие же бывшие солдаты, только более удачливые... Вид этих инвалидов и их колясок...нет, не колясок, а деревянных платформочек на обыкновенных подшипниках – это первый, впечатанный в мою память, образ войны... Их, этих инвалидов и тогда не часто можно было увидеть в посёлке, а потом и вовсе пропали они...

Два года назад довелось побывать на праздновании Дня Победы в одном городке с населением в 140 000 человек. На всех жителей было ТРИ(!) ветерана...

Всё это припомнилось мне достаточно отчётливо на выставке картин студии военных художников имени Грекова, что идёт и сейчас ещё в Манеже.

Не рецензию пишу, записываю свои же воспоминания, и то, что всплыло из слышанного от родных, войну переживших.

Первая моя большая остановка – у картины Самсонова «Подвиг Саши Чекалина»...

Это всё рядом, 40 километров от родной моей деревни. Кинул парень в немцев гранату, да не взорвалась она. Поймали... Не выдал расположения партизанского отряда и был повешен на главной площади города Лихвина при большом стечении согнанного народа... Начало 42 года.

Бабушка Клава и два её сына – отец мой и его младший брат в это время зимуют в занятой немцами (а точнее – словаками из какого-то батальона связи) деревне.

Бабушку (ей тогда чуть за 35) два солдата ведут на расстрел. Солдаты – пьяные, гуляли с местными девицами, спросили у них: А кто, мол, тут из советских деятелей остался? Девицы – пьяные, без колебаний на Клавдюху Наумову указали. Она, дескать, и до войны была в звеньевых в колхозе, а как мужиков на фронт позабирали, так её и в председатели сельсовета выбрали...

По каким судьбы поворотам всё случается так, а не иначе – не предугадать, да встретился им офицер, опять же словак, увидев солдат и плачущих возле женщины пацанов, велел солдатам проспаться, а женщину отпустить...

Как наши пришли, девицы эти у Клавдюхи в ногах валялись, просили не выдавать.

А когда после войны можно стало ездить по стране безпрепятственно, растворились на её просторах...

Правда, в 44-м году вызвали бабушку в район и показали бумагу – список для немецкой зондеркоманды, которая до деревни не дошла 9 километров, а в бумаге (на немецком и русском) – фамилии подлежащих безусловному уничтожению как советских и коммунистических активистов. И бабушкина фамилия там была. Да просто так не отпустили. А спросили, почему немцы её на расстрел водили, да не расстреляли. И сказала бабушка: «А не знаю я...»

И до конца войны ходила в председателышах сельсовета...

А вот картина Интезарова

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗЛОТОЙ ПРАГИ В 1945 ГОДУ...

...Опять помню себя совсем маленьким, лет семи. У меня в руках тогдашние игрушки многих – боевые награды брата моего деда. Правда, к тому времени ни деда – Александра Прохоровича, ни его брата – Николая Прохоровича в живых нет уже. А медали помню, их три: «За оборону Сталинграда», «За освобождение Праги» и «За Победу над Германией». Из рассказов отца и бабушки знаю, что Николай Прохорович войну встретил на западной границе недалеко от Бреста, будучи зам. командира автороты. Отступал с фронтом до Сталинграда и потом наступал до Праги...

Эпопея! И были в этой эпопее три знаковых встречи...

Первая – при отступлении в сорок первом. В станице Мешковской, что на Дону, повстречалась Николаю (26 ему тогда было) казачка молодая, Наденька Удовкина... Понравилась, очень!

Вторая – в наступлении сорок третьего года снова дорожка привела в Мешковскую и снова встретились они! До конца войны переписывались...

И третья! В первый послевоенный отпуск Николай Прохорович не поехал на родину в Тульскую область, а поехал в Мешковскую, да и женился на Надежде своей и увёз в Румынию, там тогда службу нёс...

Был ещё у него орден, КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ. Видимо, ра-

нен был серьёзно Николай Прохорович, такие ордена часто за тяжёлые ранения давали. Умер он в год моего рождения, и юбилейных медалей не получал... Был ему сорок один год.

Лежат они в одной оградке – Николай Прохорович, отец и бабушка... Наумовы.

Навещаю их, как могу.... Наверное, надо бы чаще...

ВСТРЕЧА НА ЭЛЬБЕ

Картина А. К. Сытова...

Наши, американцы и англичане – как все веселы и дружелюбны...

Было мне лет 12–13... У нас гостил мамин дядя, Николай Николаевич Титов из Магадана.

Он вёл себя спокойно, выпивал с отцом и соседями, но был нешумным выпивохой... Что его приводило в возбуждение – вечерние новости по телеку. Тогда американцы всю воевали во Вьетнаме и каждый вечер в новостях сообщали, сколько вьетнамцы подбили их танков и броников, сколько сбили самолётов и собственно американцев, как выражался дядя Коля, «уконтропупили». Всё это он скрупулёзно заносил в общую тетрадку, которая вечером всегда должна была быть у него под рукой, пусть даже между выпивкой и закуской...

И однажды я у него спросил: а зачем он это пишет? Ответил он мне не сразу, они ещё с отцом выпили и закусили...

«Понимаешь – сказал дядя Коля – я с сорок третьего в противотанковой артиллерии, наводчик от Курска до Эль-

бы... и ни царапины! И май встретил с такой радостью – жив, цел! А тут американцы не выходят за линию разграничения! Мы свои части отвели, а они – нет! Уж не знаю, кто приказал, да велено их было поторопить... А может и прощупать... Вывели нас на прямую наводку, ну мы и жахнули! Отошли они, да только сперва огрызнулись. Моё орудие вдрызг, очнулся я в госпитале и без глаза. Если б они договорённости соблюдали – ведь не было б ничего, ни с ними, ни с нами...

А так я их, американцев, до трясушки ненавижу, и новости эти от вьетнамцев мне как бальзам... Хоть глаза не вернуть...»

И тут только заметил я, что глаз правый у него не настоящий...

За что и как он попал в Магадан – сие мне неведомо, а спросить тогда не удосужился... Вот разве дядю Толю? А что, вот на юбилее и спрошу.

А пока написал, что знаю.

Думается мне, что и сейчас у каждого в семье найдётся что вспомнить, да при случае спросить, коли спросить есть у кого...

А то сходите на выставку картин художников студии имени Грекова, и, может, вспомнится вам, как и мне, то чистое и светлое, что держит нас на этой земле людьми, несмотря на боль и кровь предков наших...

Пусть СВЕТ ПОБЕДЫ ВСЕГДА ПРЕБУДЕТ С ВАМИ!

Странички войны. (Владим Филипп) – Интервью. 18.05.2015

Слава вам, павшие..... Слава вам, выжившие.

В августе 1942 года состоялось знаменитое сражение под Ржевом, которое вошло в историю Второй мировой войны как одно из самых кровавых и продолжительных. До сих пор еще живы очевидцы этих трагических событий, которые утверждают, что видели самый настоящий ад на земле.

Вот воспоминания очевидца тех дней.

Солдата.

Ветерана П. А. Михина.

«...Мы наступали на Ржев по трупным полям. В ходе ржевских боев появилось много «долин смерти» и «рощ смерти». Не побывавшему там трудно вообразить, что такое смердящее под летним солнцем месиво, состоящее из покрытых червями тысяч человеческих тел.

Лето, жара, безветрие, а впереди – вот такая «долина смерти». Она хорошо просматривается и простреливается немцами.

Ни миновать, ни обойти ее нет никакой возможности: по ней проложен телефонный кабель – он перебит, и его во что бы то ни стало надо быстро соединить.

Ползешь по трупам, а они навалены в три слоя, распух-

ли, кишат червями, испускают тошнотворный сладковатый запах разложения человеческих тел.

Этот смрад неподвижно висит над «долиной».

Разрыв снаряда загоняет тебя под трупы, почва содрогается, трупы сваливаются на тебя, осыпая червями, в лицо бьет фонтан тлетворной вони.

Но вот пролетели осколки, ты вскакиваешь, отряхиваешься и снова – вперед.

Или осенью, когда уже холодно, идут дожди, в окопах воды по колено, их стенки осклизли, ночью внезапно атакуют немцы, прыгают в окоп.

Завязывается рукопашная.

Если ты уцелел, снова смотри в оба, бей, стреляй, маневрируй, топчись на лежащих под водой трупах.

А они мягкие, скользкие, наступать на них противно и прискорбно.

А каково солдату в пятый раз подниматься в атаку на пулемет!

Перепрыгивать через своих же убитых и раненых, которые пали здесь в предыдущих атаках.

Каждую секунду ждать знакомого толчка в грудь или ногу...»

«.....

Ни петлички, ни лычки

С гимнастерки моей.

Я – где корни слепые

Ищут корма во тьме;
Я – где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;
Я – где крик петушиный
На заре по росе;
Я – где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;
Где травинку к травинке
Речка травы прядет,
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.
Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.
Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?...»

отрывок из стихотворения Твардовского «Я убит подо Ржевом».

На Черкащине есть уникальный памятник 150 пограничным псам, которые «порвали» полк фашистов в рукопашном бою.

Эта единственная за всю историю мировых войн и конфликтов битва людей и собак произошла в самом центре

Украины много лет назад...

* * *

«В районе Зеленой Браны (правобережье реки Синюха) попали в окружение и были практически полностью уничтожены отходящие от западной границы 6-я и 12-я армии Юго-Западного фронта.

К началу августа они насчитывали 130 тысяч человек.

30 июля принял свой последний бой...

Силы были слишком неравными: против 500 пограничников полк фашистов.

В критический момент, когда немцы пошли в очередную атаку, майор Лопатин дал приказ послать в рукопашный бой с фашистами пограничников и служебных собак.

Это был последний резерв.

Зрелище было страшное: 150 пограничных псов – обученных, полуголодных овчарок против поливающих их автоматным огнем фашистов.

Овчарки впивались фашистам в глотки даже в предсмертных судорогах.

Искусанный, разорванный собачьими клыками и порубанный штыками противник отступил.

Но на подмогу подошли танки.

Немецкие пехотинцы с рваными ранами, с воплями ужаса вспрыгивали на броню танков и расстреливали бедных псов.

В этом бою погибли все 500, ни один из них не сдался в плен.

А уцелевшие собаки, по словам очевидцев – жителей села Легедзино, до конца остались преданными своим проводникам.

Оставшиеся в живых овчарки ложились возле тел своих хозяев и никого не подпускали.

Они остались навсегда верными присяге, родной земле». / Сергей Пашков/

<http://www.youtube.com/watch?v=csYfww3axAA>

Сколько ещё не найдено таких страничек.

Тысячелетняя война (Владим Филипп) – Публицистика. 23.05.2015

Если войны ранее велись за территории, то теперь за умы. Они стали беспощаднее, ибо лишённый разума, мыслей, анализа и раздумий человек уже раб.

И может быть в подчинении.

Вектор Запада в создание локальных информационных войск против России стал реальностью.

К нему подключились многие.

Даже в Эстонии киберполк создан совсем рядом с Россией.

И не со слабой оплатой за дезинформацию участнику, за подключение в ряды форумчан, в обсуждения, проталкивая туда свою инфу, направленную против России и её власти.

Основная цель – доказать обитателям нашей страны, то мы есть тупое безмозглое быдло без прошлого и будущего.

Примеры?

Недавно мы отметили 1000-летие Руси.

А когда она появилась на самом деле?

Первая столица (только столица крупной страны!), город Словенск, был основан в 2409 году до нашей эры (3099 год от сотворения мира), источник информации – летопись Холмского монастыря на реке Мологе, хронограф академика М. Н. Тихомирова, «Записки о Московии» С. Герберштейна,

«Сказание о Словене и Русе», имеющее повсеместное хождение и записанное многими этнографами.

Археологи открыли даже там палеолитические стоянки.
Сказка про викинга Рюрика.

И знаменитое его якобы:

«Владей нами, о великий европейский сверхчеловек, а то мы, идиоты, сами ничего не можем».

Но Рюрик – внук новгородского князя Гостомысла, сын его дочери Умилы и одного из соседних князей рангом помельче.

Был призван и принят по уговору со старейшинами, и потрудился, чтобы заслужить уважение на Руси.

Источник: Иоакимовская летопись, российская история по Татищеву, «Брокгауз и Ефрон» и т. д.

Сказка про единственную цивилизацию

Повсеместно насаждается мнение, что чуть ли не единственной цивилизацией прошлого была Римская Империя, образец законности и морали.

В общем-то, что гладиаторские бои Рима, что современное потакание мародерам в Ираке. Мораль западного мира особенно не изменилась, и по-прежнему вызывает омерзение у «дикарей» вроде русских, китайцев и дагестанцев.

Дальше... великая прекрасная и могучая римская цивилизация пала под ударами вонючих косматых дикарей.

На самом деле: осточертевшие всем выродки были подвергнуты санации со стороны более приличных соседей.

Голозадая и голоногая, плохо вооруженная римская пехота была стоптана закованными в сталь от макушек и до конских копыт катафрактариями.

Основной источник информации – Катафрактарии и их роль в истории военного искусства А. М. Хазанов.

Материала много – просто его в школы не пускают.

А откуда пришли «зачищать» Рим гунны?

Обь, Угра, Поволжье, Приуралье, Приазовье...

Могилы с частичным вооружением катафрактариев найдены и в Дагестане.

Вы на карту давно смотрели?

Так откуда гунны на Рим ходили?

Почему «дикую Русь» в Европе Гардариком – Страной Городов называли?

Оттуда русаки в Риме порядок навели, в ужас приведя патрициев-гомосеков.

Вывод?

Четыре тысячелетия истории отправлены псу под хвост, нахально похерены, как неинтересные – и ни одна собака даже не вякнула в Минобре.

В 8-ом веке один из русских князей приколотил щит к воротам Царьграда, и утверждать, что России не существовало и тогда – получается затруднительно.

Поэтому в ближайшие века для Руси было запланирова-

но долговременное рабство. Нашествие монголо-татар и три века покорности и смирения.

Чем отмечена эта эпоха в реальности?

Не станем отрицать по лености своей монгольское иго, но:

Как только на Руси стало известно о существовании Золотой орды, туда тут же отправились молодые ребята, чтобы... пограбить пришедших из богатого Китая на Русь монголов.

Лучше всего описаны русские набеги 14 века.

В 1360 году новгородские хлопцы с боями прошли по Волге до Камского устья, а затем взяли штурмом большой татарский город Жукотин (Джукетау близ современного города Чистополя).

Захватив несметные богатства, ушкуйники вернулись назад и начали «пропивать зипуны» в городе Костроме.

С 1360 по 1375 год русские совершили восемь больших походов на среднюю Волгу, не считая малых налетов.

В 1374 году новгородцы в третий раз взяли город Болгар (недалеко от Казани), затем пошли вниз и взяли сам Сарай – столицу Великого хана.

В 1375 году смоленские ребята на семидесяти лодках под началом воевод Прокопа и Смолянина двинулись вниз по Волге.

Уже по традиции они нанесли «визиты» в города Болгар и Сарай.

Причем правители Болгара, наученные горьким опытом, откупились большой данью, зато ханская столица Сарай бы-

ла взята штурмом и разграблена.

В 1392 году ушкуйники опять взяли Жукотин и Казань.

В 1409 году воевода Анфал повел 250 ушкуев на Волгу и Каму.

И вообще, бить татар на Руси считалось не подвигом, а промыслом.

За время татарского «ига» русские ходили на татар каждые 2–3 года,

Сарай палили десятки раз, татарок продавали в Европу сотнями.

Что делали в ответ татары?

Писали жалобы! В Москву, в Новгород. Жалобы сохранились. Больше ничего «поработители» сделать не могли.

Источник информации – монография татарского историка Альфреда Хасановича Халикова.

Они нам до сих пор этих визитов простить не могут!

А в школе всё еще рассказывают, как русские сиволопые мужики плакали и отдавали своих девок в рабство – потому, как быдло покорное.

И вы, их потомки, тоже этой мыслью проникайте.

Но не только грабили.

Взяли на вооружение организацию Золотой Орды.

Ввели десятки, сотни, тысячи. Прообразы взводов, рот, полков.

В 16 веке к власти пришел Иван Грозный.

За время его правления на Руси:

- введен суд присяжных
- бесплатное начальное образование (церковные школы)
- медицинский карантин на границах
- местное выборное самоуправление вместо воевод
- впервые появилась регулярная армия (и первая в мире военная форма – у стрельцов)
- остановлены татарские набеги
- установлено равенство между всеми слоями населения (вы знаете, что крепостничества в то время на Руси не существовало вообще? Крестьянин обязан был сидеть на земле, пока не заплатит за ее аренду – и ничего более. А дети его считались свободными от рождения в любом случае!).

- запрещен рабский труд

Источник? «судебник Ивана Грозного».

- государственная монополия на торговлю пушниной, введенная Грозным, отменена всего 10 (десять) лет назад.
- территория страны увеличена в 30 раз!
- эмиграция населения из Европы превысила 30 000 семей (тем, кто селился вдоль Засечной черты, выплачивались подъемные 5 рублей на семью. Расходные книги сохранились).
- рост благосостояния населения (и выплачиваемых налогов) за время царствования составил несколько тысяч (!) процентов.
- за все время царствования не было ни одного казенного без суда и следствия, общее число «репрессированных»

составило от трех до четырех тысяч. (А времена были лихие – вспомните Варфоломеевскую ночь).

Запад любит повторять про Грозного – варвар, сумасшедший царь, основоположник НКВД и гестапо.

А сколькобыло за его период царствования казнено?

1537 человек.

Кстати, в это же время в Англии было умерщвлено до 150 000 человек... за бродяжничество, а по сути крестьян, от которых королевой была отнята земля, и народ бросился в город, чтобы хоть как-то выжить.

И ещё.

На Руси испокон веков были бани.

У бедного люда приспособлены были печи.

В деревнях мылись регулярно, и не только в чистый четверг на Пасху.

А что делала Европа, знать и верховные её правители? Ходили грязными.

И когда начинали заедать вши, или вонь от зассанной одежды становилась невыносимой, просто меняли на новое дорогое платье.

Даже Версаль, кажется, уж совсем близко, и то был построен без туалетов.

Придворные мочились и гадили прямо в залах, по углам.

Амбре под позолоченными потолками было ещё то.

А во время приёмов короля среди присутствующих ходил слуга с кувшином, чтобы гости могли бы мочиться туда, пря-

мо при свидетелях.

Русское же «до ветра»... уходит вглубь веков.

А теперь вспомните, что вам рассказывали о Грозном в школе?

Что он кровавый самодур и проиграл Ливонскую войну, а Русь тряслась в ужасе?

Уже в 16 веке в Европе выходило множество брошюр для всякого безмозглого обывателя. Там писалось, что русский царь – пьяница и развратник, а все его подданные – такие же дикие уроды.

А в наставлениях послам указывалось, что царь трезвенник, неприятно умен, пьяных не выносит категорически, и даже запретил распитие алкоголя в Москве, в результате чего «нажраться» можно только за городом, в так называемых «наливках» (месте, где наливают).

Источник «Исследование «Иван Грозный» Казимира Валишевского, Франция/.

Наши учебники исходят из принципа: все, что говорится про Россию мерзостного – это правда. Все, что говорится хорошего или вразумительного – это ложь.

В 1569 году Грозный приехал в Новгород, имевший примерно 40000 населения.

Там бушевала эпидемия, а также пахло бунтом.

По результатам пребывания государя полностью сохранившиеся в синодиках поминальные списки отмечают 2800 умерших.

А вот Джером Горсей в «Записках о России» указывает, что опричники вырезали в Новгороде 700000 (семьсот тысяч) человек.

Угадайте, какая из двух цифр считается исторически достоверной?

Дикие русские плачут и стенают.

А их постоянно угоняют и угоняют в рабство лихие крымские басурманы.

А русские плачут и платят дань.

Почти все историки тыкают пальцем в тупость, слабость и малодушие русских правителей, которые не смогли справиться даже с плюгавеньким Крымом.

И почему-то «забывают», что никакого Крымского ханства не существовало – была одна из провинций Османской империи, в которой стояли турецкие гарнизоны и сидел османский наместник.

Османская империя к этому времени активно расширялась во все стороны, покорив все средиземноморские земли, раскинувшись от Ирана (Персии) и наступая на Европу, подойдя к Венеции и осадив Вену.

В 1572 году султан решил покорить заодно и дикую, как уверяли европейские брошюрки, Московию.

С Крыма на север двинулось 120 тысяч войск при поддержке 20 тысяч янычар и 200 пушек.

Возле деревеньки Молоди османы столкнулись с 50-тысячным отрядом воеводы Михайлы Воротынского.

И турецкая армия была...

Нет, не остановлена – полностью **ВЫРЕЗАНА!!**

С этого момента наступление османов на соседей прекратилось – а попробуйте заниматься завоеваниями, если вам армию чуть не вполовину сократили!

Дай Бог самому от соседей отбиться.

Вам забывчивость нынешних историков про Вторую Мировую ничего не напоминает?

Ведь все «прогрессивное человечество» уже давно и твердо знает – Гитлера победили американцы.

И «неправильные» в этой области русские учебники пора исправлять.

Информация про битву при Молодях можно вообще отнести к разряду закрытой. Не дай Бог русское быдло узнает, что деяниями предков в Средние века оно тоже может гордиться!

У него будет развиваться неправильное самосознание, любовь к Отчизне, к ее деяниям.

Найти данные про битву при Молодях трудно, но можно – например, в «Энциклопедии вооружений».

Вспоминая монгольское нашествие, возникает вопрос – откуда они ухитрились набрать столько сабель?

Ведь сабли ковались только начиная с 14 века, и только в Москве и в Дагестане, в Кубачах.

Такая вот странная вилка – вечно мы с дагестанцами неожиданно одинаковыми получаемся.

Хотя во всех учебниках между нами всегда по паре враждебных государств числится.

Больше нигде в мире сабли ковать не научились – это куда более сложное искусство, чем может показаться.

Но наступал прогресс, 17 век.

Сабля уступила место другим вооружениям.

До рождения Петра I оставалось совсем чуть-чуть.

Какая была Россия?

Если верить учебникам и роману Толстого «Петр Первый» – патриархальная, невежественная, дикая, пьяная, косная...

А знаете ли вы, что именно Россия вооружала всю Европу передовым вооружением? Ежегодно русские монастыри и литейные дворы продавали туда сотни пушек, тысячи мушкетов, холодное оружие.

Источник – цитата в «Энциклопедии вооружений»:

«Интересно, что производителями артиллерийских орудий в XVI–XVII веках были не только государевы пушкарские дворы, но и монастыри.

К примеру, довольно крупное производство пушек велось в Соловецком монастыре и в Кириллово-Белозерском монастыре.

Владели пушками и весьма их успешно применяли Донские и Запорожские казаки. Первое упоминание о применении пушек запорожскими казаками относится к 1516 году.

В XIX–XX веках в России и за границей сложилось мне-

ние, что допетровская артиллерия была технически отсталой.

Но вот факты: в 1646 году Тульско-Каменские заводы поставили Голландии более 600 орудий, а в 1647 году 360 орудий калибра 4,6 и 8 фунтов.

В 1675 году Тульско-Каменские заводы отгрузили за границу 116 чугунных пушек, 43892 ядра, 2934 гранаты, 2356 мушкетных стволов, 2700 шпаг и 9687 пудов железа».

Некоторые русофобы утверждают, что всего вышенаписанного не может быть, поскольку даже высоко прогрессивные и развитые Англия и Франция научились лить чугун только в 19 веке.

Умники, блин!

Артиллерийский музей в Петербурге.

Одна из чугунных пушек, отлитых в 1600 году, там нахально лежит на подставке для всеобщего обозрения.

А когда было и кем применено огнестрельное оружие?

В 13 веке при обороне Москвы.

Нам твердят, что вся история России похожа на огромную выгребную яму, в которой нет ни единого светлого пятна, ни одного приличного правителя.

Военных побед или не было вовсе, или они вели к чему-то плохому (победа над османами скрывается, как коды ядерного запуска, а победа над Наполеоном дублируется слоганом: Александр – жандарм Европы).

Все, что изобретено предками – принесено к нам из Ев-

ропы или просто беспочвенный миф.

Никаких открытий русские люди не делали, никого не освобождали, а если кто-то обращался к нам за помощью – это было обращение в рабство.

И теперь все вокруг имеют историческое право русских убивать, грабить, насиловать. Если убить русского человека – это не бандитизм, а стремление к свободе.

А удел всех русских – каяться, каяться и каяться.

Чуть больше ста лет информационной войны – и в нас всех уже посеяно ощущение собственной неполноценности.

Мы больше, подобно предкам, не уверены в собственной правоте.

Посмотрите, что творится с нашими политиками: они постоянно оправдываются.

Никто не требует предать лорда Джада суду за пропаганду терроризма и сотрудничество с бандитами – его уговаривают, что он не совсем прав.

Мы угрожаем Грузии – и не выполняем угроз.

Прибалтийские страны установили у себя режим апартеида – политики стыдливо отворачиваются.

Почему Россия должна оправдываться?

Ведь она всегда права!

Сказать об этом не решается больше никто.

Вы думаете – просто нынешние политики такие нерешительные, но вместо них вот-вот придут другие.

Но этого не случится НИКОГДА.

Потому, что ощущение неполноценности закладывается не на посту министра иностранных дел.

Оно начинается планомерно воспитываться с детства, когда ребенку говорят: наши прадедушки были очень глупыми, бестолковыми людьми, неспособными на самые элементарные решения.

Но к ним из Европы пришел добрый и умный дяденька Рюрик, стал ими ВЛАДЕТЬ и их учить.

Он создал для них государство Россию, в котором мы и живем.

Яд капля за каплей вливается в детскую душу, и когда человек выходит из школы – он уже привыкает смотреть на Запад, как на доброго хозяина, более умного и развитого.

И при слове «демократия» начинает рефлекторно вставать на задние лапки.

Что западный мир умеет лучше всего – так это вести информационную войну.

Удар был нанесен по тому месту, которое никому не пришлось в голову защищать – по воспитательной программе.

И Запад победил.

Осталось проявить немного терпения – и наши дети сами поползут на коленях в ту сторону и нижайше попросят разрешения лизать хозяевам ботинки.

За примером далеко ходить не надо – пример ныннешняя Украина.

Если вы не хотите, чтобы из детей делали рабов – нужно

не кричать, что мы станем бороться, когда придет час, а спасать их прямо сейчас.

Час уже настал, война почти закончена за подавляющим преимуществом противника.

Вспомним татарское иго.

Нам говорят, что татары угнетали русских, но не говорят, что русские грабили татар не менее лихо.

В итоге у русских возникает обида к согражданам по расовому признаку.

Причем обида неправильная. Все мы хороши, и вели себя совершенно одинаково.

Или, например, в прошлом году в Казани отмечали (или пытались отметить) день памяти татар, защищавших город от русских войск. Налицо явное противостояние по национальному признаку. Хотя на самом деле город брали не русские, а русско-татарские войска.

Прикрытие стрелецким отрядам обеспечивала конница Шиг-Алея – и если он немец, то я готов признать себя папой римским.

Русско-татарские войска взяли Казань, устраняя влияние Стамбула на Волге и защищая мирных людей от разбойничьих набегов, освободили десятки тысяч рабов.

Достаточно признать участие татар в этом благородном деле – и национальный вопрос теряет остроту.

Нигде не указывается, что татары являются нашим симбиотом, народом-напарником. Татарские части ВСЕГДА

входили в состав русских войск, участвовали во всех русских войнах – и междоусобных, и в битвах с внешним врагом.

Можно сказать, что татары – это просто русская легкая конница.

Или русские – татарская кованая рать.

Татары дрались против Мамая на Куликовом поле вместе с московской ратью, татары первыми атаковали врага в шведской и Ливонской войне, в 1410 году под Грюнвальдом объединенное польско-русско-татарское войско наголову разгромило крестоносцев, сломав хребет Тевтонскому ордену – причем именно татары приняли первый удар.

Русские. Великое Княжество Литовское было русским государством, с русским населением, которое разговаривало по-русски, и даже делопроизводство велось на русском языке.

А вы думали, что маленькая ныне расистская страна на побережье Балтики когда-то была великим государством?

Мы четыре тысячи лет жили с татарами бок о бок.

Дрались, дружили, роднились.

Громили римлян, крестоносцев, османов, поляков, французов, немцев...

А теперь наши дети открывают учебник, и им с каждой страницы капает: враги, враги, враги...

Юридически это называется разжиганием национальной розни.

А на самом деле – обычная информационная война.

Технология внесла новый уровень ведения этой войны.

Телефоны, айпеды и айфоны, андроиды делают доступ к интернету свободным и мобильным.

Сам интернет превратился в поле боя.

Где ложь, фальсификация, снабжённая картинкой «фотожабы» как бы правдива.

Чего стоит нарезка георгиевских ленточек у мусорного бака по 2–3 см, для массовости выброшенные на фото в инет, после оглушительного по массовости марша БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА.

СМИ часто продажные, работающие против России, тоже не гнушаются злорадством и ложью.

«ЭХО» любит костерить НКВД, презирая и ненавидя, позорить Сталина, особенно говоря о миллионах им репрессированных.

Поднимите документы.

Сколько всего было репрессированных? 557 000 человек, причём большая часть уголовники.

А по поводу НКВД?

Спросите главреда Венедиктова «ЭХО», кем служил его отец в Великую Отечественную?

Уйдёт от ответа.

Командиром загранотряда НКВД..... но это не тот повод, чтобы гордиться.

Легко перепроверить, сделав запрос по ГУГЛУ, там и фотодокументы, удостоверяющие это, и наградной его лист за

конкретные действия с представлением к награждению орденом Красной Звезды.

А здесь на сайте?

Попробуйте, напишите про нынешнюю власть и режим на Украине, что он фашистский, законы фашистские, бандеровцы – мерзавцы и ублюдки, и на Украине не Революция Достоинства, а фашистский путч и переворот, и власть хунты – немедленное удаление.

С получением следующего уведомления:

«Политика сайта запрещает оскорбления по национальному признаку и разжигание межнациональной розни.

В том числе, разжигание информационной войны!!!

А также запрещает публикации ссылок на сайты антироссийской направленности.

Произведение носит также провокационный характер и восстановлено не будет»

А статья была по Украине.

СТОП!

А причём тут антироссийской направленности?

Ау ...люди?!

Вы о чём?

У нормальных людей Украины, ветеранов, наших матерей, отцов и дедов, отстоявших Родину в лихие годы, пожар в доме, их приравняли с теми, кто их убивал, насиловал, вешал, казнил, кто копал Бабий Яр, их квартиры метят крестами и словами «Москаль», и это антироссийская направ-

ленность?

Или на сайте следует вообще избегать политики, жизни со всеми её сложностями?

Здесь этакий литературный дистиллят должен быть, а не сайт с проблемами, тревогами, озабоченностью за свою страну и её граждан, за своих соседей – украинцев, которые, по сути, братский народ?

Что стоит тогда всё здесь на сайте написанное, если при гражданственности, тревоге за Родину, при соболезовании матерям, потерявшим своих детей и близких при пожаре в Одессе, при изготовлении, по выражению одного бандеровского ублюдка, «шашлыков из колорадов», при убийстве массовом детей при обстрелах на Донбассе и Луганщине, жён, матерей, сестёр, нельзя обличать, гвоздить своей ненавистью, посылая проклятия всем этим фашистским упырям, с пожеланием прибытия похоронок в их дома и к их близким?

Выбор прост.

Либо при войне ты на баррикаде с оружием, или с пером в руке, если ты считаешь себя пишущим и мыслящим человеком, либо считаешь себя засранцем, и пребывание в отхожем месте тебе предпочтительнее с нюханием там цветочка.... Пусть даже этот сайт называется ПРОЗА.РУ.

Война продолжается...

Анатолий Болгов

На цыпочках по радуге (Ольга Луценко) – Сказка 19.01

<http://www.chitalnya.ru/work/1544310/>

Однажды Король спросил у Художника:

– Твои картины известны за пределами нашего королевства, они прекрасны. Так почему же ты беден, Художник?

– Наверное, потому, что мне за мои картины платят медью, а не золотом, – улыбнулся в ответ живописец.

Тогда Король сказал:

– Я дам тебе столько золота, сколько сможешь унести, если ты нарисуешь мне такую картину, прекрасней которой не было бы во всем свете!

– А что бы ты хотел видеть на этой картине, мой Король?

– Я не знаю, Художник, – Король задумался. – Что-то удивительное и прекрасное... Такое, чтобы мне хотелось любоваться той красотой каждый день! Пожалуй, я бы даже назначил тебя придворным живописцем, если бы твои кисти смогли исполнить мое желание. Но если ты не сумеешь нарисовать картину, какая чудится мне в моих мечтах, я прогоню тебя прочь.

Художник пожегся на холодном ветру, кутаясь в свой старенький плащ, машинально пошарил в пустом кармане брюк, махнул рукой и сказал:

– Была – не была, Ваше Величество! Не велика будет потеря, если в твоём королевстве вдруг станет одним живописцем меньше. Я попробую нарисовать тебе чудесную картину!

– Что ж, – Король благосклонно кивнул. – Сроку тебе – до последней радуги. Когда погаснет последняя радуга, я приду посмотреть твои картины.

С того дня поселился Художник в королевском замке. Стал он жить сытно и вольготно, ни в чем ему отказа не было. Но чем привольнее становилась жизнь Художника, тем чаще вспоминал он свой старенький этюдник, черный потертый плащ и с тоской глядел на дорогу, что убегала из королевского замка в залитые ярким солнечным светом поля.

Из окна его комнаты было видно, как поднималось над городом солнце, как легкой кистью касалось оно шпилей и флюгеров, осыпая их сияющей позолотой. Случалось, что вдруг небо хмурилось, и на нем собирались тучи. Тогда Художник садился у окна и ждал.

Ждал, когда летний дождь, словно маленький барабанщик, пробежится по черепичным крышам, прошлепает босиком по лужам и до блеска вымоет гранитные мостовые.

Но больше всего Художник любил тот миг, когда после дождя сквозь тучи вновь пробивался первый солнечный лучик и зажигал радугу! Она сияла и переливалась в небе яр-

кими красками, накрывая волшебным светом весь город! В такие минуты Художник был счастлив. «Ах, если бы мне однажды удалось нарисовать вот такую же сказочно волшебную картину! Прекрасную, как сама мечта! Вот удивился бы Король!»

Но время шло, лето подходило к концу, а желанная картина так и не получалась. Много разных полотен создал Художник, и все они радовали глаз! На одном – Король на охоте! Его конь мчит вперед, едва касаясь копытами земли! А на другом – Король в Тронном зале, в бархатных, шитых золотом, одеждах, его лицо торжественно и величественно. С третьего полотна Король улыбается, оглядываясь через плечо, стоя на крепостной стене города. Ни один Художник раньше не рисовал Короля таким удивительно разным! Но ТОЙ САМОЙ картины не получалось. Художник никак не мог ее придумать!

«Интересно, – однажды подумал Художник. – Сколько времени осталось до последней радуги?» Он закрепил на мольберте чистый холст, окунул кисть в краску и вдруг застыл, пытаясь поймать ускользающую мысль. «Снова рисовать портрет Короля? Их уже больше, чем достаточно! Они все хороши, но ни один из них не греет мне душу...»

Художник взглянул в окно: там сияло солнце, черепичные крыши домов пестрой мозаикой раскинулись по склонам холмов, в садах ветки клонились к земле под тяжестью спелых яблок, ребяташки пестрыми стайками носились по

улицам. Ах, как было здорово там, за окном королевского замка!

Художник не стал рисовать очередной портрет Короля – словно продолжение городских улиц, на его холсте вдруг тоже запестрели черепичные крыши домов. Они словно скользили по холсту, утопая в зелени садов и растворяясь в неведомой вуали белоснежных облаков!

Внезапно свет за окном потускнел, свинцово-фиолетовая туча закрыла солнце и крупными, тяжелыми каплями застучал по крышам озорной дождик. Художник отложил в сторону свои кисти и подошел к распахнутому настежь окну. Он вдыхал полной грудью свежий аромат дождя и думал о том, как давно не чувствовал на своих плечах промокшего плаща. Он взял в руки хрустальный бокал и потянулся навстречу дождю.

– Динь! Динь! Динь! – звенели капли по стенкам бокала, наполняя его звонкой прозрачной симфонией летнего дня.

Порыв ветра в нескольких местах разорвал фиолетовую тучу, и солнечные лучи, протиснувшись сквозь прорехи, нарисовали на небе пеструю радугу! «Ах! Как она прекрасна! – обрадовался Художник, и тут же с сожалением вздохнул. – Неужели последняя? Вот было бы удивительно наполнить радугой этот бокал!» Он смотрел, как переливались разноцветно-прозрачные радужные полосы, и думал о том, что только волшебный, Солнечный, художник смог бы нарисовать такую радугу на картине! И она была бы, как настоящая!

И чтобы по ней можно было дойти до самого солнца! Вот это было бы настоящее чудо!

А солнце, наконец, сбросило с себя сердитую тучу, и вновь радостно засияло над городом. Остатки разноцветных капель едва осязаемым шлейфом рассыпались повсюду, щедро даря прохожим радость. Художник очнулся от мечтаний и осторожно поставил на подоконник хрустальный бокал, почти до краев наполненный дождевой водой.

– Динь! – запоздалая капля упала в бокал, всколыхнув в нем настоящую бурю! Словно задели незримую струну! Художник удивленно оглянулся.

* * *

Она стояла на самом краю бокала – совсем маленькая, тонкая, словно былинка, и прозрачная, как хрусталь! Легкий ветерок касался ее волос, и они развевались невесомым прозрачным шлейфом из тонких, почти невидимых, нитей. Платье, молочно-белесое, как утренний туман, изящно облегалo ее стройную фигурку. Она смотрела на Художника и улыбалась.

– Ты кто? – прошептал изумленный Художник.

– Вильгельмина, – хрустально чисто прозвенел ее голос. – Я маленькая капелька, дыхание прошедшего дождя, осколочек той самой радуги, красками которой ты хотел наполнить этот бокал. Но радуга рассыпалась – и вот я здесь. А что ты

делаешь в королевском замке, Художник?

– Вильгельмина? Какое красивое имя! Но разве ты похожа на радугу? Радуга – она яркая, разноцветная, а ты прозрачная и невесомая, как ветерок... Почему я не встречал тебя раньше?

– Когда рассыпается радуга, ее краски растворяются повсюду – в садах, в реке, в поле, в твоих глазах. Раньше ты не встречал меня, потому, что никогда не пытался собрать рассыпавшуюся радугу. Но ты не ответил мне, Художник – почему ты сегодня здесь, в этих каменных стенах? Почему я давно не видела тебя на улице?

– Я беден, а впереди – холодная зима. Король обещал мне достойную награду, если я смогу нарисовать самую прекрасную картину на свете, – печально вздохнул Художник и наклонился, чтобы лучше рассмотреть маленькую капельку на кромке бокала. – Но если истечет срок, а я не смогу выполнить это условие, то мне придется покинуть наше королевство.

Невесомо ступая по хрустальной кромке бокала, Вильгельмина подошла ближе и взглянула на картины, которые висели в комнате Художника. Ее лицо то темнело, как океан в бурю, то становилось чистым и прозрачным, как горный родник.

– Ты очень хороший Художник, – наконец сказала она. – И эти картины, они все прекрасны... Только понимаешь, мой талантливый друг, в них есть краски, но нет жизни. В них ты

идешь за Королем, в тени его славы, а у тебя должно быть собственное имя.

– Разве у меня нет имени? – удивился Художник. – У каждого человека есть имя! Ведь даже у тебя оно есть – Вильгельмина!

– Имя художника только тогда имя, когда оно идет впереди него.

– Разве не слава и почет дают дорогу такому имени? – с досадой спросил Художник. – И где же их искать, если не в королевском замке?

Вильгельмина засмеялась, словно заиграла скрипка:

– Много королей будет на твоем пути, Художник! Не гонись за их славой, пусть короли идут по твоим следам!

– И как же мне быть? Что я, по-твоему, должен для этого сделать?

– Собери радугу!

Художник взял в руки бокал и посмотрел сквозь него на солнце:

– Я пытался собрать осколки радуги, но вода в бокале прозрачна, все краски исчезли...

– Ах, какой ты смешной, Художник! – смех Вильгельмины рассыпался по каменным стенам солнечными зайчиками. – Чтобы собрать радугу, мало одних красок! Здесь нужны чувства! Понимаешь, у каждого СВОЯ радуга. И только тогда, когда чувства и краски сольются воедино – только тогда вспыхнет ТВОЯ радуга, Художник! Только тогда Король

узнает твое имя! И только тогда ты сможешь нарисовать картину, прекраснее которой нет в целом свете.

– Краски и чувства? – Художник устало опустил в кресло. – Чувства внутри меня, а краски – снаружи. Как можно это соединить?

– Посмотри на этот холст, – Вильгельмина кивнула на стоящую у окна картину. – На нем продолжение того, что ты видишь за окном, верно?

Художник кивнул.

– Ты должен рисовать так, чтобы твои картины были продолжением твоих чувств, а твои чувства отражались бы в твоих картинах! Тогда твое имя будет идти впереди тебя.

Художник молчал и смотрел широко распахнутыми глазами на неуловимо прозрачную маленькую капельку на кромке хрустального бокала.

– Если твои чувства так же сильны, как твой талант, у тебя все получится! – продолжала Вильгельмина. – Давай попробуем, Художник? Вспомни о своих чувствах! Они в твоём сердце! Это же так просто – собрать радугу! Чувство-цвет! Вот, например, **КРАСНЫЙ**...

* * *

Красный, как маковый цвет, закат наполнял собой целый мир. Даже белые розы в руках придворного Шута казались алыми! Не снимая шутовской колпак, он опустил на коле-

ни и положил цветы к ногам своей Королевы... А она была ослепительно молода и непозволительно прекрасна! И только легкая тень обреченности выдавала в ней невольницу. С тех пор, как Король привез ее из далекой заморской страны, Шут потерял покой.

– Шут! Мой верный Шут! – восклицал упоенный счастьем молодой Король. – Вот моя невеста! Радуйся, Шут! Тебе ли, дураку, понять, сколько она мне стоила!

И Шут радовался, как велел ему Король. До тех пор, пока не заглянул в ее глаза, бездонно-синие, как апрельское небо и бесконечно печальные, как сама неизбежность... И тогда замолчал разум, заговорило сердце!

На королевской свадьбе Шут был самым веселым и шумным! Он веселил гостей, пел песни Королю, улыбался молодой Королеве. Но лишь она видела отчаяние в его веселье, неудержимую тоску в песнях и глубокую грусть в улыбке... И не могла она отвести взгляд от пестрого колпака на голове Шута. Каждый раз ее сердце замирало при надрывном звоне его старенькой лютни. И не было больше никого вокруг...

Шут не боялся эшафота, он с облегчением бы сложил голову на плахе, если бы шел туда один...

– Мой Король! – Шут говорил медленно, последнее слово приговоренного обязан выслушать даже король. – Ты можешь казнить меня самой страшной казнью, и я с повинением приму ее. Но молю тебя – не причиняй боли своей прекрасной Королеве!

– А ты что скажешь, моя неверная супруга? – Король был хмур.

– Мой Король! – молодая Королева впервые взглянула в глаза Королю без страха. – Твоя власть воистину велика, но даже ты не можешь никому приказать быть счастливым! Я не молю тебя о пощаде, но не казни своего Шута из-за меня!

Их вывели на высокий скалистый обрыв – двоих... Они стояли на самом краю, держась за руки – прекрасная Королева и придворный Шут.

– Я исполню ваши последние желания, – сурово молвил Король. – Я не причиню боли Королеве и не казнию своего Шута. Но хватит ли у вас самих сил принять смерть добровольно?

Потом Король долго смотрел вниз, где волны бились о гранитные скалы – они были багряно-красными от крови...

...Художник открыл глаза:

– Верно, Вильгельмина! **КРАСНЫЙ** – это любовь, страсть, самоотречение, преодоление и... снова любовь... Это сильный цвет!

Художник взглянул на хрустальный бокал – вода в нем была ярко-алого цвета! Она клубилась, растекалась внутри, словно волны, что шумели у скал. Лицо Вильгельмины тоже отражало красные блики:

– Видишь, Художник – у тебя все получается! Но у радуги семь цветов, и следующий – **ОРАНЖЕВЫЙ!**

Оранжевый песок, оранжевое солнце, оранжевая жажда в глазах... Раму изнемогал от жажды и зноя. Но сильнее жажды жгла сердце досада! Старейшины не поверили ему, когда он сказал, что за Оранжевым барханом должна быть вода!

– Ты молод и глуп! – вождь сердился. – В пустыне нет воды! Оранжевый бархан – это смерть!

– Вождь! – восклицал Раму. – Ты мудр! Скажи мне, почему все – львы, слоны, антилопы – все идут за Оранжевый бархан? Неужели они все идут умирать?

– Упрямец! – разгневался Вождь. – Иди и ты к Оранжевому бархану! И пусть разум вернется к тебе хоть перед смертью!

Раму очнулся от сильного прикосновения:

– Что ты делаешь здесь, Человек? – огромный черный Слон, как гора, возвышался рядом.

– Убей меня, Слон! – воскликнул Раму. – Я очень устал и хочу пить!

– Встань, глупый Человек! – Слон покачал головой. – Там, за Оранжевым барханом, вода! Много воды! Надо только пройти еще несколько моих шагов!

Стоя на вершине Оранжевого бархана, Раму увидел синюю реку, зеленые берега, услышал птичий гомон!

– Даже мудрейшие могут ошибаться, – сказал Слон. – Не

верь словам, верь истине!

...Художник взял в руки бокал: в алой воде дивными узорами распускались оранжевые цветы!

– Я понял, Вильгельмина! ОРАНЖЕВЫЙ – это знания, успех, восторг, истина!

– Ты все правильно понял, Художник! Давай теперь представим, чем может стать ЖЁЛТЫЙ?

* * *

Желтый цветок подсолнуха склонялся над ней, закрывая лепестками от желтого солнца. А золотисто-желтые солнечные зайчики рассыпались по ее нарядному и тоже желтому платью. А она сидела на скамейке и плакала.

– Девочка, почему ты плачешь? – спросил проходивший мимо Мальчик.

– Там, у соседской калитки, сидит большая собака! Я боюсь ее!

Мальчик подал ей руку:

– Идем! Я не дам тебя в обиду!

Они шли по дорожке, он крепко держал ее за руку. А вокруг был ослепительно желтый и удивительно теплый день! И большая собака оказалась добродушным косматым псом! И высохли слезинки! И улыбалась Девочка! И был смелым Мальчик!

...Художник взглянул на бокал: в самых серединках оран-

жевых цветов засияли солнечно-желтые звездочки!

– Желтый цвет – это очень теплый цвет! – воскликнул Художник. – Это дружба, радость, счастье! ЖЕЛТЫЙ цвет – невероятно добрый цвет! Верно, Вильгельмина?

– Верно, Художник! Это цвет твоего детства – когда дружба – бескорытна, радость – искренняя, а счастье – бесконечно!

– Тогда я знаю, что будет дальше! – восторженно воскликнул Художник. – Дальше будет ЗЕЛЁНЫЙ!

* * *

Зеленый туман, густой и почти осязаемый, закрывал все вокруг – не было ни моря, ни неба, ни берега... Рыбак, отчаявшись и окончательно потеряв надежду, лег на дно лодки. Зачем он здесь? Он, молодой и сильный, хотел загарпунить большую рыбу! Тогда бы он был первым среди рыбаков! И тогда бы его мать гордилась им. Но сейчас, когда вокруг этот невероятно густой и зеленый туман, когда сломана мачта и порван парус, а весла практически бесполезны – сейчас надо достойно встретить свой конец. «Не я первый и не я последний», – думал Рыбак.

Вдруг лодка качнулась – кто-то большой и сильный задел ее дно снизу. Рыбак приподнялся на локте:

– Кто здесь?

– Я та, за кем ты пришел сюда, – прозвучало из глубины.

Огромная рыбина высунула из воды гладкую черную голову.

– Рыба? Я теперь не трону тебя, не бойся, – вздохнул Рыбак. – Хорошо, что ты здесь, и я не один. Ты будешь ждать моего конца?

– Нет, Рыбак, я помогу тебе! – и Рыба нырнула под лодку. Рыбак вдруг почувствовал, что его лодка довольно быстро движется. И надежда затеплилась в его сердце.

Скоро зеленый туман отпустил лодку, и Рыбак увидел знакомый берег.

– Дальше ты дойдешь на веслах, – проговорила Рыба.

– Скажи мне, Рыба, зачем ты спасла меня? Ведь я хотел поймать тебя? Когда я починю свою лодку, я снова пойду в море – за тобой!

– Когда ты починишь лодку, тогда мы еще посмотрим, кто из нас двоих окажется сильнее! А сегодня я дала тебе надежду на завтрашний день! – Рыба плеснула хвостом и ушла в море.

...Зеленые завитки листьев закружились узором вокруг оранжевых цветов. Художник улыбнулся:

– Да, Вильгельмина, ты права – **ЗЕЛЕНЫЙ** цвет – это цвет надежды!

– А еще – это стремление, желание и откровение, – улыбнулась в ответ Вильгельмина. – Теперь мой любимый цвет – **ГОЛУБОЙ!**

Голубой купол неба безоблачным шатром накрывал весь мир! Высоко в небе парила Птица. А внизу – в голубой дымке таял лес, река, город.

«Как красиво! – думала Птица. – И как здорово, что у меня есть крылья! Я могу видеть все и сразу! И это прекрасно!»

Из глубины голубой реки в небо смотрел старый Сом: «Это хорошо, что я живу на дне этой реки и могу видеть Птицу в голубом небе! Такой красоты не видит никто в мире!»

А в лесу на старый пенек забрался маленький Ёжик. Это было первое лето в его жизни.

«Как прекрасен мир! – думал Ёжик. – Эта голубая река – она течет РЯДОМ со мной! Этот лес – он шумит ВОКРУГ меня! И это небо – оно раскинулось НАДО мной! Это так прекрасно, что я – маленький Ёжик!»

....Художник сидел в кресле с закрытыми глазами и улыбался. Вильгельмина терпеливо ждала.

– ГОЛУБОЙ цвет – это счастье, – наконец, тихо прошептал Художник. – Это восхищение, радость... Это начало. По моему, так!

– Ты все схватываешь на лету! – смех Вильгельмины звучал в тишине, как музыка. – Ты чувствуешь цвета сердцем и видишь чувства душой. Уже пять цветов в твоём бокале! Взгляни-ка теперь на СИНИЙ...

Синий вечер опустился на землю... Высоко в синем небе зажигались первые звезды. Снег из белого тоже превратился в синий. Синие сумерки накрыли маленький домик. И только упрямый огонек свечи пытался разорвать синюю пелену!

Она ждала Его уже давно. Но осень сменилась зимой. А Он не возвращался. Наконец, таким же, тоже синим, утром, Она получила письмо, в котором Он писал, чтобы она больше не ждала Его...

А Он тем временем уже шел вперед за Другой, сквозь синюю метель. Только та, Другая, и не собиралась Его ждать... Когда Он встретился с ней, с Другой, она улыбнулась Ему и сказала, что Он ей совсем не нужен...

Синий вечер, синие сумерки, синее утро, синяя метель...
...Синий иней покрыл хрустальные стенки бокала. Художник глубоко вздохнул:

– Ожидание, тоска, разочарование и пронизывающий душу холод... Вот что означает здесь СИНИЙ цвет...

– Что ж, Художник! Еще немного усилий – Вильгельмина поежилась от холода, наступив босой ногой на синий иней. – Остался последний цвет – ФИОЛЕТОВЫЙ!

Фиолетовый, как пролитые чернила, и приторно едкий дым стелился над полем брани. Множество павших воинов, и своих, и чужих, лежали на земле. Стаи фиолетово-черных воронов кружили над ними, предвкушая кровавое пиршество.

Генерал устало снял шлем и оглянулся вокруг:

– Тяжелая была битва, верно, мой храбрый Воин?

– Верно, мой Генерал, – взгляд Воина был мрачен.

– Ценой жизни многих солдат мы отстояли наш город, это наша победа! Но я вел их в последний бой, и как Генерал, должен просить прощения у их матерей за это.... Не так ли, Воин?

– Нет! Не так! – острый меч полоснул Генерала по открытой шее. – Теперь я – Генерал! И слава победителя – теперь моя! Я попрошу прощения у твоей матери!

Фиолетовый дым закрыл солнце, а город потерял своего Генерала...

.... Художник сжал руками виски, морщась от боли:

– Вильгельмина! Радуга такая красивая, в ней столько сильных чувств! Неужели так необходимо, чтобы в ней были скорбь и предательство! Ведь именно их отражает ФИОЛЕТОВЫЙ цвет?

– Как же ты не понимаешь, Художник? В радуге должны

быть ВСЕ цвета – только тогда она радуга! А в цветах должны быть ВСЕ чувства – только тогда сильнее любовь, крепче дружба, ярче надежда и полноценно счастье!

* * *

Хрустальный бокал волшебным образом переливался всеми цветами радуги, солнечные отблески струились сквозь него чарующей музыкой. Вильгельмина тоже вся сияла и переливалась всеми красками, что были собраны в бокале.

– Пришло время последней радуги, Художник! Разбей бокал! – ее дивный голос звучал радостно и призывно.

– Как разбить?! – недоумевал Художник. – Ведь радуга, она же снова рассыплется!

– Не бойся, Художник! Ты уже собрал свою радугу! Ну же!

Художник поднял бокал и с силой бросил его на каменный пол. Сотни хрустальных осколков солнечными брызгами разлетелись по всей комнате! А на холсте, над нарисованным городом растеклась, переливаясь всеми цветами и красками, задевая все струны чувств и переживаний, удивительно прекрасная радуга! Вот она добралась до края полотна, на секунду замешкалась – и вырвалась прямо в распахнутое окно! От удивления Художник не мог вымолвить ни слова. Он протянул ладонь к радужной кромке – радуга оказалась теплой и упругой!

– Ну, что же ты, Художник? – Вильгельмина сверкала и

сияла, как самый настоящий осколочек большой радуги.

– Прекрасней этой картины нет в целом свете! Не за этим ли ты здесь? Это последняя радуга – и она твоя! Иди же, Художник, не бойся! Все так, как ты хотел – на цыпочках, до самого солнца! Только сними ботинки, цветные чувства не терпят грубой подошвы.

Художник наклонился, снял обувь и осторожно ступил босиком на радугу. Она слегка покачнулась, но удержала его.

– Вильгельмина! А эта радуга настоящая? Я никогда не ходил по радуге! Ведь если она исчезнет... – у Художника перехватило дыхание, – я же не смогу, как ты – раствориться в облаках?

– Не бойся, Художник! Она не исчезнет, ты сам создал ее. И теперь у тебя есть имя, береги его! Всегда знай себе цену и не разменивайся на королей! Теперь короли будут снимать шляпу перед твоим именем!

И Художник, сначала робко, на цыпочках, а потом все смелее и смелее пошел вперед, босиком по радуге. Далеко за горизонтом остался королевский замок. Его стены серой громадой рухнули куда-то, словно и не было их вовсе... Внизу, под самой радугой, простирался город – яркий, пестрый, с черепичными крышами, с флюгерами и колокольнями, с фонарями и мостами! Люди смотрели вверх и восхищались:

– Ах, какая красивая радуга!

– Смотрите! Это же наш Художник! Какой он сегодня счастливый!

Птицы касались крыльями его волос, розы в садах кивали ему своими бутонами, теплый ветер щекотал его босые ноги, дети радостно улыбались ему вслед, а короли смиренно снимали шляпы...

И Художник все шел и шел по радуге, над городом, над лесом, над речкой, шел легко, навстречу солнцу, раскинув в стороны руки, и не прятал счастливых глаз! Радужные полосы искрились и переливались, ускользая и растворяясь в небе, рисуя в сердце каждого прекрасную, как сама мечта – картину, краше которой нет в целом свете...

**Одно лето в аду, Виолетта
Баша, «Литературная Россия»,
2003. Рассказ. 06.12.2015**

<http://www.chitalnya.ru/work/3164/>

«Видный общественный деятель, редактор популярной рижской газеты, бывший член народного фронта Латвии, единственный признавший нарушение прав человека в Латвии, Алекс...», – в новостном блоке мелькнуло знакомое лицо. Не слишком изменившееся за двадцать лет.

Заброшенный, мирно дремал на полке Артюр Рембо, двадцать лет не смея напомнить о себе. Одно лето в Аду, может быть? Пожалуй, нет. Просто, одно лето в интерьере судьбы...

...Капелька крови. Прощание с Прибалтикой. Три капельки крови. Не будет русского внука у латышского «лесного брата»...

Звонок разбудил ее среди ночи. Первой ночи без неопределенности. Первой ночи, когда она уже знала ответ. Ее разбудил междугородний звонок, которого она перестала ждать.

– Нет, Алекс, не будет у тебя сына...

Любите ли вы маленькие сумрачные кафе в готическом стиле, тихие, безлюдные и таинственные, с высокими черными резными спинками средневековых, похожих на трон какой-нибудь шотландской королевы, стульев. С маленьки-

ми прозрачными на просвет фарфоровыми чашечками. Со спрятанным в них озерцом крепчайшего кофе с едва заметным привкусом горьких латышских трав, отмеренных с немецкой точностью из заветной бутылки темного стекла невозмутимым сыном «лесных братьев». С крохотными пирожными на игрушечных блюдцах. С намеком на расчерченное соснами побережье, струящееся сквозь витражи всех окон. С отблеском пламени от камина на едва знакомом лице сидящего напротив сорокадвухлетнего тевтонского рыцаря, с легким латвийским акцентом читающего вам Ницше?

Любите ли вы холодным шампанским запивать стынувший в дюнах размытый молочной взвесью предосеннего тумана балтийский закат? Или замотав в плед свое бледнеющее в сумерках худенькое, совсем не загоревшее тело, облаченное в почти неуместный по такой погоде бикини, дрожа от непрекращающегося вторую неделю ветра, подбрасывать крошки сыра низко парящим над осокой чайкам, кричащим «спасибо» на языке, созвучном свистящему всеми своими ветреными «с» птичьему латышскому диалекту. И не смея прервать собеседника, третий час сообщаящего вам под непрекращающийся ни на минуту почти беззвучный шелест песка о том, что говорил Заратустра, до голодных галлюцинаций мечтать о кусочке копченой курицы – не виданной тогдашними соотечественниками экзотической жар-птице. Да и откуда было знать этой бедолаге, что именно ей суждено стать частью нашей памяти о ранней прибалтийской осени начала вось-

мидесятых...

Она знала, что где-то там, на западе, у холодного моря есть чужой край с соснами, похожими на органные трубы, с холодным, сыроватым песком, усыпанным сосновыми ресницами, вечно закрадывающимся под платье, поскрипывающим на зубах. С капельками солнца под ногами, заснувшими тысячелетия назад в янтарной вечности. Край, такой непохожий на дрожащие в первые заморозки, наполненные гудками подмосковных электричек, березовые перелески. На почти невесомые, едва намеченные голубоватым штрихом в начале марта поля, прячущиеся у горизонта в сырые серые сумерки. Такие по-сиротски безлюдные, с покрытыми ломкой корочкой льда лужами в ямах разбитых, бегущих по краям полей проселочных дорог. И если стать на высоком берегу реки, и смотреть на эти бескрайность и одиночество, то можно почувствовать их незащитность. Почувствовать, насколько эти поля до нежности маленькие под грачиным, вороньим, с миражом куполов деревенских церквей небом. Нет, в том чужом краю не было такого – до озноба, до мерзнущих на ветру пальцев, до слезящихся от долгого пристального взгляда глаз, до кома в горле – ощущения Родины.

Тот край был словно списан с литографий, на которых угадываются очертания видящей во сне века своей бурной славы и уже утихшей, умиротворенной, успокоившейся Европы. Подруги попрактичнее ругали холодное балтийское лето, какое-то невыразительное, без привкуса соли и запаха

черноморских водорослей море. С его полукилометровым мелководьем, по которому, пока дойдешь до глубины, непременно посинеешь. С его прибрежными деревянными дачами, с шуршащими, нагло забирающимися в кровать мышами.

Подруги ругали этих суровых, высокомерных, неразговорчивых и непонятных латышей. Ругали и отпраивались в следующий отпуск в Сочи. Одна из них как-то подарила Эвелине необработанный янтарь в белом шелковом мешочке с изображением чайки и якоря. Эви весь январь просидела над газовой плитой, разогревая иголки, сгоравшие одна за другой, и зажав иголки щипцами, прожигала в янтарных каплях дырочки. А потом, нанизав тысячетлетние сосновые слезы на леску, повесила этот закольцованный символ застывшего солнца на люстру, и до утра, разглядывая его мерцание, была абсолютно счастлива.

С тех пор она не снимала янтарное ожерелье, струившееся, стекая с шеи вниз, до талии и еще чуть ниже. Эти бусы, казалось, знали тайну, что-то такое, что должно произойти скоро, может быть, грядущим летом. Они словно звали ее на свою родину, и Эви гладила их, смотрела, как сквозь них становятся ярче лучи скупого зимнего московского солнца.

Весной у Эви появился новый алый купальник, туфли на высоком каблуке и темно-коричневое, слишком мрачное даже для хмурого балтийского пляжа, длинное, летящее, застегивающееся спереди на золотистые металлические пуго-

вицы платье.

В середине августа рижский поезд весело выстукивал что-то из рижских напевов, что-то вроде «ти-ба-да-бу-дам» интонациями Лаймы Вайкуле.

Не безнадежный и поэтому красивый в своей тщетности рывок готических шпилей в вечность, не чакона Баха в четвертом ряду от органа Домского собора, а мокрый песок побережья удивил ее чудесным свойством путать и растворять в задумчивости века. Он легонько поскрипывал, почти не рассыпаясь, и то, что по нему можно было идти на шпильках, на полкаблука утопая и от этого пружиня, казалось чудом. Надо было только аккуратно ступать на носки...

Эви шла километр за километр по юрмальскому Бродвею, оставляя шпильками ниточку следов на песке...

Темно-коричневый парус ее расстегнутого платья развевался по ветру, обнажая алое пятно купальника.

Эви не заметила, когда он появился, но километра два он шел за ней, отстав на пару шагов, худой мужчина лет сорока.

– Море бледнее неба, поэтому горизонта совсем не видно, – заговорил он. – Лорелея?

– Эвелина, – поправила она.

– Прекрасная праправнучка немецких рыцарей на балтийской земле...

– Нет, я русская. Мама – переводчица с немецкого. Поэтому – Эви.

– Конечно, Эви. Именно это я и хотел сказать. Вы филолог

из Москвы и вам двадцать пять. И вы не любите Цветаеву.

– Да.

– Вы, конечно, любили Цветаеву, но давно. Вам кажется, что ее надрыв неприличен.

– Да.

– А теперь вы предпочитаете Ахматову.

– Да.

– Светает, от твоих волос светает...

– Петра Вегина я тоже люблю. Но я не филолог, математик. И мне двадцать восемь, мессир...

– Алекс, меня зовут Алекс.

Эви шла впереди спутника, не замедляя шаг, и не заметила, как он, резко свернув в сторону, скрылся в соснах.

На следующий день, когда Эви вновь шла по песку, Алекс появился вновь и снова шел следом за ней километр за километром, отстав шага на два.

Она остановилась. Он улыбнулся.

– Снова я, ваш мессир, Лорелея... Москвичка....

В его улыбке не было веселья. Усталость, не сиюминутная, многолетняя. Ей стало жаль его, но что-то в нем пугало ее.

В руках Алекса был томик Ницше. Они сели на сухую траву, сбегавшую от сосен к дюнам, и Эви, пропуская санаторский ужин, как замороженная, вот уже второй час слушала, а Алекс читал. Вдруг он поглядел на Эви и сказал: «На сегодня хватит! А завтра – китайская поэзия девятого века».

«Ну, нет! Только этого мне не хватало!» – подумала Эви,

решив поехать с утра в Ригу.

Утром Алекс уже ждал ее на выходе из столовой...

– А где же Конфуций? – Спросила Эви, не обнаружив у Алекса томика в руках.

– Сегодня будет дождь и Бах...

Эви не успела ничего возразить, как оказалась под одним зонтом с Алексом. Кажется, уже секунд пять небо намекало на дождь, и вдруг выплеснуло все, что сутки собирало в себе над Балтикой. К станции они подошли промокшие до нитки...

В окна электрички врывались то темные ельники с черничными полянами, то аккуратные дачи за раскрашенными в веселые тона заборчиками без единой вывернутой, как в какой-нибудь родной Курской области, доски, то станции с названиями, звучавшими как таинственные заклинания. Алекс рассказывал, Эви слушала. Он не филолог, медик. Десять лет как развелся, жена не дает ему встречаться с взрослой дочерью. Вот там, у станции Булдури, домик Алекса. Эви заметила старика, выходящего из калитки и направлявшегося в сторону леса.

– Отец, – Алекс перехватил взгляд Эви. – Уж лес-то он знает. Воевал в этих краях...

Алекс так произнес эту фразу, что Эви напряглась. Но переспрашивать не стала. Когда электричка подплыла к рижскому перрону, всю светило солнышко.

Эви давно потеряла счет улочкам и проходкам, сбегавшим

куда-то лестницам и маленьким, в одну скамейку, скверикам, и уже ни за что бы не нашла дороги к электричке без Алекса. Она делала вид, что рассматривает обрушившийся на нее поток образов и откровений, но тайком рассматривала Алекса, и никак не могла заставить себя отвести от его лица взгляд. «Тевтонский рыцарь», окрестила она его, хотя и представления не имела, как должен выглядеть тевтонский рыцарь, и почему именно тевтонский. Откуда пришло это слово, само собой возникшее в памяти, словно когда-то она уже знала Алекса, когда-то, века два назад, и, может быть, в том времени любила его. Одно она знала точно: таких лиц в Москве не встретишь. Худое, мрачное, пожалуй, слишком загорелое для этого края, оно было словно выведено художником в дополнение к каменным домам, шпилям соборов, узким улочкам, к брусчатке, к спускам в три ступеньки в таинственный полумрак кофеюшен.

«Кафеюшни» – это его словечко надолго войдет в ее лексикон. Изредка отрывая взгляд от этого лица, она старалась подольше задержать его то на витрине ателье, за стеклом которой улыбался счастливый манекен в атласном подвенечном платье и гипюровых перчатках по локоть, то на лоскутах неба в пространстве между черепичными крышами. Взгляд ее балансировал на грани приличия, но то и дело соскальзывал на вызывавшее озноб лицо. Да нет, это не многолетняя усталость. Другое, сдерживаемое, подспудное, отчего хотелось немедленно спастись бегством, или... обнять Алекса.

Они бродили третий час, Эви не раз прокляла тот момент, когда решила надеть туфли на высоком каблуке, и, наконец, сказала:

– Все, устала от вашей брусчатки!

И они сели на первую попавшуюся скамейку.

– Смотри, как порхают рижанки! На шпильках, не касаясь земли.

Эви промолчала. Она разглядывала огромный, разросшийся в пол-окна куст герани на подоконнике окна на первом этаже дома напротив, когда прямо из-за куста возник из полумрака комнаты – почему-то без всяких намеков на наличие хозяина, словно один в этой комнате и жил – черный дог.

– Какой красивый! – Эви подумала, что до собаки – метра три, которые вот этот самый, такой же красивый, как Алекс, и такой же опасный самец преодолеет в несколько прыжков. Внезапно она прижалась к Алексу. Его замечание поразило ее настолько, что она точно помнила его спустя двадцать лет:

– Не люби его – люби меня!

Вечером, когда они ехали последней электричкой на побережье, Эви еще купалась в водопадах токаты Баха, волнами заполнявшего Домский собор, заигравшего бликами в витражах высоких окон. Плыла зачарованной девочкой среди страшных образов – то ли безнадежности и неуловимости мгновений счастья, то ли тени непонятной, пугающей вечности, с ее ошеломляющей неизбежностью смерти, ощущени-

ем, настигшим ее прямо здесь, в четвертом ряду от органа, сантиметрах в двадцати от этого невероятного, сошедшего со средневековой фрески Алекса. Озноб. Он начинался где-то у затылка, волной сбегал вниз, до пальцев ног, чтобы снова зашекетать завиток волос у затылка.

В санаторий идти было поздно, они сошли на станции Булдури.

В комнате горел ночник, на тумбочке у кровати стояла почти полная бутылка коньяка. Эви подташнивало – за весь день десяток чашек кофе с бальзамом и одно пирожное, согласитесь, маловато для того, чтобы заглушить лихорадочный озноб. Алекс пил коньяк из бутылки, Эви выскочила на крыльцо. В дальних кустах у изгороди ее начало рвать. Когда она пришла в себя, увидела старика, стоявшего неподалеку с фонариком в руке. Он взял ее под руку, довел до комнаты Алекса и прикрыл за ней дверь. Голова кружилась, в потемках она нащупала кровать, присела и потеряла сознание. Очнулась она в объятьях Алекса.

Вы никогда не запивали таблетку нитроглицерина коньяком? Как он догадался? Ее больше не тошнило, но головокружение... Оно подступало волнами, казалось, что потолок наклоняется, и тени сосен, освещенных фонарем у станции, плывут от двери к кровати. Всю ночь в окно стучал ветер, и домик скрипел, жаловался и постанывал от его напористого любопытства.

Утром старик принес им кофе с молоком и ломтики сыра.

Он что-то резко говорил по-латышски, Алекс отвечал односложно и сердито. Больше старика Эви не видела, и в домике у станции не была.

Алекс появлялся и исчезал неожиданно. Он то подкарауливал ее у выхода из столовой, то ловил на дорожке к морю, то находил на пляже. Они уходили в дюны, далеко, туда, где не было людей, устраивали там свой маленький мирок на подстилке между камышами и песочными замками, Алекс как всегда приносил сыр и какую-нибудь книгу. Он читал часами то Конфуция, то Пруста, то стихи по-латышски. Эви грызла сыр, слушала мелодию латышского языка, и, кажется, начинала понимать.

Как-то он заметил мурашки на ее теле и завернул ее как ребенка в плед. Перед закатом чайки садились на песок очень близко от них. Алекс научил ее подбрасывать кусочки сыра, чайки взлетали и ловили их на лету. Эви голодала, забывая про санаторские обеды и ужины, и однажды просто подпрыгнула и пискнула, подражая чайкам, а потом поймала один из кусочков сыра, подброшенных Алексом. Он усмехнулся и повел ее в сторону маленького магазинчика среди дач на удаленной улочке, где не было ни одного отдыхающего. Они купили копченую курицу, и Эви с наслаждением, отрывая маленькие кусочки, поглощала эту экзотику, а Алекс запивал коньяком захватывающее зрелище едва ли не мурлыкавшей от удовольствия женщины, жадно поглощавшей добычу мужчины-охотника. В санаторий они шли лес-

ной тропкой, и Эви вновь стала бояться Алекса.

– Боишься, Лорелея? Москвичка, я бы мог... – Алекс странно на нее посмотрел. – Все, что я мог бы с тобой сделать, я уже сделал с тобой.

Эви покраснела. Озноб, охвативший ее, был совсем иным, чем прежде. Она не могла забыть то, что рассказала ей соседка по номеру Татьяна: «лесные братья» изнасиловали и убили ее мать. Так они расправлялись с женами русских офицеров после войны...

Однажды он принес ей подстрочник стихов Мары Залите, и Эви в тот же вечер занялась переводом:

Задумчивая Рига смотрит в ночь, Усталый лоб снежинкам подставляя, И нежные ладони умирляют Ее тревогу...

Эви пыталась представить Ригу, утонувшую в снегопаде, два силуэта в неслучившейся еще метели, промельк герани в снежном водовороте на подоконнике первого этажа, черного дога, которого нельзя было любить больше, чем Алекса. Тревога? Вот слово, которое она искала, скрытая тайнопись лица Алекса.

На низеньком окне горит герань, Как на плеее царственная тога...

Ночью ей снились три ступеньки вниз, в полуподвал кафеюшни, Алекс с книгой Ницше в руке, в наручниках и в белоснежной тоге. И отец Алекса с автоматом, бредущий по лесу у станции Булдури.

Снег ворожит и рану умиряет.

Пройди сквозь боль, пройди, ведь эта ночь

Рождественская, тихая, святая...

Соседка Эви, сорокадвухлетняя и одинокая с виду, такая суровая, майор Татьяна, сотрудница женской колонии, после недели ночных разговоров оказалась обыкновенной добродушной русской бабой, завела курортный роман и больше не показывалась, оставив на память о себе конфискованный в колонии «смертельный номер» – кипятильник из двух бритв. Алекс перестал ловить Эви на тропинках по дороге к морю. Он будил ее по утрам, если ей все-таки удавалось заснуть в его объятьях. А однажды, когда шел дождь, и они остались сидеть на балконе, она все-таки рассказала ему свой сон про отца Алекса, бредущего между елями с автоматом.

– А он и бродил здесь с автоматом, – хмыкнул Алекс, – «лесной брат», как-никак! А потом бродил по тайге. С охотничьим ружьем. На поселении после лагерей.

– Я ведь не поеду жить в Москву, – вдруг сказал Алекс. – А ты не захочешь жить в Риге.

«Пожалуй», – подумала Эви.

– А о чем вы говорили в то утро с отцом? – Эви казалось, что она должна в чем-то оправдаться перед стариком, но вины не чувствовала.

– Вот об этом и говорили. Отец спрашивал, русская ли ты. Сначала он принял тебя за латышку. Твои длинные светлые

волосы, понимаешь...

В то утро на пляже было безлюдно, второй день моросил безутешный мелкий дождь. Детские качели в дюнах. Загорелая рука не вписывается в серый тон осеннего дождя, загорелая рука Алекса.

Вверх, вниз летят качели, вверх, вниз.

– Еще! – Эви смеется, мокрые волосы липнут к ее лицу. – Сильнее, сильнее!

Алекс раскачивает детские качели, Эви отпускает руки, разводит их в стороны.

– С ума сошла! – Алекс тормозит качели, обнимая Эви.

– Я придумал, я тебя удочерю, малышка. Лорелея. И твоего ребенка. Ты хоть сообщишь, кто родится, мальчик или девочка?

– Я об этом как-то не подумала... – смеется Эви. – ... лесной брат!

До нее очень медленно и предельно ясно стало доходить, что она и вправду об этом не подумала. Ей было почти все равно. Стоит ли думать об этом в последний, в мелких ба-
рашках на море, в мелкой зыби на мокром песке, морозящий мелким дождиком невероятный день ее невероятного отпуска?

... – Ну вот и все, моя опека над тобой закончилась.

Эви сдает сумку в багаж. Очередь движется к паспортному контролю.

– Я приготовил тебе подарок. – В руках Алекса книга. –

Все думал, что подарить, Фета или Рембо? Угадай, что я принес?

Эви пытается подглядеть, но Алекс прикрывает название рукой.

– «Однажды вечером я посадил красоту себе на колени, и нашел ее горькой»...

– Я так и знал...

– Да. Одно лет ...

– ... в Аду?

– «Одно лето в Аду».

... «...единственный признавший нарушение прав человека в Латвии, Алекс...», – в новостном блоке мелькнуло знакомое лицо. Не слишком изменившееся за двадцать лет. Эви набрала латвийский номер... Пулеметная очередь прерывистых гудков перенесла ее в прошлое...

– Эви?!

– Татьяна? Как вы?

– ...Отца хотели судить за то, что он воевал с лесными братьями. Помнишь Алекса? Если бы не он, отца уже не было бы в живых, с его сердцем в тюрьме он бы долго не протянул... А Алекса уволили из газеты...

Эви взяла с полки томик Рембо...

«Однажды вечером я посадил Красоту себе на колени, и нашел ее горькой. И я нанес оскорбление. Я ополчился на Справедливость. Ударился в бегство. Мне удалось изгнать из своего сознания всяческую человеческую надежду. Радуюсь,

что можно ее задушить, я глухо подпрыгивал, подобно дикому зверю. Все бедствия я призывал, чтобы задохнуться в песках и крови. Несчастье стало моим божеством. Я валялся в грязи. Обсыхал на ветру преступления. Шутки шутил с безумием. Однако, совсем недавно, обнаружив, что я нахожусь на грани последнего хрипа, я ключ решил отыскать от старого пиршества. Этот ключ – милосердие».

О жизни и творчестве Льва Куртена – Казанцева. Пётр Трапезников.

Часть 3 – Очерк. 24.06.2015

<http://www.chitalnya.ru/work/1365619/>

Начало тут <http://www.chitalnya.ru/work/1363566/>

В послевоенный период на Дальнем Востоке, в том числе и на Камчатке, основной проблемой была обеспеченность жильем.

Актуальность проблемы заключалась в том, что она была связана с проблемой формирования постоянного населения. Нужно было заселять малообжитые районы. В том числе и присоединенные к СССР Южный Сахалин и Курильские острова. Причем делалось это все в тяжелых условиях, когда основные ресурсы направлялись на восстановление западных разрушенных городов, пострадавших от немецкой оккупации.

Жилой фонд не ремонтировался и ветшал. Местные органы власти на Камчатке совместно с финансистами и Госбанком вынуждены были взяться за решение этой проблемы при скудных материально-технических и финансовых ресурсах.

Григорию Андреевичу в этих условиях приходилось прикладывать максимум ума и сил для выполнения поставленных правительством и министерством задач.

После рождения Левушки Елена Ивановна все внимание уделяла сыну. Семья была прекрасная. Жили счастливо. Очень интеллигентные люди.

А когда Левушка подрос и его устроили в детский садик, Елена Ивановна пошла по стопам мужа и устроилась работать в сберкассу. Григорий Андреевич учил свою жену финансовым премудростям. Свое «университетское» образование она получила от мужа.

Позднее Григория Андреевича перевели работать на Чукотку в поселок Марково.

Марково был районным центром с многопрофильными предприятиями по развитию оленеводства и по добыче драгметалла.

Была средняя школа, интернат, больница, Дом культуры, базы для завоза и хранения продовольствия, техники для ближайших поселков и золотодобывающих предприятий. Толчком к развитию поселка стало начавшееся еще в 1942 году строительство аэродрома и продолженное в последующем для приема тяжелых грузовых самолетов дальней авиации.

Условия жизни в поселке Марково были, естественно, хуже, чем в Петропавловске-Камчатском. Но партия направила Григория Андреевича на Чукотку работать. И он как коммунист, как бывший офицер, ответил: – Есть!

В Марково он возглавил Госбанк. А Елена Ивановна, уже как опытный специалист в финансовых делах, заведовала

районной сберкассой.

Вместе с Еленой Ивановной они переживали все тяготы жизни на Крайнем Севере.

Где почти весь год зима. Бывало, снежные сугробы наметало такие, что с крыш двухэтажек детишки летали на санках. И только на два месяца в году появлялось солнышко на горизонте. За это время тундровая природа расцветала.

А подросткового уже Левушку родители на зимний период отправляли жить в Москву к бабушке. В Москве Лева и учился в школе и лишь на лето его забирали на Чукотку, и он прилетал к родителям.

Жил он с двумя чопорными бабушками на Союзном проспекте в районе метро Новогиреево. У бабушек был нелегкий характер, но они очень хорошо относились к Левушке и воспитывали, прививая ему трудолюбие, старание и прилежание к знаниям. Учился Лева отлично. Много читал разной литературы. Интересовался всем. Все деньги, оставленные ему родителями на карманные расходы, тратил в букинистических и книжных магазинах. Был разносторонне знающим и одаренным пареньком.

Когда Григорию Андреевичу исполнилось 60 лет в 1957 году, Казанцевы задумались – где им дальше жить. Суровый Крайний Север был уже не для его преклонного возраста. Где зимой морозы в январе достигали 60 градусов. А среднегодовая температура составляла минус 6,5 градусов.

И они вылетели жить в Москву. И что же?

В Москве могли прописать только Елену Ивановну с Левой, как урожденную москвичку.

А Григорию Андреевичу отказали в прописке. Дескать, Вы не жили никогда в Москве, да и урожденные Вы с Алтая. И не важны были его заслуги перед Родиной. Неважно, что он не сам поехал в Тьму-Таракань на Крайний Север – Чукотку, а его партия послала, и что он – муж жены-москвички, которая имела все права вернуться с Севера в Москву вместе с сыном и мужем.

Для чиновников, занимающихся пропиской, не важна была эта мотивация. Не важна им была и стратегия партии, когда финансы можно было доверять только проверенным, закаленным коммунистам. Не важны им были и награды, полученные Григорием во время войны и во время работы в Госбанке.

Для них это было уже так давно! Да и уже в Москве началось взяточничество. И ему намекали – дескать, надо койкому подмазать, тем более их считали богачами, как приехавших с Севера.

Взятки давать порядочный и честный коммунист Казанцев не захотел. Начались поиски места для жительства. Так, чтобы не очень далеко от Москвы.

В Иваново их позвали какие-то дальние родственники мамы Елены Ивановны. Родственники, кстати, были потомками бывшего фабриканта. Здесь, в городе Иваново, Казанцевы и поселились. Елена Ивановна заведовала сберкассой, а

Григорий Андреевич еще занимался партийной работой.

Левушка, окончив среднюю школу, поступил в медицинский институт. Началась бурная студенческая жизнь. Были частые поездки то в Иваново, то в Москву к бабушке.

Как и все студенты, Лева был занят и общественной работой. Был активным дружинником. В то время милиция привлекала добровольцев студентов в оперативные отряды дружинников для наведения порядка на улицах городов. Эта общественная нагрузка для Левы не была в тягость. Лев был командиром комсомольского оперативного отряда на железной дороге. Это позволяло ему бесплатно ездить в Москву в клуб – эсперанто, где он активно выступал, пропагандируя международный язык эсперанто, а заодно и к бабушке.

Недолго прожила его мама Елена Ивановна. Она умерла на 49 году жизни от рака в 1972 году.

А отец Григорий Андреевич до глубокой старости занимался партийной работой, дожил до 85 лет и умер в 1982-ом году.

На этом заканчиваю родительскую эпопею.

Продолжение тут <http://www.chitalnya.ru/work/1366257/>

Ди. Ваню

Красота (Александр Александров) – Рассказ. 09.05.2015

Не любил я на уроках истории тему эту... Великую Отечественную...

Некрасивая она!

Вот, то ли дело – другие эпохи!

Война с Наполеоном, например?

Красиво же: гусары, балы, лейб-гвардия?!

М-да...

А Северная война?

Чем не красотища?

Великий Петр! Рождение армии и флота! Гренадеры в треуголках! И триумф новой империи!

Дух захватывает...!

А тут что? Серость!

Смотришь на фотки, а там солдатики – куцые! Форма бледная на них: ни тебе погон, ни аксельбантов, ни киверов с султанами! Обмотки эти – неэстетичные, с ботинками! Шинелишки!

И лица: рябые какие-то, топором рубленные, тоже не шиб-

ко красивые...

Там, коли уж начистоту, немцы куда как краше смотрелись! Прямо картинки, а не воины!

Фуражки у них – высокие! Сапоги – блестящие! Автоматы, танки, самолеты!

Не зря вся Европа в низком поклоне склонилась – на карачки встала...

Так вот – не любил...

Однако Господь нам всегда знаки подбрасывает.

В кафе это случилось – день рождения друга отмечали. Сидим, кушаем, выпиваем. Вечер в разгаре, народ подогревается и все жарче танцы, громче крики и ярче глаза у девчат...

Вдруг – заваруха.

Три мерзавца дебош устроили. Ну, просто бес в них вселился!

Холеные! Одеты с иголки! При деньгах, сразу видно.

Такие чистенькие и красивенькие! В другой раз – залюбовался бы.

Спортивные фигуры. Богатыри! Кровь с молоком!

Но: толкаются, кричат, оскорбляют! Одному дядьке в ухо съездили ни за что...

На шум пришла девчонка – администратор.

Выключили музыку. Подтянулись два щупленьких охранника.

Того только и надо было!

– Чего?! – кричит один – самый маленький из троицы, черненький. – Ты меня учить будешь, как себя вести?!

– Успокойтесь! – уговаривает его девушка. – Иначе мне придется вызвать полицию.

– Полицию?! – с ядовитой ухмылкой вмешался дружок чернявого – дылда двухметровый, лысый. – Я уже здесь! – И тычет ей в лицо удостоверением.

Охранники от такого поворота остолбенели и замерли в сторонке.

А лысый быстро вошел в раж – алкоголь!

– Я, – шипит, – сейчас твою лавочку вообще прикрою! Хочешь шмон? Сделаем! А наркоту я у тебя найду! Не сомневайся!

И телефон уже достает.

– Ой, не надо! Не надо! – испугалась хозяйка.

– Не надо?! А прощения просить кто будет?! – закусил удила дылда. – На колени, гнида! – орет.

Девушка в ужасе замотала головой.

– Иначе на шконке сегодня ночевать будешь! – зловеще просипел ей в ухо лысый. – А соседей я тебе подберу...

Девушка упала на колени, зашлась в рыданиях.

Оторопь взяла присутствующих.

Такого не ожидал никто!

Даже животное это пьяное удивилось.

– Все! Цирк закрыт! – резко крикнул один из посетителей.

Я его и не заметил вначале. Какой-то простой слишком.

Росточком – метр с кепкой, не худой, не толстый. Но тверденький весь, спина прямая, грудь вперед – с достоинством себя ставит. Стриженный. Лопухенький, то ли – рыжий, то ли – рябой. Ну, крестьянская мордаха, одним словом. Не zapomнишь – такой неказистый.

Девчонку под руки – охранникам передал.

– Ты! – говорит лысому, – извинишься – на девчонку указывает, – и вон отсюда!

– Че-го! – лысый без разговоров ударил. Парень увернулся.

Чернявый дружок лысого ударил тоже. В четыре руки они быстро потеснили паренька.

Обманные движения, атаки, снова финты и вновь удары. Боксеры просто упивались своим мастерством. Алкоголь не мешал им играть с жертвой. Напротив, давал куражу! Туго пареньку пришлось!

Но не отступился.

Вертится ужом, волчком крутится, отступает, атакует и... пропускает и пропускает удары... А бьют сильно!

Упал.

Захохотали боксеры. Глумятся!

А он поднялся!

И снова парирует, пропускает, уклоняется, бьет! Держится!

Помощи ждать неоткуда. Охранники в драку не спешат. Остальные – помалкивают. Смотрят.

А держаться все труднее. Вот уже глаз заплыл. Второй подбили. Кровь носом закапала. Руки в ссадинах. Дышит тяжело, может, и ребро сломали...

Снова упал. Встает!

Атакует!

Опять на полу. Поднимается!

И так шесть раз...

Когда он, весь в крови и рванине, еле на ногах стоя, в шестой раз кинулся в бой, пьяные ничтожества испугались.

– Сумасшедший?! – закричал лысый и отступил. А третий, что в основном не вмешивался в бой – нож вынул. Блеснула сталь. Охнули зеваки. Наклонил голову упрямо паренек. Приготовился. Но... ни шагу назад!

Приехала полиция...

Я вызвался свидетелем.

Рассказал, как было. Подписал где надо.

И, уловив момент, спросил его: «Зачем вмешался?!»

А он только одно и сказал: «Не по-людски они... несправедливо...»

Так я встретился с настоящим героем!

Запал мне в душу случай этот. Будто надорвалось внутри что-то.

Впервые такую отвагу я встретил. Думал – только в книгах и бывает.

А тут увидел своими глазами.

Но больше всего раздражало несоответствие это: не похож

он на героя! Ну, ни капельки! С виду такой простой, и внимания бы не обратил! Как все!

Как все?

И стал я невольно к прохожим присматриваться. А они – в нашем пригороде почти все такие же: невзрачные, серые, с лицами отнюдь не красивыми... Одеты скромно... Манерами не блещут.

Но чудится мне острая тяга к справедливости в их глазах.

При них над слабым не потешишься – руки оборвут!

А спустя неделю после случая в том кафе читал статью о подготовке к семидесятилетию празднования Победы в нашем районе. О ветеранах.

И там были старые фото.

Глянул я, и оторваться не смог!

Как привороженный у монитора застыл! Смотрю, и глазам не верю – да это ж он! Тот паренек – герой! В каждом лице его черточки вижу.

В каждом!

И тогда встала передо мной вся истинная красота людей этих. Не в красивых мундирах она скрывается и не в лицах холеных!

Но в душах...

В глазах что-то изменилось у меня.

Я и моргал, и протирал их. И вставал отдохнуть от компьютера. Даже водой промывал!

Но видеть стал иначе!

Смотрю те же фото, что и раньше. А передо мной – титаны, герои богоподобные!

И выглядят, вроде бы, так же невзрачно...

И лица – рябые, топором рубленные...

А я вижу только, как они, после шестого падения, все в крови и рванине, встают в полный рост, с презрением к смерти в глазах!

Так вот и победили...

Вот же она – красота истинная!

И героизм...

О жизни и творчестве Льва Куртена – Казанцева. Пётр Трапезников. Часть 1 – Очерк. 20.06.2015

Нет с нами больше Льва Григорьевича Казанцева (Куртена). 5 декабря 2014 года умер талантливый, замечательный, общительный и добрый Человек – поэт, писатель, врач-гомеопат.

Льву 20 июня 2015 г исполнилось бы 69 лет.

В светлую память об этом талантливом Человеке публикую этот очерк на его странице, с разрешения жены Льва Куртена-Казанцева Галины Казанцевой. Очерк написан на основании личной переписки со Львом и с женой Льва Галиной и его дочкой Диной. (Петр Трапезников)

Идет 1941 год. Летние теплые дни и короткие летние июньские ночи.

Школьники в этот воскресный июньский день праздновали окончание школы. Танцевали, гуляли по скверам и паркам, пели компаниями песни. Веселились, как всегда в эти летние теплые дни. Уже на рассвете, гуляя на площади, они слышали из репродукторов голос Левитана.

– Внимание! Говорит Москва! – Передаем важное Правительственное сообщение!

Началась Великая Отечественная война с фашизмом. На

рассвете 22 июня началось вторжение гитлеровских войск в СССР по плану войны Гитлера под условным наименованием «План Барбаросса».

Только что окончившая школу 18-летняя москвичка Леночка Ликина добровольцем уходит на фронт. На краткосрочных курсах обучилась и стала санитаром-инструктором. После обучения была направлена на фронт. Как санинструктор Леночка шла вместе с бойцами в первой цепи. Перевязывала раненых.

Однажды, пытаясь оказать помощь раненому командиру под минометным обстрелом, и сама была ранена. Вместе с этим командиром она попала в госпиталь. Но ранение было легким, и вскоре она продолжила службу на передовой линии.

Но встреча с командиром оставила неизгладимое впечатление мужества этого человека. Так она влюбляется в интересного, мужественного, красивого офицера, который был старше её на 26 лет. Григорий, вскоре вылечившись, вновь вернулся в полк. Вместе они и продолжают служить, встречаясь в короткие промежутки между боями.

Любовь была такая, что Елена убегает в самоволку к нему на свидания. Как результат таких самоволок – гауптвахта.

Боже, какая ерунда, эта гауптвахта – хорошо, что не расстрел за побег с передовой. Вот ведь такая была в то время любовь! Так вместе они служили в одном полку до конца войны.

После войны с фашистской Германией Елена и Григорий ещё воевали с японцами.

И когда после Победы над Японией они плыли служить на Камчатку, Елена уже носила Левушку под сердцем.

А маме своей Леночка все описала в Москву. Мама категорически не приняла такой брак её любви.

Как так, решала мама: – зять – её ровесник! Ужас! Хотя и заслуженный, но далеко не молод. К тому же неизвестно откуда – из какой-то Сибири, с Алтая?!

Бабушка будущего Левушки в то время работала в Министерстве легкой промышленности, где министром был тогда А. Н. Косыгин.

А Григорий Андреевич Казанцев, теперь уже муж Елены Ивановны, действительно, был достойным человеком.

В Горном Алтае служил в ЧОНе, боролся с бандитами и контрабандой.

К лету 1920 года, после упорной борьбы с белочехами и колчаковцами, Горный Алтай был освобожден.

Формирование милиции проходило в труднейших условиях: недостаток кадров, неграмотность и малочисленность личного состава, острая нехватка оружия – все это усугубляло сложную обстановку в области, которая была вызвана бандитскими выступлениями. Скрывавшиеся в горных ущельях, заимках и других труднодоступных местах Горного Алтая банды, состоявшие из бывших колчаковцев, белогвардейских офицеров и местных национальных баев, террори-

зировали местное население, зверски убивая партийных работников, сельских активистов, людей, сочувствующих Советской власти.

В Горном Алтае в августе 1921 года были спешно сформированы части особого назначения (ЧОН), которые комплектовались исключительно коммунистами, комсомольцами, бывшими красными партизанами – людьми, на деле доказавшими свою преданность Советской власти. На борьбу с бандитами и был направлен молодой 24-летний коммунист Григорий Андреевич Казанцев.

Кстати, неопубликованные мемуары Григория Андреевича о тех временах лежат до сих пор. Лев не успел переработать мемуары Григория Андреевича и опубликовать их. Оставлял все до лучших времен.

Продолжение тут <http://www.chitalnya.ru/work/1364721/>

О жизни и творчестве Льва Куртена – Казанцева. Часть 2. Пётр Трапезников. Очерк 22.06.2015

Начало тут <http://www.chitalnya.ru/work/1363566/>

Но все по порядку.

Лева как-то разоткровенничался и писал мне об истории рода и своих корнях. Слова его были проникнуты такой любовью и теплотой! Он с какой-то гордостью писал о своих предках. Проникаешься невольно добрым уважением и признательностью к его родителям.

В 1946 году семья Казанцевых приплывает на Камчатку.

Прибыв на Камчатку, глава семьи начал работать в Госбанке. Григорий Андреевич, как член КПСС, был честным, порядочным, добрым человеком, патриотом своей Родины. Добросовестно исполнял все, что ему поручали.

Был Григорий Андреевич и заботливым семьянином. Для него семья была основной житейской ценностью.

Считал, что если на семейную жизнь смотреть, как на явление будничное, а на семейные обязанности, как на нечто вторичное, что можно отложить, отодвинуть «на потОм» перед любым другим делом, – вот тогда самосохранение семьи практически будет равно нулю, и никакое физическое, духовное, да и материальное благополучие, никакое обилие

свободного времени не делает такую семью жизнеспособной.

Позднее его, как порядочного и честного, заслуженного орденосца, коммуниста, имеющего экономическое образование, вызвали в Министерство государственного контроля СССР. В то время оно было основным органом проверки исполнения решений СНК СССР в расходовании денежных средств и материальных ценностей.

Свою деятельность Министерство, как общесоюзный орган управления, осуществляло через центральный аппарат, а также через уполномоченных в союзных и автономных республиках, краях и областях.

Министерство поручило Григорию Андреевичу возглавить Госбанк на Камчатке.

Григорий Андреевич имел экономическое образование. Он владел особыми приемами устного счета. Способностью быстро в уме оперировать числами, выполнять с ними любые действия, включая вычисление процентов. Эта способность сохранилась у него на всю жизнь и помогала ему в работе, в любых делах. Где бы ни работал Григорий Андреевич – сотрудники всегда поражались его памятью на цифры, его умению проводить мгновенные арифметические действия.

Вскоре тут, на Камчатке, в июне 1946 года родился Лёвочка.

Семья испытывала в это время определенные трудности. Во-первых, это привыкание к местному климату.

Камчатка – это не центральные европейские области. Елене Ивановне, как москвичке, трудно было привыкнуть к суровым местным климатическим условиям.

Климат Камчатки – это сильные ветры, ураганы и штормы. Они наблюдаются во всех районах области. В зимние месяцы, например, каждый день в каком-либо районе дуют ветры силой свыше 6 баллов – 10–12 м/сек. Самая большая продолжительность этих ветров в Петропавловске и у мыса Лопатка.

Значительное количество осадков – вторая особенность. Осадки в течение года выпадают неравномерно: в теплое время – с апреля по октябрь – больше, чем в холодное.

Третья особенность – частая изменчивость погоды во все сезоны года, особенно зимой.

На побережье в отдельные годы средняя температура зимой может быть выше средней многолетней почти на 15 °С. Резкое потепление или похолодание может произойти неожиданно за сутки, а часто и в течение дня. Изменение температуры воздуха за сутки может достигать нескольких десятков градусов.

Эти трудности и приходилось преодолевать семье Казанцевых.

В том числе и Левушке, родившемуся в этих суровых краях. Крошка Лева еще не понимал, в каком суровом краю он живет. Он чувствовал только тепло своей мамы.

Но постепенно подрастая, он уже испытывал все суровые

климатические изменения погоды.

Малыш Левушка был чутким, добрым и ласковым ребенком. Елена Ивановна с малых лет его называла за какую-то необъяснимую улыбку на его лице и за его ласковость – Левушкой. Это было их любимое чадо. Левушку любили и мама, и папа.

Продолжение **тут** <http://www.chitalnya.ru/work/1365619/>

О жизни и творчестве Льва Куртена – Казанцева. Часть 4. Пётр Трапезников. Очерк 24.06.2015

Начало тут <http://www.chitalnya.ru/work/1363566/>

Сегодня, 20 июня 2015 года, Льву Григорьевичу Казанцеву исполнилось бы 69 лет.

Вспоминает о нем его жена Галина Васильевна Казанцева.

Пытаюсь донести до вас, почитатели и читатели талантливых произведений Льва Куртена-Казанцева, сведения о совместной жизни Льва и Галины.

Лев еще в школе увлекся изучением языка эсперанто.

Эсперанто – искусственный язык международного общения, разработанный врачом Л. М. Заменгофом. Очень простой, логичный, построенный на базе многих языков.

В студенческие годы Лева владел эсперанто бесподобно. В это время он делает литературные переводы. Пишет статьи на языке эсперанто в студенческие журналы. К 1967 году Лева уже входил в руководство общественной организации Эсперанто – SEJMa (Soveta Esperanta Junulara Mojvado). Это молодежное эсперанто-движение охватывало студенческую молодежь почти во всех учебных заведениях Советского Союза.

Лева уже был вице-президентом этой организации и часто

ездил на международные конгрессы.

Эсперанто-движением увлекалась и Галина Ненахова, студентка Московского института иностранных языков (МГОСГИ, так теперь он называется). Жила она в подмосковной Коломне. Принимала активное участие в изучении языка эсперанто. Участвовала в организации и переписке для углубления языка, организовывала международные эсперанто-лагеря. В будущем собиралась преподавать его.

Как говорится – пути Господни неисповедимы.

В 1967 году Лева и Галина впервые встретились в международном эсперанто-лагере в Литве. Лева выступал на сборах уже как асс эсперанто. А Галина только начинала активное изучение языка.

Молодые 21-летние студенты. Лева на сборах, как представитель организации Эсперанто – SEJMa, а Галина – начинающая изучать язык. Ей было все очень интересно.

– У нас в Москве на улице Герцена 19, в Доме Учителя, находился клуб Эсперанто, где организовывали встречи, мероприятия, общались на эсперанто-языке, – вспоминает Галина Васильевна. В этом клубе она и Лева и встречались впоследствии по выходным.

Они были молоды. Шел им 21 год. И появилась любовь друг к другу.

– Лев Григорьевич был в руководстве, – говорит Галина Васильевна, – а у нас была большая, очень сильная московская группа. Я владела языком постольку-поскольку, только

начинала активничать, а Лев был уже известен как асс.

– В этого асса эсперанто я и влюбилась, – говорит Галина.

В эти молодые годы – Океан любви. Он бесконечен. Его познаешь шаг за шагом, гребок за гребком, волна за волной и удивляешься, сколько еще не познано.

– Однажды, – говорит Галина, – я была свидетелем, как они с другом помогали милиции задерживать преступника в поезде. Лев был высокий, но довольно хрупкий в юности. А тут одним ударом он свалил здорового мужика. Я испугалась, но как он вырос в моих глазах, как мужчина!

– Связало нас эсперанто-движение, – говорит Галина, – и в начале 1970 года мы поженились. Уже вместе мы принимали активное участие в изучении языка эсперанто. Преподавали его, организовывали переписку для углубления языка, организовывали международные эсперанто-лагеря.

– Вообще способности к языкам у Левушки были феноменальные, – говорит Галина, – сам читал свою профессиональную литературу на английском и немецком языках. Практически никогда ко мне, как к жене-переводчице, за помощью не обращался. Хотя я уже была профессиональным переводчиком научной медицинской литературы. А в начале 90-х годов Лева самостоятельно выучил шведский язык.

Как говорит Галина Васильевна, Лева переписывался со своим другом Бо Санделином, с которым он познакомился в 1969 году в Швеции, в Мальмо, на конгрессе. В то время Бо Санделин был префектом Гетеборгского университета.

Потом Лев стал «невыездным» из-за своих литературных трудов.

– Папу в то время чуть не посадили, – говорит дочь Льва Григорьевича Дина. – Он просто не принимал существующий в то время подхалимаж и бравурное шествие брежневщины. Сейчас это смешно.

– Писал стихи антисоветского содержания в то время, было такое в его жизни, – говорит Дина. – Читал и занимался самиздатом запретных авторов (А. И. Солженицына, Бабеля и др.).

– Я помню, – говорит Дина, – как от КГБшников мы с мамой прятали его литературу в подвале и уносили к друзьям. А ведь мне было всего-то 10–11 лет.

И во второй раз он смог съездить в Швецию к другу в гости лишь в 1992 году.

Вообще-то Лев всегда был русским патриотом. Бессребреник. Материальное положение никогда не играло ведущей роли в его жизни.

После окончания института и распределения он попал работать в больницу, где стал главным врачом.

Лев был хорошим аналитиком, диагностиком. Эрудиция его зашкаливала. Без амбиций. Совершенно не злопамятный. Вспыльчивый, но повернется и уже улыбается.

– В семье мы никогда не скандалили, – говорит Галина Васильевна. – От него всегда исходило теплое отношение ко всем членам семьи: и к отцу, и ко мне, и к дочке, которую

он очень любил.

Дочку и внуков обожал.

Впоследствии его пригласили работать ассистентом в медицинский институт. Работал над диссертацией. Но ему очень не нравилось ездить в колхоз и со студентами и с преподавателями.

Однажды они должны были чистить навоз. Представляет-те? Хирурги, педиатры, лечебные врачи – чистят навоз? К тому же иерархия, вертикаль. А он сам привык руководить и решать вопросы. Его не отпускали, хорошо к нему относились. Но он все-таки решил уйти в свою практическую медицину, которую он, в общем-то, любил.

Приемы у него стоили немного. Очень многих принимал бесплатно. Был монастырским врачом, бесплатно. Батюшки и матушки его очень любили. Немного рисовал. В 2000-х годах заинтересовался иконописью. Писал иконы. У нас есть один монастырь, где настоятель был его духовником.

Священнослужители – высокообразованные, очень интересные люди. Многие из них были москвичами. Их привела сюда перестроечная смута. Так и осели здесь, в городе Иваново.

Когда Лев заболел и был в больнице, его исповедовал настоятель монастыря о. Валаам. От соборования Лева сам отказался, потому что его непрерывно рвало.

Отпевали Леву в Храме Серафима Саровского, где настоятелем сын известного адвоката и политика Генри Резника

отец Андрей Львов (по фамилии матери). Было много народа.

На отпевании сотрудники клиники Льва очень хорошо говорили о нем – справедливый, умный. Хорошо относился к молодым специалистам. Было на отпевании много бывших пациентов Льва. Все плакали и рыдали.

Хоронили Льва в районе дачи Дины, чтобы чаще навещать. Панихиду проводил другой священник, тоже москвич, очень интересная личность.

Все поехали провожать своего любимого доктора.

Ехали длинной кавалькадой все 20 км.

Его любили пациенты. Любили женщины. Любили все в нашей семье. Любил и он свою семью.

– Я не ханжа, – говорит Галина Васильевна. – Все-таки 40 лет в медицине, но принципиально я некоторые литературные произведения его не принимала. Мужское чтение не для меня. Люблю написанную Львом лирику, философию, чистый юмор. Но что писать – это было его творческое право.

Продолжение тут <http://www.chitalnya.ru/work/1380612/>

Штора (Александр Александров) – Рассказ. 19.09.2015

Сережка открыл глаза.

На стене громко тикают часы, им вторят похожие – в соседней комнате. В остальном в квартире тихо. Он здесь один.

И ничего страшного! Он же уже взрослый – шестилетка. Скоро в школу.

Взгляд скользнул по комнате. У кровати коробка с игрушками. Рядом постель старшей сестры – аккуратно заправлена. Нужно вставать.

Боязливо выбрался в прохладный колючий воздух. Натянул трико, носки и рубашку. Пошарив ногой тапочек у кровати, собрался с духом – умываться.

Осторожно, стараясь не очень шуметь, шагает через всю квартиру. Пусто. Жутко. Вокруг словно шепчет кто: «Они здесь. Они могут слышать!». По углам шорохи, скрипы, будто дышит кто.

Скованно почистил зубы, смочил холодной водой мордашку, поелозил по ней полотенцем.

Плечики неуютно вздрагивают. Спину колюче касается неизвестность. Неведомость.

Она наступает тотчас, как ты отворачиваешься.

Можно резко обернуться и посмотреть туда, где она шуршит. И ее не будет, там.... Но, она мгновенно возникнет у

затылка. И за плечом.

Это самое плохое.

Малыш спешит в кухню и скоренько сооружает себе завтрак. Благо чай еще не остыл с того часа как все ушли из дома – греть не надо. Это ускоряет процесс. Осторожно, стараясь не звенеть ложкой, мешает сахар, и быстро, торопясь, жует бутерброд. Нужно спешить. Потому что все это время оно находится там. И это пугает.

Нет, не здесь – не в кухне.

Но от этого не легче. Оно, страшное, там, в других пустых комнатах.

Да и Бог бы с ним, пусть себе там будет. Сережке туда и не хочется нисколько!

Но ужаснее всего то, что оно может двинуться сюда!

В любое мгновение!

И от этого можно просто умереть. Потому что страшно!

И он бы умер, уже давно. Потому что выдержать такое напряжение маленькому человечку невыносимо! Если бы не штора!

Сережка торопливо отодвигает кружку, осторожно сползает с табуретки и, с проворством ящерицы, юркает под тюль на окне в кухне.

Замирает, прислушиваясь к тому, что творится за спиной в холодной и пустой квартире. Потом осторожно выдыхает: «Фууу-у...».

Вокруг – тревожная тишина. Она так же, как и минуту

назад, пытается колоть его холодными иглами в спину. Но теперь это не выйдет! Теперь он недосягаем для зла.

Здесь – за шторой – ничто не может причинить ему вред. Никто! Потому что тут он невидим и неслышим, это волшебный занавес.

За стеклом яркий и прекрасный летний двор. Море зелени, цветы в клумбах. Пока еще пустая детская песочница. Редкие прохожие спешат мимо. Подбодрить малыша, смотрящего в окно, некому. Да и интересна ли чужим людям его ушастая мордашка?

На время Сережка отвлекается от своих тревог и с удовольствием разглядывает то, что снаружи. Однако интересного там мало, а время тянется предательски медленно.

Осторожно выглянув за тюль, мальчик сверлит взглядом часы.

Так хочется подтолкнуть проклятый механизм!

Ведь когда две стрелки сойдутся на цифре двенадцать, кончится пытка. Квартира вновь преобразится в его родной и любимый дом. Холодное и колючее нечто трусливо будет прятаться в одном из ему ведомых потайных мест. А Сережка будет радостно скакать по квартире, радуясь игрушкам и удобному красивому дивану, телевизору и мягкому паласу на полу. Потому что придет главный и самый сильный, тот, кто одним своим присутствием убивает страх – отец.

Вместе они пойдут на обед в ближайшее кафе. И там будет так интересно!

Не спеша и важно усядутся за стол папины коллеги: Александр Николаевич, Борис Андреевич и Иосиф... Отчества его Сережка никак не мог выучить. «Дядя Иося» – шепчет он себе и ласково улыбается. Все будут смущать Сережку важными приветствиями и шутками по поводу того, как он проголодался. А он, млея от счастья, будет улыбаться им – таким красивым, сильным и умным папиным друзьям.

А после, за обедом, мужчины заведут серьезный разговор о важных делах. Они будут спрашивать друг друга, и высказывать мнение о каких-то неведомых мальчику вещах. И Борис Андреевич важно и серьезно будет обращаться к своим собеседникам присказкой: «И ты понимаешь, какое дело?!»

Как хочется походить на них!

Да, конечно, он будет как папа. Но говорить он будет именно так: «Ты понимаешь, какое дело?!»

Сережка улыбается своему маленькому предстоящему счастью. Он забыл о страшном.

И даже не видит того, что происходит во дворе. Он ждет.

А проклятые стрелки словно прилипли к циферблату. Показывают десять утра.

Это значит, что мальчик будет стоять за шторой еще два часа. А когда кончится обед и, ничего не подозревающий отец ласково прощается, и снова уйдет на работу – еще вечность.

Это Сережкина жизнь – за шторой.

Россия вернулась. Она на пороге. (Юрий Алексеенко).

Рассказ. 23.12.2015

На восходе солнца я увидел женщину в синем платье и пурпурном мафории с тремя звёздами. Она вышла из зари в огненном сиянии и встала костями у истлевшей часовни, на полог земли, сырый и оскудевший. Посох Божий молодил её руку и укреплял не согбенный стан.

Я спросил:

– Кто ты, женщина?

– Я – Россия. Вернулась домой, – ответила она.

– Где же ты была столько лет?

– В плену...

– Здравствуй, Россия! – приветствую её.

– Здравствуй, народ мой. Как тебе жилось без меня?

– Плохо, – говорю ей. – Были войны и глады. Сырость и жара съедали наши тела и души. Лихоманка и жажда терзали нас нещадно. Чертоги наши вороги жгли, чернь бесовская срывала с нас живоносные кресты и гнала в бесплодные пустыни. Земля горела, реки кипели мутью. Колодцы безвожилась, колосья пшеничные сохли, не набрав силу, земля солончаками пучилась. Мы, ослепшие и не путеводные, бродили без молитвы и веры меж Балтийским морем и Тихим

океаном и искали тебя в себе. Терпели нужду и бесчестие. Бились за счастье других, а своего не видели почти уже сто лет. Мы хотели жить как все. Желали добра всему миру. За это он, мир жестокосердный, нас тяжело проклинал и ненавидел. Сколько раз мы спасали его от гибели. И никто нам спасибо не сказал. Только камни метались в нашу сторону, да плевки в спину. Скажи мне, Россия, теперь всё будет по-другому?

Женщина посмотрела на меня и опустила в печали голову.

– Не знаю. Боюсь, что опять уведут меня из дома на заходе, в лучах угасающего солнца. Уведут навсегда.

– Чем я могу тебе помочь, Россия?

– Народ, люби меня. Всем сердцем люби. И я воспряну, излечусь от лихости бесовской. Ибо самое лучшее лекарство – это любовь. В ней вся сила. Не предавай меня больше никогда. И я постигну вечность и Божью славу. Ты веришь в меня, народ мой?..

Иланка

Сказка о том, как Диван-Царевич Новый год встречал С. Васильев. Юмор. 01.11.2015

Жил да пил (горькую) на бледном свете Диван-Царевич.

И любил он встречать-проводить разные праздники, хоть и нелёгкое это дело.

Вот пришла однажды Пора да сказала, не подумав:

– Пора Новый год встречать.

Всё бы ничего, может, и обошлось бы – не такие напасти переживали, да царевич ненароком услышал. Поднялся он ни свет, ни заря и пошёл ходить-бродить в потёмках по терему. Бродил-бродил, да на двор и выбрел, только там мороз оказался, а не праздник. Тут Диван-Царевич с расстройства и проснулся. А как проснулся, принялся пуще прежнего Новый год ждать. Ждал-ждал, уж двух индюшек съел, медовухи соответственно званию отпробовал, а Нового года всё нет. Может, замешкался где, а может, заблудился.

Время нынче такое – многие заблуждаются.

Говорила ему жена – царевна Несметана (спасибо родителям за имячко):

– Ну, что ты надулся, как мышь на сундук? Рано ещё...

Только что толку, если охота пуще неволи, пуще прежнего, пуще горькой редьки и пуще чего-то там, кроме перечисленного. Не дослушал жену Диван-Царевич, потому что царица и не договорила – махнула рукой да пошла почивать далее.

И царевич не стал долго кручиниться – решил сам идти-ехать праздник встречать. Сел на Богатырского коня, своего-то у него не было (его ещё позапрошлым годом Скверный волк съел). А тут богатырь в гости, не подумав, заехал, на Богатырском коне в яблоках, вот царевич его коня и оседлал. Простился мысленно с супругой своей суженой – пере-суженой и отправился навстречу Новому году (судьба, значит, такая).

Ехал-ехал, вдруг вспомнил, что что-то забыл. Развернулся лицом к родной сторонке, глядь, ан нет уж дороги назад – всё быльём поросло хвойной породы.

Тут из леса с одной стороны добры молодцы выбежали, добрые-добрые, а с другой стороны красны девицы, красные-красные. Ёлками машут, видно по всему, что поздравлять друг друга собираются, может быть, даже с праздником (праздники они без ущерба для здоровья хуже будней – время прошло, а вспомнить нечего).

Почуяли конь с Диваном-Царевичем разудалую и многообещающую атмосферу, стали назад-вперед поворачивать.

Повернули, а там поле чистое, как подмёл кто перед тор-

жествами – ни дорог, ни мостов, ни указателей каких-никаких (просторы не всегда радуют).

И поскакали они, куда глаза глядят.

Да, слишком любознательным царевич с утра оказался, интересно ему, что вокруг.

Вот он головой то туда, то сюда и начал крутить-вертеть. И конь то влево скакнёт, то вправо кинется. Надоело коню Богатырскому (вместе с яблоками) скакать, куда глядят глаза Дивана-Царевича, и присел он отдохнуть. Тянет-потянет царевич за уздечку да причитает на чём свет стоит, только опять всё без толку (толк – он не часто встречается, а присутствует ещё реже). Тогда царевич громкости прибавил и не устоял свет, покраснел да ушёл за горку – сумерки наступили.

Устал и Диван-Царевич, сел рядом отдохнуть.

Отдохнули они с конём десятком куропаточек, брагой – опять же каждый соответственно своему званию-положению, ну и тем, что ещё нашлось.

Поправились, оправились и в путь отправились.

Сначала долго ехали, потом коротко, потом опять долго...

Глядь, дорога лежит прямо под ногами, никто не берёт. И они не взяли, пусть лежит, раз, два, три и больше никому не нужна. А посреди дороги как положено камень стоял – гордый такой, его каждый положить норовил, а он стоял (привычка, она важнее разума).

И были на том камне надписи написаны да чертежи на-

черчены. Но конь в них разбираться не стал, а Диван-Царевич и подавно – у коня-то голова больше.

Оно и верно – ненароком прочтешь что, потом переживать будешь за культуру и образование в государстве. На реформы потянет, а это – дело неблагодарное и бесполезное.

Едут дальше (коль ближе не случилось), а навстречу им Скверный волк.

И говорит он человеческим голосом, раз по-другому не понимают:

– Здравствуй ещё немного, Бурдюк-Царевич, съем я тебя сейчас. За что люблю царевичей – их пока съешь, и выпьешь и закусишь.

А царевич ему отвечает:

– Вот конь Богатырский в яблоках, тоже выпивши. Ты лучше коня съешь – он больше, только яблоки оставь. Они нам ещё пригодятся ёлку наряжать, да и на закуску.

Поел-попил Скверный волк и спрашивает:

– Куда же ты, царевич, путь держишь?

А Диван-Царевич ему в ответ:

– Да вот, то держу, то бросаю... Новый год ждал-ждал, не дождался, решил сам ехать. Где столкнёмся, там я его и встречу.

Почесал Скверный волк сначала за ухом, а потом брюхо (последовательность – дело важное) и промолвил значительно:

– Как сказать.... А может, его уже кто перевстретил и у

себя празднует? Что тогда делать? Поедем лучше к мудрёной Василисе за советом. Может, чем и угостит ещё.

Не то что летописцы с биографами, а и сказочник не ведал, добрались они до Василисы или нет, но до дома её добрались уж точно.

Та, как водится, стол скатертью накрыла, штоф поставила, остальное самобранка, хоть и поворчала, но достойно представила.

Улыбнулась Василиса загадочно и спросила вежливым голосом:

– Что за интерес у вас, гости дорогие?

И ведь угадала с характеристикой – тут же Диван-царевич часть сервиза расколотил ненароком. Засмутился, икнул и молвил извиняясь:

– Дык, это...

– Где бы нам Новый год встретить? – перевёл Скверный волк, ему человеческим голосом привычнее изъясняться было.

А мудрёная Василиса ещё загадочнее стала:

– Главное – не где, главное – с кем и как.

Не осилили гости такой загадки – от растерянности ещё часть посуды в осколки перевели. Самобранка взялась спасать уцелевшее, а гости с угощением расставаться не хотели – как без закуски-то. И неизвестно ещё, чья бы взяла, да тут хозяйка осерчала (от недостатка внимания и из приличной девушки баба Яга запросто получается).

Ничего она им не присоветовала и проводила со Старым годом вместе, а то тот тоже засиделся, хоть и немолодой уже был. Куда их Василиса проводила, царевич не очень понял, поскольку ультразвук воспринимал плохо, но штоф с собой прихватил. Не для себя, а из уважения к вековым традициям – негоже початую бутылку оставлять (да и примета дурная).

Старый год они с волком на завалинке примостили – Старый ведь, а не Новый, да и не транспортабельный. А сами дальше двинулись, хоть дальше уж некуда было.

Тут Диван-Царевич и закручинился, что маловато будет им на троих – он да ещё два Скверных волка. Один ещё ничего, а другой совсем Скверный, откуда только каждый раз является? Где до поры скрывается?

Не сдержался Диван-Царевич и вдарился от расстройства оземь, оборотился, поднялся и опять ударился оземь, но второй раз оборотиться уже не смог, так и остался.

Очнулся царевич в палате белокаменной. Кругом персонал суетится, а в ногах Скверный волк сидит. Не стал царевич утруждать себя воспоминаньями – промолвил вопросительно-утвердительно:

– Долго же я почивал!?

И волк не смолчал:

– Вечно бы ты почивал, кабы не я. Вот определил тебя в лечебницу. Тут и мне прививку сделали – теперь не пью.

Глянул Диван-Царевич в окно, а там месяц светит.

Присмотрелся он, а то уж месяц май.

Так и не встретил царевич Новый год.

Расстроился, достал зеркальце волшебное, увидел лицо своё неприглядное и уж хотел изречь кое-что глубокомысленное...

А зеркальце ему в ответ:

– Не встречай Новый год раньше времени.

P.S. Скоро сказка сказывается, да не скоро удаётся от неё отделаться.

Принял Скверный волк очередную дозу снадобий и сформулировал вполне осознанно:

– По определению сказка – это ложь, содержащая истину. Но! Нормальный потребитель предпочитает поглощать плоды без косточек.

Изрёк и задремал до следующего пробуждения, а тут теперь думай, к чему это он?

Рябчики-пешеходы (охотничья тропа)

Провинциал. Рассказ. 07.10.2015

«Са-а-ашаааа... Подъё-ё-ёём!..», – доносится еле слышно издалека... Этих призывных звуков было достаточно, чтобы мой сладкий предутренний сон дрогнул, пошёл трещинками и стал беззвучно распадаться на куски...

Возвращение к реальности бывает иногда забавным – оказывается, что все события в последних актах твоего сна вели только к этому, финальному крику главного героя. Преодолев Бог знает сколько препятствий в лабиринтах моих сновидений, он, наконец, победно взмахнул мечом над головой затравленного чудовища, как вдруг, неожиданно для себя и окружающих, закричал некстати совсем чужим голосом: «Са-а-аша!!.. Подъё-ё-ёём!»... Конь нашего героя от этого крика всхрапнул в испуге и присел на задние ноги, чуть не скинув своего седока. И, что странно, – звук его храпа подозрительно напоминал треск раскрываемой молнии на моей палатке. После этого наш храбрый герой и его верный конь закатили к небу свои глаза и стали терять свои очертания, начали рушиться, распадаться на мелкие кубики, крошиться и таять подобно утреннему туману. Декорации сна куда-то вдруг пропали, исчезли вовсе. Перед ещё закрытыми глазами остался только черный зыбкий экран. На его глубоком фоне, как в мультфильме «Ёжик в тумане»,

ещё раз зазвучал издали крик нарисованного медвежонка, неожиданно крепнущего и обретающего тембры голоса Володи: «Ну, ты встаёшь?!»...

Уже вполне земной, немного охрипший с утра голос приятеля спрашивал меня через тонкий полог палатки. Реальность вернулась, но должно было пройти ещё несколько секунд, необходимых на осознание своего возвращения и восстановления координат пребывания. И, наконец, я, прокашлявшись, отвечаю утренним басом: «Встаю! Встаю!.. Сейчас...». Конечно, встаю! Пора на охоту. Для этого мы с друзьями и приехали за тысячу километров от Москвы. И будем жить здесь, на берегу таёжного озера, ещё почти три недели. Жить в палатках и греться у костра лесного.

Поёживаясь от капающих с потолка холодных капель конденсата, одеваюсь и выползаю из палатки. Лагерь уже не спит: кто-то режет бутерброды на дневной перекус в лесу, кто-то умывается на берегу озера или, уже сидя за столом, проверяет оружие и набивает патронташ. Говорят все негромко – остающийся в лагере очередной дежурный ещё сладко спит в своей палатке, а народ у нас подобрался деликатный. И вообще, – не хочется нарушать утреннюю тишину неуместным, резким звуком...

А утро, надо сказать, занимается прохладное, с ветерком. Непростое утро-то. Сейчас, в сентябре, в такую погоду хорошо лось искать на вырубках – шум ветра в листве глушит шаги охотника, и скрадывать зверя гораздо легче. Тем более

что лось разгорячён осенними любовными битвами и мало обращает внимание на посторонние шумы. Он сейчас – Царь тайги, он – главный, и посмей кто перечить ему или стать у него на дороге – даже медведь отступится.

Но в нашей компании нет зверовых охотников – ребята все как один страстные приверженцы боровой охоты. Тетерев, глухарь и, конечно, рябчик – вот наша цель и желанный трофей. За ними мы с друзьями и ездим каждый год в вологодскую тайгу, подгоняя наши отпуска под сентябрь. Ещё вчера вечером, подумав, я решил сегодняшнюю свою охоту целиком посвятить маленькому скрытному и капризному лесному петушку. А то как-то так получалось, что конкретно по рябчику я давно не ходил, – брал при случае, как говорят рыбаки – он был «в прилове». А тут вдруг так захотелось «посвистеть» ряба – не спеша, вдумчиво. И ни на что больше не отвлекаться – ни на тетеревов, распевшихся на болотах, ни на глухаря, клюющего мелкие камешки на песчаных дорожках.

Всё-таки странная птица – этот рябчик. То он летит как подорванный, стоит только свиснуть манком, а то засядет в крепи и никаким калачом не выманишь под выстрел. То поёт, выдавая трель за трелью, а то молчит как немой, сердито перепархивая с ветки на ветку. То наладится резать круги вокруг охотника, беззвучно планируя между деревьями, а то идёт пешком, напрямик, загребая лапами сухую опавшую листву и гремя ею на весь лес. Но этим-то он и интересен,

наш русский лесной петушок, плотно и незаметно населяющий леса и рощи.

В лагерь уже пришло полное утро – огненные стрелы от показавшегося над дальним лесом солнца молнией пролетели над озером, ударили в наш берег и зажгли его ярким светом. Глазам открылась водная гладь, ещё плотно укутанная по краям ночным туманом. Но поднявшийся утренний ветерок игривой собачонкой принялся трепать эту подушку тумана, отрывал от неё целые куски и гнал по воде, завивая в причудливые фигуры. Эти призрачные клочья – химеры в розовых развевающихся одеждах неслись, едва касаясь ножками водного зеркала, кружились в вальсе и исчезали в дальнем конце залива, пропадая в чащобе прибрежного ельника.

Пора трогаться. Манки, патронташ с «семёркой», компас, сигареты, «тормозок»... – я проверяю карманы и рюкзак и, захватив одного из наших охотников, трогаюсь в путь. Ехать нам от лагеря километров пятнадцать – сначала по лесовозному грейдеру, а затем по старой, заброшенной лесной дороге.

По пути я высаживаю приятеля, предварительно договорившись о месте и времени встречи. Его цель – отходящий от основной дороги тракторный зимник, ведущий, как показывают карты, к далёким и сокровенным лесным озёрам. Туда-обратно верных два десятка километров, но у друга ноги лёгкие, резвые – ему дальние дороги в удовольствие. А на тропе в нехоженой тайге чего только за день не увидишь! Вот

вернётся он и расскажет за столом. . .

Ну, а я потихоньку еду по старой, давно неезженной дорожке, задеваю свисающие ветки кустарника и пристально вглядываюсь в новый, незнакомый рельеф дорожного полотна. Иногда приходится выходить из машины и убирать стволы деревьев, уложенных поперёк летним буреломом. Помогает трос и мощный мотор, иногда – пила. Проехав несколько километров, я останавливаю машину на невысокой гряде. Там в сторону от дороги отходит старая, ветхая, полусгнившая лежнёвка. Судя по карте, идёт она по старым вырубкам, уже поросшим молодым березняком, проходит над широким моховым клюквенным болотом с сосновым бором на другой стороне. И дальше, дальше – через перелески и лесные боровые острова. Самое то, чтобы походить тихонько, поманить рябчика, никуда не торопясь, вдумчиво и терпеливо.

Утро совсем разошлось – солнце показалось над ельником, осветив всё вокруг осенними, прохладными лучами. Туман рассеялся. Небо уже совсем голубое. Серо-белые клочья редких, холодных облаков – предвестников скорых заморозков, резво бегут к западу. Крепнувший ветерок гуляет в вершинках молодых берёзок, разбирая и расчёсывая золотые, поредевшие к осени пряди. Берёзки гнутся и стонут в приступе истомы, подчиняясь властной руке холодного ветра. А я неспешно иду по почти ушедшим в землю старым, полусгнившим бревнам брошенной лесовозной дороги. Эта дорога хороша тем, что идти по ней легко и не шумно. Правда,

приходится внимательно смотреть под ноги, чтобы не провалиться невзначай в щель между трухлявыми стволами.

Сейчас дороги в тайге предпочитают отсыпать песком, добываемым тут же, в песчаных карьерах. Но раньше основными путями для вывоза леса были лежнёвки – дорожки, выложенными длинными брёвнами. Эти брёвна скрепляли проволокой по три штуки вместе и укладывали продольно двумя колеями под размер грузовика. Клади их на деревянное же основание, сделанное из сырого кругляка, брошенного поперёк дороги в таёжное болото. И водителям лесовозов требовалось недюженое умение, чтобы провести тяжелую машину, загруженную длинномером, по двум нешироким бревенчатым «рельсам». Малейшая неточность – и машина соскакивала колесом вниз, и нужно было изрядно постараться, чтобы вернуть её на дорогу. И такие дороги тянулись из дальних кварталов до большака на многие километры. Водители знают, как не просто порой заезжать на смотровую яму в автосервисе. А здесь, считай, та же «яма», только длиной в несколько вёрст! В конце лежнёвок и в местах развилок настигались широкие бревенчатые площадки, позволяющие разъехаться встречным лесовозам или развернуться в обратный путь.

Время шло. Лес порубили и лежнёвки стали никому не нужны. Так и лежат они, забытые, по вырубкам и по молодым березнякам, зарастая травой и кустарником, постепенно рассыпаясь и уходя в таёжную землю. Зато по весне, возвра-

щаяся с глухариного тока, можно было загрузить свой рюкзак молодыми, ядрёными строчками, которые любят расти на подгнивших остатках деревянной дороги. Тогда в лагере в обед пахло жареными грибами, что было особенно приятно на фоне тающего вокруг весеннего снега.

На осенней охоте я тоже любил ходить по старым лежнёвкам. Они не спеша вели меня через дремучие заросли к самым заветным тетеревиным токам и кормовым местам. При этом относительная высота дороги позволяла хорошо видеть взлетевшую птицу, а бесшумность ходьбы по брёвнам давала возможность подбираться к дичи почти вплотную.

И сейчас я не спеша шёл по полусгнившей деревянной дороге, время от времени посвистывая голосом петушка, останавливаясь на какое-то время в «перспективных» для рябчика местах. Вот и сейчас впереди открылась небольшая уютная полянка. Очень хорошая полянка. Здесь от основной дорожки вправо уходила короткая ветка, почти не видимая в зарослях рябины и каких-то кустарников. Место хорошее и явно «рябушиное».

Я не спеша присел на крайнее бревно помоста, спустив ноги на мох, и начал посвистывать манком: «Ти-и-и-и-и-и-и, ти-и-и-и-и-и-и, ... ти-ти-ти...!» или, как мы придумали с ребятами вариант: «А-а-а-а-ааа... ты-ы-ы-ыыы... кто такой?!». После нескольких «куплетов» я, наконец, услышал ответную, неуверенную пока трель рябчика. Птица пряталась в кустах напротив меня. «Так! Хорошо! Поединок на-

чинается...», – подумал я. Сейчас главное не спешить, не испугнуть петушка своей излишней агрессивностью. Но рябчик ещё раз ответил мне и смолк. Наступила тишина!..

Прошло минут двадцать – я сидел неподвижно, манил, пробовал даже манить самочкой – всё было напрасно! Рябчик не отвечал. Не было слышно и мягких звуков его перепархивания. Эти звуки, будучи признаком возбуждения птицы, верно выдают её присутствие в лесу. Тишина была во круг, но всё равно – меня не покидало чувство близкого присутствия птицы. Сейчас надо быть особенно осторожным – рябчик боится резких движений. Он спокоен, когда охотник передвигается плавно, мягко, когда руки его движутся согласно движениям клонящихся под ветром веткам дерева, когда присутствие человека в лесу не выбивается из общего лесного хоровода.

Хотя, конечно, бывают исключения. Я до сих пор с улыбкой вспоминаю, как сидели мы с другом в лодке под лесным берегом озера и ловили окуней. Мы громко разговаривали, обмениваясь впечатлениями и обсуждая пойманных «матросиков». Вдруг совсем рядом в лесу запел петушок, я тут же потянулся к манку, висящему на шее. Пересвистывались мы с ним несколько минут, после чего рябчик с шумом вырвался из ельника и устроился в ветвях сухой, корявой сосны, стоящей на берегу в десятке метров от нас. Он нагло красовался перед нами и расхаживал по длинной, голой ветке – словно знал, что ружей у нас с собой в лодке нет. Я свистел ему –

он останавливался, прислушивался, склоняя голову набок, после чего отвечал, забавно вытягивая шею и трясая головой. Близость человека его совершенно не пугала, несмотря на наши активные манипуляции с удочками – окуни то и дело топили поплавок и просились к нам в лодку. Его нахальство и бесстрашие дошли до того, что, когда я в отчаянии стал свистывать манком популярную кричалку спартаковских болельщиков: «Спа-а-арта-а-аак – чем-пи-он! Спа-а-арта-аак – чем-пи-он!!!» – рябчик всё равно не улетал и отвечал мне своей обычной песенкой. В отчаянии мы стали махать руками и кричать в голос, пытаясь согнать нахального ряба, но всё напрасно – он плевать на нас хотел! Исчерпав все возможные шумовые эффекты, мы с другом успокоились и вернулись к рыбной ловле. А рябчик продолжал возиться в вершине сосны, разгуливал по веткам и чистил свой клюв. Но иногда он затихал, усаживался поудобнее и с нескрываемым любопытством рассматривал двух беспокойных людей в маленькой лодке. Так продолжалось с полчаса, после чего петушок зевнул и не спеша скрылся в глубине ельника. Вот и скажи теперь, что рябчик пугливая птица!

Ну, это всё – воспоминания, а сейчас, доставая очередную сигарету из кармана, я вдруг обратил внимание на какой-то посторонний предмет, появившийся на другом конце бревна, на котором я сидел. Видно было плохо, мешала высокая трава, торчащая между брёвен. Я пристально вглядывался некоторое время, но тёмный силуэт не шевелился и всё боль-

ше своими очертаниями напоминал мне старый небольшой пенёк на краю помоста.

«Фу ты! Померещилось!» – я отвёл взгляд, закурил и продолжил манить рябчика, теряя, правда, последнее терпение: «Ещё пять и минут и всё! Не хочет – так не хочет! Только время теряю...». И тут, ещё раз скосив глаза на подозрительный «пенёк», я вдруг явственно заметил, как он шевельнулся и немного передвинулся в мою сторону! Это был ряб! Он, оказывается, давно уже вышел пешочком из кустов, уселся рядышком на бревно и всё это время терпеливо и с любопытством рассматривал меня. Затаив дыхание, я медленно поднял двустволку и повернул её в сторону рябчика. Чтобы не разбить птицу, беру немного выше, целясь в голову. Выстрел! Я вскакиваю с места и чуть не бегом бросаюсь в сторону сидевшей птицы. Ура! Вот и он – красивый упитанный петушок с тонкими красными бровками и чёрным пятнышком на горлышке. Просто загляденье!

Я поднял птичку и оглядел со всех сторон. Бита чисто. Дробь прошла верхом – только несколько дробинок «зацепили» рябчика. Но и этого оказалось вполне достаточным. Главное – птица цела и не разбита дробовым зарядом, что, учитывая пять-шесть метров, разделявших нас, сделать было очень непросто. Бережно уложив рябчика в рюкзак и перезарядив ружьё, я отправился дальше. Пройдя больше километра и миновав стороной красивое широкое болото, разделённое сосновой грядой на два залива, я вышел на боль-

шую бревенчатую площадку.

Когда-то, лет десять-пятнадцать назад, на этом месте грузились лесовозы, разворачивались и ползли потихоньку наверх, к основной дороге, вывозя к узкоколейке плети строевого леса. Сейчас, правда, ничего здесь не напоминало о прежней бурной деятельности человека – только старая помятая цистерна из-под солярки неуклюже торчала из кустов. Люди ушли, забрав с собой почти весь лес, но тайга всё равно упрямо возвращалась и отвоёвывала себе всё, что было так грубо и нагло отнято у неё нерачительными и жадными до перевыполнения плана лесорубами.

Площадка проросла травой, побегами молодых берёзок и ёлочками в пару ладоней высотой. Теневой край платформы уже плотно затянут зелёным моховым покрывалом. Мох ярким бильярдным пятном выделялся на фоне полусгнившего дерева и притягивал к себе взгляд. И, о чудо, эту красивую полянку уже заняли! Десятки недавно народившихся миниатюрных пушистых ёлочек стройными рядами расчертили зелёное сукно. Они были очаровательны, как маленькие дети, такие же правильные в своей нетронутости и точности силуэта. Я стоял, смотрел на них, – на этот «детский сад», и любовался.

И вдруг, в какой-то момент, они показались мне не малышами, а уже взрослыми и мощными деревьями. Настоящим еловым лесом. И мой сапог, стоящий между ними, уже был не моим сапогом, а ботфортом сказочного великана из

детских историй братьев Grimm. И сам я великаном стоял в этих ботфортах, расставив широко ноги над еловым бором и, упираясь головой в облака, смотрел вниз с высоты птичьего полёта. Стало необычно хорошо, как в детстве, когда ещё так легко верилось в чудеса, когда Дед Мороз был реальным, Снегурочка тревожила своей красотой и маленькая железная дорога была полным воплощением счастья на земле. Особенно если прищурить глаза...

Прошло немного времени. С трудом оторвавшись от завораживающей картины, я поднял глаза и осмотрелся. Сразу за площадкой с миниатюрным ельником начинался нетронутый еловый остров – уже настоящий, без обмана, окруженный по краю молодым подлеском. Место перспективное – надо присесть и поманить подольше. Устроившись на обращенном к лесу краю помоста, я снял рюкзак, расстегнул куртку, выпуская жар от ходьбы, и затянул свою «рябушиную песню». Свистнул раз, через минуту – второй и сразу из леса раздалось ответное пение петушка. И так же, как в первом случае, певец, обозначив себя единственной руладой, замолчал. Я продолжал манить, в этот раз уже с большей уверенностью в конечном успехе. Такое случается у рябчиков: приходит день, когда они наотрез отказываются петь и лететь на звук манка. Но любопытство всё-таки пересиливает, и они начинают подбираться кчужому «рябчику» пешком. Молча. Видимо, сегодня пришёл именно такой день. И я продолжаю выманивать своего противника из леса, не отрывая взгляда

от моховых подушек на краю ельничка. Почему-то мне кажется, что именно туда должен выйти лесной петушок.

Что-то мелькнуло за еловой лапой, опустившейся на брусничную кочку. Я насторожился... Ещё мгновение – и на сцену буквально выскочил он – рябчик, собственной персоной. И именно там, где я и предполагал! Он вышел из-под ветки и остановился, вертя головой и оглядываясь, пытаюсь определить, откуда доносились эти подозрительные, чужие звуки. Выстрел! Петушок мягко лёг на мох, оставив в воздухе несколько мелких, выбитых дробинкой пёрышек. Они медленно поплыли по ветру и исчезли в темнеющем ельнике. Совсем как утренний туман над озером... Второй рябчик в рюкзаке – надо идти дальше.

Заброшенная лежнёвка ведёт меня вдоль опушки. Я медленно продвигаюсь вперёд, периодически свищу манком, пытаюсь сходу заставить притаившихся недалеко от дороги рябчиков выдать себя. Но лес молчит, и я меняю тактику. Надо просто выбрать подходящее место, усесться поудобнее и начинать манить, ожидая, когда бравый петушок сам пешком придёт к тебе. Такой сегодня день – день рябчиков-пешеходов. Вот и третий рябчик показался в мелком березнике на краю заросшей вырубки. Он мелькает за тонкими стволиками, останавливается, осматривается и идёт дальше. На его пути старый пенёк, покрытый зелёным мхом. Уж его-то рябчик точно не минует – с него так удобно оглядеться во круг. Он вспорхнул на этот пенёк и на какое-то время застыл

неподвижно, сидя на самом виду. Чеканно застыл! Здесь уж невозможно промахнуться! И третий «пешеход» вскоре перекочевал в рюкзак.

Прошло совсем немного времени – я сижу на краю лежнёвки. Рюкзак открыт. Я ладонью оглаживаю сегодняшнюю добычу и перекладываю их поудобнее. Мои рябчики!.. Красавцы... Закуриваю, с наслаждением пропуская дым в лёгкие... Голова кружится немного... Азарт охотничий утих и идти дальше уже не хочется. А хочется просто лечь спиной на настил лежнёвки, смотреть вверх, провожая глазами ключья облаков, резво бегущих на Запад. Я знаю, – это к заморозку!

Роюсь в дальнем кармане и в первый раз достаю свои часы. День-то, оказывается, уже давно перевалил за полдень. Пора собираться в обратный путь, к машине: в три часа в лагере ждёт обед, и у нас не принято опаздывать к столу.

Нехотя поднимаюсь. Ещё раз обвожу глазами красивую вырубку, лесной остров, надеваю потяжелевший рюкзачок и спрыгиваю с высокой лежнёвки на мох. Сокращая обратный путь, иду к машине напрямик через вырубки. Глаза по привычке ощупывают следы на земле и на подсохших лужах, обыскивают разбросанные по вырубкам вековые осины, не тронутые лесорубами. Уши реагируют на любой звук вокруг. Но это всё на «автопилоте» – голова занята другим: я уже начинаю вспоминать сегодняшнюю охоту как событие, отошедшее в анналы, пытаюсь анализировать и чувствую,

как понемногу в уме начинает собираться рассказ для друзей-охотников – рассказ о рябчиках-«пешеходах».

Да, нужно ещё друга на обратном пути забрать. По времени ему тоже уже пора выходить из леса. Интересно, какие рассказы он собрал в лесу....

Вадим Ионов Совершенство – Миниатюра. 02.10.2015

Иван Кузьмич сидел на любимой скамейке, смотрел на сохнувшее соседское бельё, что болталось на верёвке, и думал о прищепках. Если кто полагает, что думать о прищепках – это легко и просто, то он глубоко заблуждается.

Легко и просто думать о вечной любви, о хлебе насущном и о мировой революции. Однако эта лёгкость и простота, по печальному опыту Кузьмича, всегда была чревата нехорошими последствиями.

Потому как в этой задумчивости можно такого понаворотить, что ни с того, ни с сего, взять да и вляпаться в томление духа или в паранойю богатства, а то и попасться в какую партийную секту. В минуты таких не радужных перспектив Ивана Кузьмича посещала оторопь. Посещала, приноживалась и брала...

А взяв, держала в своих объятиях, приговаривая: «Ух ты, мой родненький Кузьмичик! Голуба ты моя, головастенка-кая!» Объятия эти были Кузьмичу неприятны и даже омерзительны, но и отвязаться от них он не мог по причине временного остоленения.

В связи с этим им и были отвергнуты мысли общественно-замусоленные, затёртые говорильней и сомнительными лозунгами. Тем более что за этими лозунгами призрачной

злобной тенью всегда стояла она – оторопь...

Закончив с анализом своего лирического отступления, Иван Кузьмич поёрзал на скамейке, сложил руки на груди и вернулся к думам о фундаментальной значимости прищепок, как категории скрепления двух родственных начал.

Занимательным здесь было то, что сами родственные начала – бельевая верёвка и штаны всевозможных конструкций, скреплялись быстро и надёжно какой-то деревянно-пружинной пустяковиной. Скреплялись без капризной клеевой липкости и без единого гвоздя. Чик – и готово! Чик – надевай и отчаливай! И что интересно – всегда вот это самое «чик» без каких-либо мучений и досадных чрезмерных поломок.

Но самым удивительным Ивану Кузьмичу показалось то, что конструкция этой самой пустяковины, за всё обозримое прошлое, почти не претерпела каких-либо существенных изменений. Она была изначально замечательно-гениальной. И как любая замечательная гениальность, проявленная в качестве совершенства, чихать хотела на все эти стрессы-прогрессы, на все эти «давай-давай» и «дуй до горы»! Чихать громко, всласть, без оглядки на этикет и условности приличия.

Утвердившись в своей мысли об отчуждённости и равнодушии всякого совершенства, Кузьмич шумно вздохнул и, сокрушённо покачав головой, был вынужден признать, что в нём, в этом самом совершенстве, отсутствует, и отсутствует

полностью, запас какой-либо суеты, чаще всего называемой движением. И что оно либо благосклонно позволяет собой пользоваться, либо безучастно принимает своё же забвение, при этом не проявляя никакого интереса ни к Кузьмичам, ни к Поликарпычам, и нет в нём к ним никакого сочувствия и желания наставлять на путь истинный.

Когда соседка, оповестив о своём присутствии басовитым: – Здорово, Кузьмич! – стала снимать сухое бельё, Иван Кузьмич подошёл к забору и сказал: – Семёновна! Будь любезна! Одолжи мне пару прищепочек, – и, чуть помолчав, добавил, – с отдачей.

Семёновна обернулась и, подойдя к Кузьмичу, протянула ему прищепки, при этом она улыбнулась и пробасила: – Сосед, дорогой, с какой отдачей? Вещь-то копеечная! Бери так! Пользуйся!

Иван Кузьмич поблагодарил щедрую женщину и пошёл в сарай за пассатижами. Надо было разобрать на части это копеечное совершенство и, в конце концов, всё-таки понять, что же там у него внутри...

Алексей Брайдербик.

Избыточность – Рассказ. 17.09.2015

Избыточность – ловушка безвыходности. При избыточности все перекрестки, повороты и изгибы приводят к фатальному тупику.

Пустота – избыточна. Например, есть пустая комната. Пустота, заполняющая ее, избыточна, так как, кроме нее, нет ничего. Пустота перестает быть избыточной только тогда, когда в помещении появляется что-либо. Нечто своим существованием уравнивает ничто.

Вдалеке между выжженной землей и пустотой неба виднеется расплывчатое пятно зари. У нее два бледных хвоста, один – сверху, другой – снизу. Первый хвост опущен в небо, второй едва касается тверди.

Заря – надежда? Нет! Она – символ повторяемости смерти. Заря – очередная атака врага – и вновь гибель людей. Вчера, сегодня, завтра...

Руины города – царство войны. На мглистых полях смерти – улицах и площадях города – война разожгла пожар боли, отчаяния и крови. Скелеты строений просеивают пламя страданий сквозь сплетения железных костей.

Две стены – холода ночи и тепла от многочисленных костров – стояли, прижавшись друг к другу.

На куске бетонной плиты сидел солдат и размышлял:

«Любовь представляется мне уродливой и неуклюжей. Это чудовище потрошит людей, выдирает из них корни мыслей, логики и рассудительности и уносит с собой растерзанные тела. Монстр рождается из обычной человеческой привязанности, из семян симпатии и цветов дружбы. Он волочит нас, мы машем руками и ногами, отбиваемся, что-то кричим, кого-то зовем – безуспешно. В чудовище сплетены преисподняя и рай, ему чужды звуки, и оно не способно родить слова.

Одиночество по-своему интересно, оно может уничтожить мир – или спасти человеческую душу. Одиночество заставляет смотреть во всякое лицо любви – красивое, уродливое, искаженное. Ненависть, к слову, тоже чудовище, только это – промежуточная ипостась любви. И на самом деле любовь заканчивается не ненавистью, а безразличием. Сначала мы любим, затем ненавидим, а после нам всё равно.

Я стремился к женщинам, чья душа – утонченная осенняя грусть, нежность сумерек после жаркого дня, прозрачная и нежная, как шелк, прохлада. Но всегда натыкался на женщин с огненными вихрями в сердце, обжигающим жаром души, темпераментом бури. С такими женщинами у меня не получалось создать семью.

Я хотел видеть своей второй половинкой женщину, сущность которой была бы подобна благоухающим плодородным дубравам и рощам, освежающим горным родникам и зеленым лугам. Однако почему-то несколько раз женился на

женщинах, в чьей природе присутствовала твердость скал и рифов, сухость раскаленных песков безжизненной пустыни, стужа антарктических равнин.

Я от раза к разу начинал избыточностью и заканчивал ею – две избыточности противоположны друг другу, а умеренность где-то над и под ними. Я был на одном уровне с двумя избыточностями, причем точно посередине между ними.

Каждый живущий на земле человек находится под прищмотром высших сил – я не исключение, но могу ли я своего покровителя назвать другом? Разумеется!

Он всегда пребывает на грани умеренности между острой чувствительностью и абсолютной бесчувственностью – между умением плавать как рыба и неспособностью держаться на плаву. Он глыба бытия на перепутье прошлых событий, настоящих свершений и предстоящих возможностей.

Лето прикрепляет к его спине крылья. Зима покрывает его шерстью. Весна превращает его руки и ноги в плавники, а легкие – в жабры. Осень возвращает его телу человеческую кожу.

Но он не человек, не животное, не призрак и не пришелец с другой планеты. Он не смерть и не жизнь. Он – промежуточная форма между человеком и животным, переходное состояние между жизнью и смертью. Он нечто среднее между призраком и пришельцем. Тот, о ком я говорю, – химера, рожденная от слияния каждой из промежуточных форм.

Мой друг – единственный, кому я рад всегда. Я никогда с

ним не ссорюсь, как с двумя старшими братьями и родителями. Мы разные – как огонь и вода, земля и воздух. Буря и тихая солнечная погода. Нет таких интересов, занятий, мыслей, которые объединяли бы нас. Почему так? Неизвестно. Возможно, всё дело в уникальности внутреннего мира каждого из нас. Одинаковость сущностей двух внешне не похожих людей таится в непреднамеренном договаривании друг за другом фраз, мыслей. Понимание того, что человек с тобой рядом очень близок тебе по духу, наступает буквально с первых минут общения с ним.

Я не чувствую духовного родства с членами семьи. В идеале все наши интересы, стремления, общие темы для бесед и мироощущения должны сразу же скрепляться, склеиваться, срастаться, однако на деле всё перечисленное происходит лишь «параллельно».

Я не плохой, не злой, не жестокий – тогда почему я родился в семье таких людей?

Если меня представят к какой-нибудь награде, например, за мужество, – я. Впрочем, пока не совершил ни одного героического поступка, но, надеюсь, у меня еще будет такой шанс, ведь пока ни одна из сторон не проиграла войну, – то пришел бы я на церемонию награждения со своей семьей или с другом? Думаю, что друг искренне порадовался бы за меня».

Солдат вместе с сослуживцами пережил и бомбежку, и обстрелы. Даже врага сокрушали вместе. Они все были связаны

смертью, кровью и болью. Печально осознавать, что только это может роднить некоторых людей, раз и навсегда делать их единым целым – избыточность и крайность. Может ли в будущем наступить умеренность? Да!

Ирина Артюхина. Обычная история – Сказка. 07.09.2015

Случилась эта история несколько лет назад. Как-то в разгар листопада, погожим днём, во влажном осеннем воздухе кружилось семечко. Его нашёл ветер где-то среди шелеста листьев, подхватил и потащил за горизонт. Семя то взлетало ввысь, то падало вниз, то кубарем каталось по земле, путаясь в сухих травах и старых ветках, а то опять, подхваченное порывом ветра, взлетало высоко-высоко над землёй. Обрамлённое в полупрозрачный белый шарфик-крылышки, летело семечко всё дальше и дальше. Пока не выдохся ветер. Пока не наступила ночь...

– Здравствуйте! – радостно приветствовала всех вокруг крохотная Веточка, пробившая толстый слой земли своей маленькой головкой. Вздрогнув на мгновение от прикосновения теплого, ласкового солнечного света, она откатилась листочком от себя подальше комков земли, выпрямилась и улыбнулась новому миру, обступившему её. – Вот я и проснулась!

Её окружили местные жители, с интересом глядя на новенькую, и стали шумно делиться впечатлениями друг с другом.

– Какая маленькая... – прошелестела Травка, разглядывая Веточку со всех сторон.

– Какая миленькая... – захлопала в ладошки Ромашка.

– Какая наглая... – фыркнула Крапива и растопырила свои ядовитые иголки в разные стороны.

– Какая звонкая... – пропел Колокольчик, раскачиваясь в такт с ветром.

– Какая красивая... – засмутились Незабудки и зашумели между собой.

– Какая крупная... – озадачился Одуванчик, надув жёлтые щеки.

– Какая сильная! – восхитились Сорняки, видевшие, как ловко Веточка откатила большой ком земли.

Они обсуждали её рост и размер, восхищались силой маленького стебелька и сияющей поверхностью её листочков, умилялись над уверенностью малышки и её жизнерадостностью. Шумело, шелестело взволнованно зеленое население, пока свой голос не подал всеми уважаемый житель этой местности Шиповник:

– Тихо все. Что расшумелись или никогда не видели, как просыпаются росточки? Напугаете её своим гомоном. – И, уже обращаясь к малышке: – Не бойся, здесь тебя никто не обидит – расти спокойно. А как тебя зовут?

– Я не знаю, – сказала Веточка. – И не помню, как оказалась здесь. Помню только, что долго играла с ветром, летала по воздуху, потом устала, упала на землю и уснула.

– Она не знает, она не знает... – захихикали Незабудки.

– Хм... – хмыкнула Крапива и отвернулась.

– Ну, и что, что не знает? – весело подмигнула Ростку Ромашка.

– Это не важно, как тебя зовут, а важно – кем и какой ты вырастешь, но ведь нам нужно к тебе как-то обращаться? – рассуждал задумчивый Одуванчик.

– Пока ты не подрастёшь и не обретёшь свою настоящую форму, мы так и будем называть тебя Веточкой, – сказал Шиповник и зашуршал своей листвой.

На том и порешили. И стала маленькая Веточка полноправным жителем большой Зеленой страны...

Не день и не два Веточка обретала свою форму. Она очень старалась найти своё настоящее имя. Каждое утро она умывалась прохладной росой. Каждый день Веточка, улыбаясь солнышку, тянулась к нему. Шепталась с ветерком и махала ему вслед. Тихо стояла под дождиком, растопырив листочки, которых становилось всё больше и больше на её тельце. И однажды мудрый Шиповник, с удивлением поглядев на Веточку, сказал:

– Малышка Веточка, теперь я знаю, как тебя зовут. Ты подросла за это время, вытянулась, похорошела, и я вижу, кем ты стала.

– Кем же? – воскликнули жители Зелёной страны.

– Говори скорее, Шиповник, – заволновались, зашелестели Травы.

– Кто же я? – взволнованно спросила Веточка, глядя на важного Шиповника.

Шиповник улыбнулся, ласково погладил Веточку по листочкам и сказал:

– Твоё имя, малышка, Берёзка.

– Ура! – радостно закричали все.

– Какое красивое имя у меня, – смутилась Березка и зашелестела зелёной листвой.

С тех пор растёт Березка среди Одуванчиков, Незабудок, Трав, Колокольчиков, Ромашек и других растений там, куда занесло её ветром однажды, и где она впервые проснулась...

Ирина Бауэр Труба

Фрица – Другое. 31.08.2015

У Фрица в голове обитала труба. Когда приходили на землю осенние ветры, когда перевозимок вьюжил, вытягивая жилы из небесного рая, сквозняк в трубе стоял невероятный. Фрицу казалось, что тысяча голосов поселились в его голове и живут своей жизнью, самодостаточны вне зависимости от держателя квартиры: переговариваются друг с другом, телефон не замолкает ни на минуту, голоса ходят друг к другу в гости, напиваясь до отвала даровой водочкой, машины вырывают на зернистом асфальте, отдавая в висок болью, кланчат, скулят, по-собачьи лепечут, выгибая спины, голоса бунтуют, предают, защищают, словом, бредят, и все это обилие страстей почему-то прописалось на территории трубы Фрица. Шуршащее, орущее, мычащее братство одного единого, вобравшего в себя плоть пространства звука. И тогда Фрица захлестывали воспоминания. Цветной лоскут, горсть соли на дощатом столе, пьяный дьяк, отпевавший мать, крал за алтарем вино между приступами слёз отца, отречение Фрица, радость родственников, герань на столе.

Жизнь в коллективе Фрица не устраивала, он презирал всякого рода стадность, содрогаясь от необходимости жить в тесном сгустке голосов. Подвижность воздуха внутри трубы бесила его до одурения, ведь Фриц стремился к статично-

сти, поэтапному устройству жизни в трубе, аккуратности при выборе знакомых и недопущения к трубному миру родственников, упаси Бог, и, конечно, всякого рода приятелей. Строго памятуя, что дружба – бремя, всякий раз, когда появлялся на пути Фрица друг, требовалась жертва, от Фрица пытались отломить краюху пожирней. Дружба вещь обременительная, утомительная и потому – никакой дружбы.

Фриц обожал до слез ярко-красный зонт, зонт, под которым он жил в гармонии с внешним миром, который терся о его, Фрица, ноги. Но голоса, подлые голоса с новой силой наваливались, скрутив по рукам и ногам, обезоруживая разноголосицей, тормозили Фрица, не давая ему уснуть. О, Дуда! Если бы не ты, Дуда, кто знает, в какие дебри ужаса завели Фрица голоса. Дуда приходила к нему вначале редко, случайно, затем все чаще и чаще. А ведь каких трудов стоило Дуде забраться Фрицу на плечи, а уж оказаться на высоте, там, на холке тени, границе между тем и этим миром, на высоте, где маячит знакомый зонт. Тем более что в январе земля слабеет, на высоте остаться непросто, тень Фрица сжималась, становясь кукольной, но место упруго и властно держит за руки хозяина, а зонт не сдвинешь. Что пришлось по сердцу Дуде? Разве женщина расскажет всю правду до конца мужчине, но мне, соглядатаю и фискалу в одном лице, мне, осеннему ветру, знать приходилось многое. Наверняка Дуде нравилась стабильность жизненного пространства Фрица, та уверенность, с которой он никогда не расставался при всей его

ноюще-плачущей физиономии. Женщина пообвыкла, шмыг запросто под зонт, все реже стала она покидать насиженное место, крапленое пространство, так много съевшее кусков от воображения наивной Дуды.

– Грудастая Дуда, сахарная тянучка! Счастливец тот, кому выпадет счастье прижаться губами к белой, пахнущей корицей коже, подбородку, сытому, отяжелевшему белому телу, горячим дыханием оберечь нежную Дуду, целовать пупок, величиной с маслину, – лепетал Фриц во сне.

А когда подолгу наблюдал за Дудой, испарина выступала на коленях, словно соль сквозь уставшую гимнастерку, а сердце с разбега уходило в пятки, одержимое единым припадком: Фриц хотел эту женщину. Сразу и всю! Фриц знал наверняка: стóит ему пожелать Дуду, невидимый Бес, давний недруг его зонта, встанет в тень пирамиды и примется наблюдать за Фрицем, возьмет в плен его, Фрица, сознание. Он хотел Дуду не так, как вчера, но сильней, чем сегодня. Время, в том числе и наши желания, имеет изнанку, стертая обличовка по волокну. Ну, не растут пальмы в Сибири, а хочется! В бедламе для Фрица находился душок подлости и предательства, причем настолько весомый, что Фриц не мог совладать со своими желаниями, не находя покоя. В теле у Фрица обитала вялость, в каждом суставе, в каждой клетке, в каждой волосинке. Но когда прижимал он Дуду, именно эту женщину, когда целовал ее влажные губы, к которым пристал волос медного цвета, выбившийся из-под заколки, во

рту, вязком от слюны, метался незримый шарик, и потому Фрицу нужно непременно попасть в лузу, иначе нельзя, для того она, луза, и сооружена, чтобы припереть к стене игрока.

– Извращенец, – смеялась Дуда, впиваясь болезненными поцелуями в мясистый, потный нос Фрица.

Однако налетали ветры, свидание комкалось, сквозняк, враг человечества, усиливался в трубе, и тогда Дуда начала тихонько плакать, припадая плечом к ворсистой обивке шезлонга, устав от слез, сворачивалась волчком и засыпала. До лучших времен, Фриц! Но чаще она читала, причем делала это своеобразно. Вначале, удовлетворившись эпилогом, затем нехотя, с опаской, начинала с первой страницы, скука торжествовала над любопытством, напускная серьезность, уступала место флирту с книгой, а затем уже лень, мягко, мягко изворачиваясь, вставала на караул у изголовья. Всем видом Дуда показывала облюбованную жертвенность, вот, дескать, трачу время на сладенький романчик, целую Фрица, сижу в шезлонге, слушая изо дня в день ветер, застывший в кронах деревьев, идут ливни, не прячусь под зонт, пренебрегая временем и здоровьем.

Частенько Дуда, взяв широкую белую скатерть, спускалась в долину, поближе к лесу, зазывала, таким образом, летучих мышей в гости. До утра компания пила вино Фрица, мыши вели себя по-хамски: истребив медовые яблоки, громко хрюкали, захлебываясь весельем, кружили Дуду, посадив на крылья, плевали сверху на Фрица, бросая на землю круп-

ные сколы града, затем бесконечно таскались в туалет, аукали, как заведенные, забравшись в трубу. Казалось, что мучить Фрица (мышь не давала и ему толком выспаться) является главной целью их визита. Наутро, когда усталость, соседка бессонной ночи, трепала холки кустам сирени, мыши, не прощаясь, исчезали, и Дуда, присмирив, курила принесенные липучками (так Фриц называл мышей) сигареты, нехотя болтая босой ногой перед лицом Фрица.

– Подлые потаскушки, – ругал мышей Фриц.

Табачный дым, попадавший в отверстие трубы, доставлял настоящие мучения, голова шла кругом, во рту вязкость горьковатой слюны, тоска сжимала грудь. Препаскуднейшее ощущение! Дуда, казалось, не замечала метаний Фрица, лежала себе, расслабленно уставившись в небо, впад в оцепенение; чувствовалось, она устала от праздника, сладко потягиваясь, глядела на Фрица и не видела, широко разметав белые ноги.

«Лесбиянки чертовы, – клял мышей Фриц, – в следующий раз изничтожу липучек, развратниц».

Но наступал новый день, Фриц успокаивался, разглядывая с высоты людей, которые толклись у домов, сидели в палисадниках, бегали, как заведенные машины, товарные вагоны, слепые инстинкты требовали пищи, геологи отправлялись в экспедиции, словом, все как всегда укладывалось в схемы и коды жизни. Так бы и жили себе Фриц и Дуда, если бы не письмо, злосчастная бумажка, перед всесилием ко-

торой Фриц чувствовал себя фиговым листком, способная уничтожить человеческий мир и надежды, разом быстро и бесшумно.

– Это катастрофа, Дуда, – у Фрица дрожали губы.

– Ветры утихли. Скоро родится новый месяц, – пыталась обнадежить женщина.

– Нужно срочно возвращаться на землю и закрасить дороги, перерисовать мир, изменив его, как можно быстрее, – настаивал Фриц. – Посмотри, Дуда, прежде я не замечал, как много на земле канав, оврагов, как обильно исполосовали дороги, пахнущую сырцом, землю.

Все следующее утро Дуда и Фриц красили, перекрашивали, поменяв местами деревья, шоссе и трассы, откатали прочь камень, границу мироздания, вправо, галочки гнезда таскали с места на место, позже, растерявшись, пересыпали гнездами травы, самые крупные водрузили на сосны и ели. Помогло? Бумажка подкралась, неведомая и сильная в незнании своем, жадно вгрызалось уведомление, создавая преграды на пути двоих. Там, на земле, незнакомый ангел, самозванный герой, кроил нимбы из терновника и пчел, гудели змеиные свадьбы, забытый шаман бил в бубен и оставалось либо закрыть глаза, либо потерять себя.

На сороковой день от получения бумаги прикатил дядя. Весело помахал рукой в знак приветствия; там, на земле, дядя казался ростом с муравья, Фриц в первую минуту, увидев дядю, устыдился прежних страхов, что же касается дя-

ди, сила родственной крови была настолько сильна, что переборола первое замешательство. Гость бодро принялся карабкаться на недостижимую, на первый взгляд, высоту. Стабильность шезлонга Фрица дядя учуял сразу, как чует гончая запах взбесившейся лисы. Нежно вгрызаясь в пространство, дядя всасывал запахи родственника, ворковал, вздрагивая огромным избытком живота. На высоте жить так сладко, по разумению дяди здесь мало ответственности и много изобилия! Не порядок, нельзя для одного Фрица так стараться небу! Радость была односторонней, бурной и оттого недолгой. Искося рассматривая племянника, сидевшего в шезлонге, дядя настырно прищипывал языком.

– Н-да, – прервал он молчание. – Меня предупреждали, что вид твой, прямо скажем, не того, но чтобы до такой степени, это умудриться нужно! – положил начало знакомства с племянником малознакомый родственник.

Фриц, насупившись, молчал, строя недружелюбную мину, всем видом говорил он, что чужероден ему незнакомый толстый человек, сидевший у ног, человек в малиновом пальто с черной папкой, более того – противен. Но такие пустяки мало заботили дядю, как и холодный прием племянника, уродство которого не смогло поколебать дядиных принципов, выработанных под действием времени и желаний. Дядя устроился поудобней, растолкав свои вещи как придется, утирал с полнокровного лица пот, причем делал это неловко, то и дело размахивая носовым платком, и вскоре стал на-

крапывать дождь, сплошь и рядом из капель дядиного пота, соленый и едучий.

– Жарковато здесь у вас, – освоился дядя и снял пальто. – А у тебя, племянник, чисто, красиво, прямо рай земной. И шезлонг премиленький, и женщина твоя, ну прямо, как ее, Клеопатра.

Дядя изобразил на лице, по возможности, жгучую улыбку бывалого сердцеда, высморкался под ноги, и тут же принялся посылать Дуде один за другим воздушные поцелуи.

– Фу, он слюнявит губы, – морщилась Дуда.

Фриц не слушал ее, давно заприметил он павиана, чья красная, извините, задница мелькала у подножия тени его шезлонга, более того, павиан истреблял яблоки, тут же гадил, при этом поглядывал на Фрица, издавая угрожающие звуки. Фриц с раздражением поглядывал на дядю, сообразив, что лишь этот толстяк, обжора и неряха, мог так бесцеремонно поступить, привести животное, посадив на цепь, мучить его жаждой.

– Ничего, ничего страшного, – сообщил дядя, – во всяком случае, пусть посидит внизу. На кой мне павиан, тем более такой прожорливый.

Однако Фриц настаивал, и дядя был вынужден кормить павиана, давать ему воду, хотя ближе чем на пять-шесть шагов к животному не приближался. Павиан, завидев дядю, смотрел на хозяина внимательным взглядом, смотрел грустно, при этом сжимал в лапе помидор, и дядя, всякий раз

приблизившись к своему спутнику, бледнел, сжимался, усыхая на глазах (сытая прежняя гладкость покидала его), и поспешно подсовывал миску, бросаясь наутек. Между рейдами на землю и обратно дядя занимался разнообразнейшими делами, а именно: изобразив жгучую улыбку заядлого сердцеда, эдакого свойского парня-любовничка, посылал Дуде жгучие поцелуи. Дядина забава – недоеенная блоха, скачет от Дуды и обратно, дядя пожирал ее взглядом, постанывал, он, даже изрядно утомившись от бесполезных кривляний, искал иные виды развлечений. Открывал тщательно охраняемый портфель, сетуя, что прежде за сохранность вещей отвечал павиан, а нынче не на кого положиться, тем более в гостях, доставал яйцо, сваренное вкрутую, и незамедлительно съедал его вместе со скорлупой. Покончив с завтраком, дядя снимал носок с правой ноги, долго и вдумчиво его рассматривал. Затем ковырял пальцем сухую пятку, чистил между пальцами грязь, обтирая о брюки остатки пота, подносил к носу измазанные пальцы, обнюхивая, кряхтел. Покончив к вечеру с туалетом, ни слова больше, ложился, где сидел, и вскоре его храп проникал во все уголки пространства, захваченного благодаря отважным вылазкам разведчика, часами наблюдавшего из дупла дерева за изменяющимся цветом шезлонга Фрица. Храп проникал эхом в трубу, сверлил мозг, Фриц не мог в такие дни сдерживаться, пинал дядю ногами, проклиная спящего последними словами.

– Чертов дядя! – шумел Фриц. – Откуда подлец знал ко

мне дорогу?

– Дай ему денег, – предлагала Дуда.

– Свинья, – стонал Фриц, закрывая ладонями уши. – Это конец.

К ночи стало свежо, похолодало основательно, большие звезды, словно медные пуговицы, освещали зонт Фрица безразличием. С каждой минутой густели тени, вторя уснувшим бабочкам, Дуда мечтала о минуте отдыха, о забвении прошедшего дня, мечтала расправить затекшую спину, выгнув ее наподобие клейкого зеленого листа и еще о том, что Фриц был так одинок, он ведь вынужден оберегать трубу. Тогда взгляд ее становился влажным, блуждал среди светящихся на болотах гнилушек, сердце Фрица становилось податливым, теряя прежнюю возвышенность, более того, он становился ласковым, покладистым, Дуда, смешав ночь с днем, получала, наконец, согласие, таким образом, под ногами Дуды появлялась опора. Оттолкнувшись, против всех законов физики, Дуда, растворяясь в шумах и запахах, из ладоней Фрица попала на грудь, и дальше, мягко взлетев, уперлась тугими пятками в плечи. Затем Дуда впрыгнула в трубу и тихонько побрела извилистыми коридорами. Фриц от удовольствия смежил веки. Его пальцы дрожали, набегали волны удовольствия, горьковатая истома лишь усиливала приступы счастья. Дуда проявляла небывалое упрямство и настойчивость. Она все шла и шла вперед, труба изнутри сияла, и Дуда, не утерпев, прикоснулась губами к трубе, огла-

живала в удивлении окружавшее изнутри золотое великолепие, золото, за которым охотилось так много соискателей, но мало кто мог видеть дары, предназначенные не для каждого. Лишь промысел дарил Фрицу счастье жить с Дудой, когда ощущение восторга, привкус безудбыточного счастья, удовольствие от ласк предназначались его трубе.

– Я свободна, – шептала Дуда.

Ветер шевелил волос на висках, она не верила в очевидность собственного освобождения.

Дуда даже пела, рождая мелодии, одну прекраснейшей другой, не показная сортировка чувств, ведь на самом деле мироздание всего лишь игрушка из детского магазина, мир величиной в трубу. Раз за разом, восторг не управлялся с удовольствием, Дуда тихонько целовала трубу, чувствуя ее силу. Дуда растворилась в таинственных ароматах, она словно обретала на минуту забвение, и вот уже ломит затылок горечь промерзшего на степном ветру шиповника, лисы, почувяв первый снег, объедают ягоды, на глазах растут люди, утопая в мягкой бессвязности ласк трубы. Отчего так мучительно мало дней для счастья?

Обессиленная, возвращалась Дуда, мягко ступая вслед за парой лебедей, обживших самовольно трубу, птицы иногда выходили из укрытия поплавать на свободе. В такие редкие вечера Фриц брал Дуду на руки, укачивал ее, укрывая кромкой тени, словно малое дитя. Дуда закрывала глаза, уставшая, счастливая, однако освободиться от лепета звезд

не могла. Но и возникавшие мелкие колкости казались в сравнении с храпом дяди мельчайшими недоразумениями, храп преследовал, душил, подрезая на ходу легкий шаг Фрица. На исходе недели павиан привязался к Дуде, выискивая глазами знакомый абрис фигуры, терпеливо поджидал женщину, не притрагиваясь к пище до тех пор, пока долгожданный помидор из ее рук не окажется на тарелке. В воскресенье павиан совершил побег, безжалостно перепилил цепи, сложнейшие механизмы которых создал дядя, всякий раз не без гордости подчеркивая собственное значение перед дикой природой, скрылся в неизвестном месте, чем взбесил дядю, вспышки веселости которого стали беспокоить Фрица, приобретая затяжной характер. Черт, съешь подлого дядю!

По утрам Дуда мучалась головной болью, дядя был, наоборот, свеж и бодр, радостно пожирал яйца, ловил мотыльков, которым незамедлительно отрывал крылья, выбрасывая под ноги бьющиеся тела, много смеялся.

– Скотина, – ярился Фриц. – Смотри, что выделяет.

Оставшуюся до отъезда неделю, как утверждал дядя, он решил посвятить поиску павиана, однако не сдвинулся с места. Павиан нашелся сам собой. Животное внезапно возникло на соседствующей с тенью Фрица пирамиде, где при любой погоде, днем и ночью животное, выставив блинообразный зад, дразнило с азартом дядю. Павиан нарисовал на спине дядин портрет, исковеркав лицо до карикатурного минимума, подписи были самые скверные, уличали дядю во мно-

гих грехах, показав Дуде скрытые таланты, на первый взгляд, твари, место которой в клетке, как любил пофилософствовать дядя. В любую минуту, когда вздумается павиану самовыразиться, он начинал ходить на четвереньках, вертел задом, надоедливое действие вошло в привычку, когда не до смеха, не до скуки, а так муть и брезгливость набегают на строку.

– Н-да, – смеялся дядя.

– Каков хозяин, таков и павиан, – не сдерживал негодования Фриц.

Глупая Дуда плакала, впрочем, как все женщины ее типа.

– Труба твоя гудит, покоя на земле нет. Нужно тряпочкой дырку прикрыть, на кой нужно, чтобы ветра переговаривались? – ворчал дядя.

Вскоре Дуда, начисто позабыв об осторожности, продолжила свои блуждания по трубе, перестав обращать внимание на взбунтовавшегося павиана, и дядя, с его мешкообразным животом, отдалился, он словно съехал вбок, потерял для Дуды всякое подобие осмысленности. Лишь единое всегдашнее предприятие забавляло Дуду, она по-прежнему держалась в трубе солнечной стороны. Наутро в четырнадцатый день совместного долготерпения Дуда и Фриц не обнаружили дядю на прежнем месте, и это было так неожиданно, выглядело нелогично, но можно сойти с ума от счастья. Пора возвращать себе маленькие радости прежней жизни, однако обнаружилось, что мешали долги дяди. Малиновая шу-

ба, которую всегда надевала Дуда, отправляясь на болота к старому знакомому, кучерявому Бесу, исчезла вместе с родственником. Одно позитивно: старый негодяй испарился, бабочки вздохнули с облегчением, стрекозы с прежней страстью парили в небе, а старая слепая медведица Фифа на радостях зазывала в гости. Дуда отложила свой визит. Носилась вокруг шезлонга. Одержимая счастьем, перепрыгивая через мост между тенью Фрица и трубой, передразнивала павиана, добровольно подставлявшего облезлый зад под удары кислых яблок.

Дядя вернулся через два часа живой и невредимый, воспользовавшись отсутствием Дуды, занял ее шезлонг. С видом победителя почесывал живот, то и дело неприязненно косился на Фрица. С того дня Дуду как подменили. Она осунулась, почернела, часами просиживая на руках Фрица, безмолвствовала, и никакими ухищрениями невозможно было от нее добиться подобия слова. Смотрела на дядю с затаенной обидой ребенка. Но дядя потерял всякий интерес к женщине племянника, он зычно икал, его живот, убежище Молоха, урчал, а воздух, такой прозрачный и наивный, пованивал, едва гость начинал ворочаться в Дудином шезлонге.

– Я хочу, – нарушила вековое молчание Дуда, озадачив расстроенного Фрица, – чтобы на твоей могиле разбили парник, в котором вырастет огромный ржавый огурец, я накормлю им павиана.

Дядя после сказанного три ночи хохотал, прикладывая к

слезящимся глазам ладони, Фриц морщился, сфальшивленные заоктавы мучили золото трубы напускными предостережениями. Дядя украдкой лез под платье к Дуде, дядя пах плесенью, впиваясь острыми корнями в колено женщины, за что был немедленно отстеган тонкими ивовыми прутиками по жирным ляжкам. Дуда все меньше становилась, похожа на саму себя, Фриц даже предполагал, что виной этому снег, что не может так долго стоять снег у порога, Дуда страдала от того, что степь вскоре уснет, припрятав до времени ветер. Так думал Фриц. Обессилено уронив голову, Дуда впадала в оцепенение, из разжатого кулака на колени Фрица выпал пушистый комок перьев, Фриц в первую минуту похолодел от ужаса, дядя, замахнувшись, прошипел:

– Вкусные были птички, что ни говори. И нечего жалеть, раскудахтался, раб трубы!

– Они жили во мне! – растерялся Фриц.

– Больше не будут, – успокоил заботливый дядя.

Орешник, разрастаясь в глубоких оврагах, посылал к Дуде своих сыновей, да стрепеты переговаривались, замирая в небе, посматривали на дядю, с каждым днем разрастался незримый круг выжженной земли вокруг гостя, иссякли струйки выющегося воздуха, земля перестала гулять весенние свадьбы, и птицы ушли вслед за мерцающим жаром степных закатов.

– Нужно искать новую тень, – шептала во сне Дуда.

– Нет, – решил Фриц, – нам нужен новый ветер.

– Куда там... – зевнул дядя. – Разве вам недостаточно меня одного? Им еще ветер подавай! Да ты что, племянник? Едва ветер меня накроет, пиши, пропал дядюшка.

– Новый ветер, – Фриц одержимо смотрел на Дуду, прося ее согласия, но женщина, теряя прежнюю уверенность, лишь слабо улыбалась, тень, оттиск слюдяного ангела, некогда упавшего в золотые травы степи.

– Есть ветер настоящий, а есть фальшивый, – дрожащими руками Дуда беспорядочно набивала в сумку вещи.

Натружено пели лягушки в любовном раже, чуя шкурой: скоро, очень скоро место под зонтом опустеет, Дуда и Фриц покинут облюбованный рай, растворясь в безвоздушности, ведь тысячи сквозняков вселенной в одном озере или болоте (вода она везде вода) соединены воедино. А уходить Дуде и Фрицу придется, дядя непреклонен, дядя не отдаст так запросто захваченный шезлонг. Когда двоих не стало, исчез зонтик, спасавший от неверия многообразие форм жизни, для павиана не нашлось помидора, способного в руках Дуды превратиться в некий знак одобрения нелепых плакатов, раскрашенных его неумелой рукой, оставшимся стало мерзко жить. Что же станет с несчастными лягушками, откуда черпать страсть? Их песни, отраженные в трубе Фрица, теряли свою прелесть, превращаясь постепенно в огульное лягушачье кваканье. Чувствовалось, как тоска засела по углам недружным кордоном, лягушки хотели бы вновь стать трубами в чужой голове, да кто пустит на постой это племя? Че-

рез неделю, одурев от тишины, павиан сбежал по шербатым ступенькам с пирамиды. Огибая выбоины в камнях (там, в балках, еще теплилась вязкая жизнь), до самого вечера ловил прожорливого дядю, согнав из шезлонга, а дальше, настигнув старика, ухватил за венозную лодыжку и со всего маху швырнул в пустеющую балку, поросшую едва различимой травой. Еще через неделю эфирной тишины ветер, принесенный в карманах дяди, искал то пристанище, ради которого он вынужден был отправиться в столь рискованное путешествие, но не найдя трубы, место Фрица вымерло, мучался без сквозняка, без легкости и тяжести одновременно. Выбросили шлепанцы Фрица на помойку, выбросили да не забыли.

Красное море покраснело, сорваны травы, вывернуты корни, те самые корни, которыми прирастает человек к сердцу, мозгу матери, первой матери, родившей человека, способного не столько брать, сколько отдавать, матери, научившей любить мироздание, тем, кто не наелся добром вдоволь. Дуда, словно цветок, сорванный с корнями, шла вслед за Фрицем, оставляя за собой разводы красных пятен, след на белых покровах туманов, кровь Дуды пополняла моря, истекая в озера, умирал Дудин, не родившийся, сын. Фриц, прижав к груди бесценную ношу, утешал Дуду, как мог, гуляя по облакам.

Не знаю, была ли утешена Дуда. Каждую ночь люди встречали Дуду в разных местах, она посаженной матерью при-

существовала на свадьбах змей, хоронила акулу, пила вино с моряками в старом баре за молом. Но всегда возвращалась к Фрицу, памятуя, что не так просто забыть поцелуи и запахи, пятнистые проплешины на рубахе, разогретой безжалостным солнцем. Дуда так и не смогла привыкнуть к мысли жить на руках мироздания, ощущая себя сосной, вырванной ураганом из песчаной плоти. Корни теряли намоленный рай.

«Руки Фрица заняты, – размышляла Дуда, – ребенку негде жить, некуда преклонить голову. Мои руки не станут его руками. Сын уходит от меня. Я кровоточу».

Огромный желтый бык подждал Дуду у ворот Иерусалима. Но войти в них Дуде не суждено было, еще только затеплился рассвет, как бык увез младенца, так и не ставшего сыном, отцом, дедом, вернув себе взятое у земли. Дуда не просила помощи, она не издала ни звука. Хотя миры и мириады воздушных Див соединились над головой, концом путешествия стал крик последнего петуха, глупой птице положено было петь именно так, а не иначе, волос Дуды взлетел паутиной кверху, соединяясь в круги, по которым шляется человечество в поисках счастья. И здесь не было места для трубы Фрица, его шезлонг не нашел для себя подходящую тень, пора, пора возвращаться к Красному морю. Дуда выкурила сигарету, долго и настырно искала она ржавый ключ от дома, где некогда была счастлива, но, увы, от дома остался пепел, пирамиду омыли ветры, не давая покоя царям, вынужденным вместо трубы Фрица терпеть голоса людей, притих-

ли лягушки, а павиан пошел бродить по лабиринтам подворотен.

– Мы вернулись. Здесь, Фриц, мы вновь будем пускать корни, – решила Дуда.

Фриц согласился, вновь запестрел его зонт на прежнем месте.

Разве история Фрица и Дуды окончена? Нет, так будет до тех пор, пока в Океане таится до времени белая пухлая лилия, частенько посматривая в небо, ищет она посох, гремящий об облака, и дело, в общем, не в том, куда направлен взгляд Дуды, а в настойчивом желании Фрица хоть сколько дать трубе петь, нет, не достучаться до кругов вечности, какой прок от идола, молчащего вверху, если сам Фриц надел на голову убор из жерновов, если Бог Фрица не в состоянии разглядеть самого обычного человека.

Отец наш небесный, дай силу обрести шезлонг, для каждого свой! Что же ты молчишь? Или ты получил из средства для выведения пятен, ну уж не ты приложил руку, чтобы уберечь трубу Фрица.

Валентин Мурзов. Козёл. – Миниатюра. 28.08.2015

Дело было в те далёкие времена горбачёвщины, когда действовал «сухой закон». Сначала «Великим Указом» с прилавков исчезла водка, затем пропали сигареты, потом... полетело всё в тар-та-ра-ры!

Но не о том речь, а о козле, жившем в затерянной в поволжских лесах казачьей станице. Надо сказать, что все эти нововведения коснулись и его. Не подумайте, что о человеке речь. Я бы тогда написал козёл с большой буквы – Козёл. Ну вот, выяснили... Козёл, он, стало быть, и есть козёл. Здоровущий такой, с огромными рогами и званием – мирской. Так как в станице коз было целое стадо, а он один, то кормили его всем миром, а потому и мирской. Кличка его была по молодости – Васька, но с годами все стали его звать Василием Алибабаевичем, как известного героя кинокомедии «Джентльмены удачи», иначе он просто не откликался. С приходом всеобщей демократии и вседозволенности всё это пришло и к Василию. Был он гордый и строгий. Чуть чего – в стойку и кидался на обидчика, стараясь долбануть его так, чтобы мало не показалось. Вот такой он был козёл Василий Алибабаевич! Но я этого не знал, пока не познакомился... при встрече. И вот как это случилось.

Понадобились мне как-то в хозяйстве доски, и поехал я

договариваться со станичниками, которые уже в то время взяли у лесхоза пилораму и участок леса в аренду ввиду того, что этот лесхоз напрочь перестал платить зарплату и начал бурно распадаться и исчезать. Для хорошего разговора (правильного разговора) я взял с собой три десятка пачек сигарет «Прима». Водку брать не стал. Доски столько не стоят. Да и «разговор» может затянуться на пару дней. И не факт, что о чём-то хорошем договоримся. Пьянка – она и есть пьянка! А где я всё это «богатство» брал? А там, где и все! Брат, сват. Соображать надо!

Приехав в станицу, я увидел следующую картину. Пилорама стоит, а около двух десятков лесорубов и рабочих пилорамы сидят в тени деревьев и молча то ли спят, то ли думают. На моё «здрате» откликнулся только один голос.

– И здоровее видали... Чо надо?

– Да доски хотел бы купить.

– Нет досок. Видишь?

– А что нужно, чтобы были?

Все два десятка молчаливых статуй с заинтересованным видом повернулись в мою сторону.

– Чо-чо... Курить дашь – будет разговор.

– Не проблема. Угощайтесь!

Две пачки разошлись за секунды. Брали по две сигареты – одну в зубы, другую за ухо. Все, блаженствуя, закурили.

– И сколько, мил человек, тебе досок надо?

– Да куба три.

– Дорого стоять будет...

– Сколько?

– Куб досок на куб сигарет!

– А морда не треснет?

Все захохотали. Разговор пошёл с шутками-прибаутками.

Рассказали, как они забастовали по причине того, что курева не стало, как их Голова не смог достать сигареты и, закрыв пилораму на два замка, ушёл со вчерашнего дня в запой. Сговорились о цене – пятьдесят пачек сигарет за кубометр досок.

– Ну, а теперь, друг, иди будить Голову или, хотя бы, ключи у его бабы выклянчай и завтра можешь приезжать за досками.

Дом Головы находился метрах в трёхстах от пилорамы за небольшой речушкой, через которую перекинут мост. Мост был довольно широкий, добротный, рассчитанный на проезд тяжёлой гружёной техники и тракторов. Никакого ограждения на нём не было. Речушка метров около пяти шириной стремительно неслась меж высоких глинистых берегов. Пройдя мост, я вышел на высокий пригорок, на котором красовался дом Головы. Он был большой и красивый. Резные окна, крыльцо и двери были действительно искусством деревянного зодчества.

Пройдя через двор, я постучался в двери дома. Через минуту вышла миловидная средних лет женщина.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! Вы к мужу?

– Наверное.

– Да спит он, паразит! Вчера со всей станицей переругался из-за этого треклятого курева и загулял. Теперь неделю отдай. Да, кстати, Вы не помогли бы? Посередь хаты, как улётся, так и спит. Ни пройти ни проехать.

Когда я следом за женщиной зашёл в дом, то увидел здорового усатого мужика лет пятидесяти в одних трусах. Он лежал на полу, на спине и так лихо храпел, что и усы и все занавески ходуном ходили. Я хоть и не хилый человек, но вдвоём мы еле-еле затащили Голову на кровать. Женщина предложила мне чай за труды праведные. Я не отказался. Поговорив о том, о сём и объяснив ситуацию, я получил заветные ключи и направился к пилораме.

Выйдя из дома и закурив, я сразу увидел на мосту огромного козла. Путь был один – только через мост и только через этого козла. Подойдя ближе, я увидел, что козёл как-то странно шлёпает губами, коротко мекает и дорогу мне уступать не собирается. Делать нечего, и я решительно направился чуть правее, как мне позволяла ширина моста с надеждой, что удастся проскочить нежданное препятствие. Но не тут-то было! Козёл встал в стойку и мощно кинул своё рогатое тело на меня. С трудом мне удалось увернуться. Козёл наступал и его нападения вот-вот могли достичь цели. Минут пять можно было наблюдать зажигательный танец козла и человека. Зная, что бегством от этого рогатого животного

не спастись, у него четыре ноги, я решил закончить это дело кардинально. Когда козёл встал очередной раз в стойку, я вместо того, чтобы уйти в сторону, резко шагнул вперёд, схватил козла за рога и, провернув его вокруг себя, закинул супостата в речушку. Оглядевшись вокруг и убедившись, что никто ничего не видел, я пошагал к пилораме.

– Ну, что? Как успехи?

– Вот ключи.

– Молодцом! А у нас не получилось. Ну, что закурим?

– А куда от вас денешься. Курите.

Раздав ещё две пачки сигарет, присел покурить за компанию «на дорожку». Вдруг откуда-то появился козёл. Весь мокрый и измазанный глиной. Он, минуя всех, направился ко мне. Я инстинктивно стал забираться на сложенные в штабель брёвна. Козёл, не доходя до меня метра три, стал опять шлёпать губами.

– Это ты его искупал?

– Ага.... А что это он губами шлёпает?

Все долго и весело смеялись, а потом один мужик пояснил, что козёл-то курящий и просит закурить.

– И всего делов-то?

– А ты дай, не жалеи!

Я прикурил и дал сигарету козлу. Тот, вытянув шею, принял «угощение». Пять глубоких затяжек в течение какой-то полуминуты, и «курильщик», обжигая губы и выделявая ими невообразимые гримасы, выплюнул коротенький оку-

рок на землю. Затем он опять повернулся ко мне и зашлёпал губами. Под одобрительные возгласы присутствующих я дал ему вторую, а потом и третью сигарету. Всё повторялось под заразительный хохот мужиков. Козёл затребовал ещё одну сигарету.

– А ты не жмись! Уважь животину ещё раз! Увидишь то, чего кроме нас никто не видел!

Ну, я и дал... Козёл успел сделать три затяжки и затем, как подкошенный, упал с сигаретой в губах. Глаза стали как стеклянные.

– Сдох...

– Ты смотри, что дальше будет!

Минут через двадцать козёл зашевелился, встал на дрожащие ноги, посмотрел на нас, придурков, безумными и ставшими косыми глазами, повернулся, и, мотаясь из стороны в сторону, падая, вставая, с потухшим окурком в губах, пошел куда-то в лес. Я авансом отдал оставшиеся сигареты. На следующий день забрал доски и, покурив ещё раз с мужиками и с козлом по кличке Василий Алибабаевич, уехал домой.

Вот так достала козла демократия и вседозволенность! Так же, как и людей... Так же, как козёл, все девяностые мы шлёпали губами, выпрашивая чего-то у кого-то. Так же были пьяны от вседозволенности, водки, наркотиков... И, слава Богу, что закончились эти мерзопакостные девяностые годы, и мы опять постепенно становимся людьми.

Зинаида Соколова-Сафонова.

Логика (Из цикла «Сны Разума...») – Миниатюра. 09.08.2015

Проснувшись раньше всех (считается, что раннее утро помогает размышлениям), Разум продолжал обдумывать ситуацию, сложившуюся в пространстве реальности. Привыкший раскладывать свои расчеты по полочкам, он с удивлением и досадой вдруг понял, что сегодняшнее утро, как и вчерашний вечер, тоже не в его пользу. Может быть, потому, что ночь он плохо спал – мысли о главном не давали ему покоя, и он даже во сне пытался что-то сообразить. Непорядок, когда Разум в течение вот уже многих часов ничего не может сообразить! Если вариант нулевой, то надо звать Логику, но ещё только шесть часов, и она спит.

Всё же решение не терпит отлагательства, и Разум попытался растолковать Логику, хотя это удалось ему с трудом.

– Что опять? – сердито спросила Логика.

– Ты должна мне помочь. С фондом благотворительности ничего не получается.

– Хорошо. Я попытаюсь тебе объяснить на примере, но только на прогулке.

– Это же нескоро! – возмутился Разум.

– Ничем не могу помочь. Тише едешь – дальше будешь!

– Видишь, сколько голубей вокруг? – загадочно спросила Логика.

– Вижу, что с того?

– Смотри, один бежит к нам. Доставай свои семечки, надо его покормить.

Разум разорвал пакетик с семечками, бросил несколько штук на асфальт. Голубь стал поспешно клевать, но к нему тут же слетелась небольшая стайка голубей, затем по направлению к ним крылья зашелестели со всех сторон...

– Так я могу остаться без семечек! – взмолился Разум.

– На этом примере я показала тебе тщетность твоих попыток найти коррупцию в фонде благотворительности. Если бы ты даже отдал всё содержимое пакетика, ты не накормил бы всех слетевшихся голубей, не говоря уже об остальных, и сам остался бы без своих любимых семечек. Ты это знаешь и без меня.

Логика поняла, что Разум уловил суть её примера, и тут же попыталась скрыться в мыслях, – это было единственным выходом из ситуации, чтобы не мешать Разуму и не вмешиваться в эти дела самой. Она дала только намёк, а принять решение должен теперь именно он. И хотя чаще всего решения принимаются без учета её мнения, тому, кто их принимает, мешать не стоит.

Алексей Александрович Федотов.

Черный карликовый тигр.

Фэнтези 13.07.2015. Зверландия

В Зверландии кто только ни жил! И говорящие звери, и сказочные существа. Людей, правда, было мало: слишком уж высокие требования к ним здесь предъявлялись. Считалось, что человек должен быть во всем безупречен – и честный, и благородный, и добрый, и смелый. А если нет – иди в местную полицию и меняй паспорт человека на паспорт гоблина – гoblin любим может быть.

Но вообще-то в этой стране всем находилось место. Нельзя сказать, что все в жизни ее обитателей было безоблачным – простые и справедливые ее законы после истолкования правил их применения местными управителями бывали очень тягостными; и сами жители нередко ссорились друг с другом. В то же время преступности почти не было, не то что в соседних Гоблинландии и Лепрекони, эмигранты из которых получали вид на жительство в Зверландии только после многочисленных проверок их благонадежности. Голода здесь не было, каждый имел жилье и работу.

Царем Зверландии был Крылатый Лев. Мудрый и благородный, он думал о каждом из своих подданных, чтобы любой мог реализовать свои таланты. Он считал, что самое

большое благо для живого существа – это свобода, нужно дать каждому шанс проявить себя, а вмешиваться лишь в крайних случаях. Но получилось так, что талант занимать места начальников в высшей степени был хорошо развит у лепреконов и гоблинов, поэтому из пяти губернаторов провинций этой страны было два лепрекона, два гоблина и только один старый мудрый тигр. Жители его провинции благоденствовали, но сами этого не замечали. Им казалось, что они лучше решили бы все проблемы, и роптали на власть.

А вот губернаторы остальных провинций, занимая эти посты, принимали местные акты, уточняющие общие законы. Например, Крылатый Лев дал всем право на труд. Они же «для блага местного населения» трактовали его как право работать двенадцать часов в день с одним выходным. Им, конечно, хотелось бы, чтобы рабочий день составлял 16 часов, а выходной отличался тем, что в него можно работать всего лишь 8 часов. Но самый хитрый лепрекон сказал, что тогда вмешается Царь. Или Крылатый Лев гарантировал всем подданным право на жилье. В четырех провинциях это право трактовалось как право самим нести все заботы о содержании жилья. А для лучшей организации этой заботы были созданы специальные компании, помимо которых невозможно было ни отремонтировать дом, ни отапливать его зимой. Прибыль от этого шла на «местные нужды».

Разумеется, Царь обо всем этом знал. Он вообще мог в любой момент встретиться с любым жителем страны, стоило

тому лишь очень сильно этого захотеть и мысленно позвать Крылатого Льва. И неизвестно откуда Царь тут же мог возникнуть перед ним. Но он не откликнулся на пустые и корыстные призывы. Более ценным для него представлялось то, что находилось в сердцах и в головах его подданных, чем то, будет их дом одноэтажным или четырехэтажным, и будут они есть два раза или восемь раз в день. Кстати сказать, наиболее недовольными были именно те, кто имел шестиэтажные дома и ел десять раз в день. Причины их недовольства были обусловлены тем, что им сложно было переварить такое количество пищи, и тем, что, находясь на одном этаже дома, они думали, не залезли ли воры на другой. Хотя воровство в Зверландии было крайне редким. Зато те люди, звери и сказочные существа, которые без ропота переносили все трудности, поддерживали среди них друг друга, чувствовали какую-то незаметную, но реальную помощь Крылатого Льва. Все-то у них получалось как бы само собой; имея самую простую еду, они умели радоваться ей как пиру, в самом скромном жилище им было уютнее, чем в любом дворце. И тот, кто жил с ними рядом, глядя на них, тоже хотел стать лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.